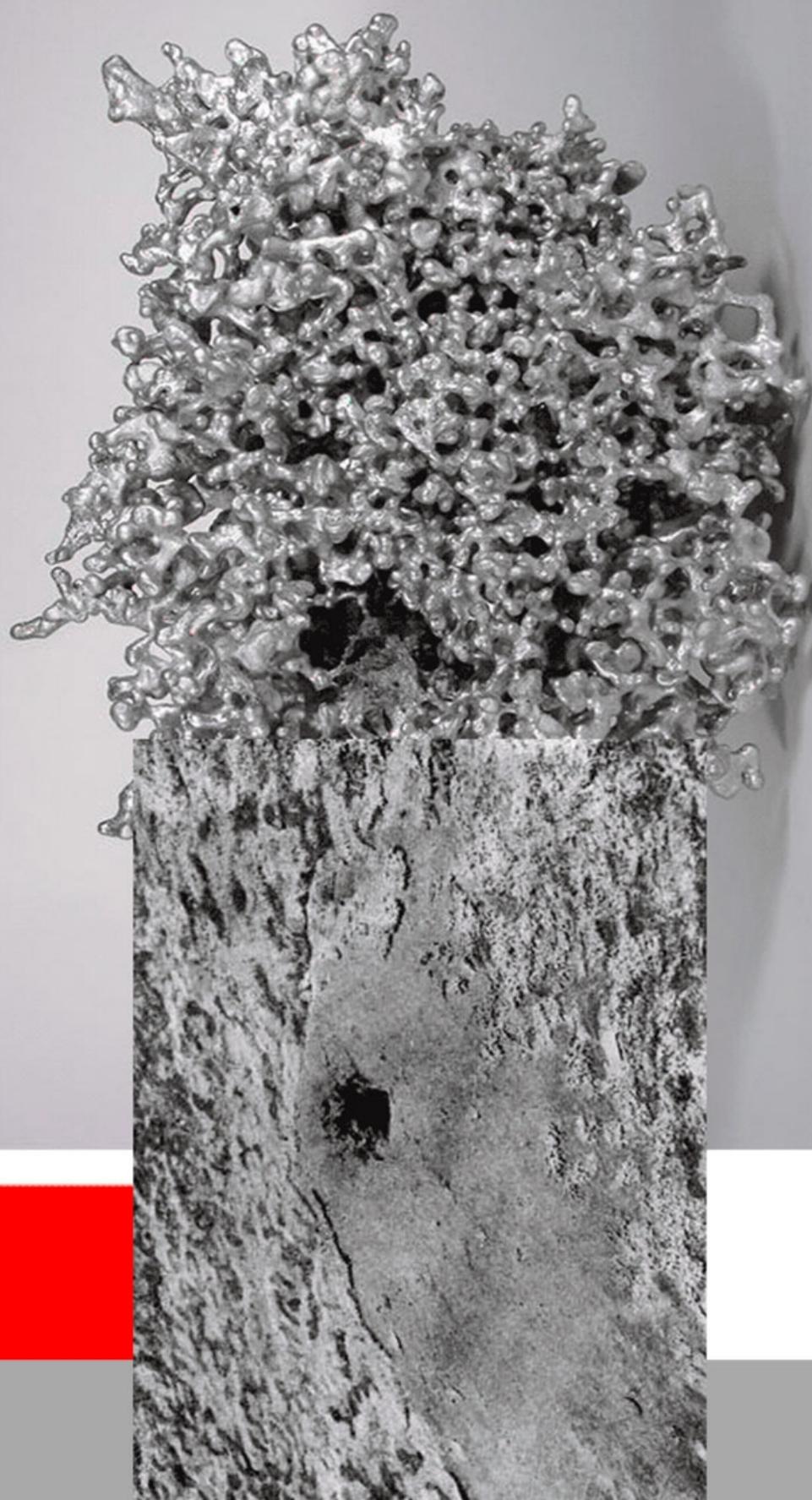

роман михайло
изнанка крысы

РОМАН МИХАЙЛОВ

ИЗНАНКА КРЫСЫ

krot.me

2017

Мы сидели в дымном кафе с пластмассовыми стульями-столами, в районе Камла Нагара. За окном перемещалась обычная природа, в привычном вечернем ритме: худые собаки, люди с замотанными головами, хаотичные помятые машины. Здесь хорошо дышать, воздух видно глазами. Собеседник [начитанный эзотерик неопределенных занятий] неожиданно начал рассказывать о границах человеческого, о том, что есть четкие линии, за которые невозможно проникнуть сознанию. Там лежит горизонт, попадая в который, сознание необратимо разлагается.

В этом же районе находится один из лучших книжных магазинов — Мотилал. После кафе мы туда и зашли. Множество пыльных рядов редких книг. Собеседник нырнул в сторону джйотиша и расаяны, стал со знанием пролистывать таблицы, диаграммы, алхимические схемы. В тот момент спросил его, может ли он символически изобразить горизонт, о котором только что рассказывал. Он ответил:

«Крыса мажется золотом и превращается в день, мажется серебром и превращается в ночь, но не сама, а внутренностью, а внешне она остается солнцем и луной. Горизонт там, где иссякает и золото, и серебро»

То ли он процитировал только что просмотренную книгу, то ли достал эту фразу из себя. Ответил ему, что напишу текст о прозрачных людях, ритуалах птиц-оборотней, изнанке ужаса, языковых трещинах, и начну его с момента нашей беседы [всю дорогу проговаривал фразу про золото и серебро про себя, пытаюсь не забыть, чтобы прийти и записать. Эту фразу можно переписать множеством способов. Человек заканчивается там, где теряется натяжение между светом и тьмой; горизонт — линия войны, за которой человеку не о чем думать; сознание растворяется во сне крысы]

Спустя почти два года, могу показать ему созданный лабиринт.

Если вы изучали магию, то... вы изучали магию, вы молодцы. По-крайней мере, вы освобождены от некоторых иллюзий, например от того, что магию можно изучать. И еще вас не очаровывает структурализм. Если нечто похоже на нечто, то это явно иное нечто. Если в одном мифе заоблачные жители защищаются от наступающих земноводных, строящих гигантские лестницы, а в другом мифе рыцари держат оборону крепости, то это явно не то же самое; заклятия, используемые при обороне облаков, не сработают при грубом натиске штурмующих крепость. Другое дело, что это выглядит схожим образом, и далекий наблюдатель может не различить эти два акта. Но издали могут разглядеться иные обстоятельства, к примеру, жуткая гримаса самой крепости, против улыбки, сложенной из облаков. Структура — как далекий наблюдатель, живущий сам по себе, он может закрыть глаза, и все обнаруженные им связи растворятся.

Если структуру впустить в сознание, как блуждающего демона, перед умом выстроится наука связей, «основные мифы» и праязыки, раскроются единства растений, людей и фондовых рынков, побег из тюрьмы и ограбление банка сольются в едином намерении вечного возвращения, мягкие формы свяжутся с грамматиками.

Галлюцинирующая структура свободна от телесных законов, она может сообщить многое, она видит как видит. Разглядывание галлюцинирующих структур — это то, к чему тяготел постструктурализм с момента своего появления.

Ценное положение очарованных-разочарованных постструктурами — положение галлюцинирующей субъектности иного склада — растения, животного, производства, рынка — при этом сохраняющей чувство человеческого языка. Стать лесом, видящим сны про свою внутренность, про своих обитателей. Язык нужно оставить при себе, даже при полном рассыпании сознания. Иначе как сообщить миру о своем новом положении. Нужно ли сообщать? Нужно. Не нужно. Это будет сообщение себе иному, возможно, себе прошлому, тому, кто еще не умел говорить на птичьих языках.

Люди примеряют маски животных, чтобы испытывать иное. Еще порой хочется перейти из мира человеческих забот в природную бессовестность. Обозначение перед обществом, что отныне ты — собака или лошадь, сбрасывает привычные интересы и тяготы. Больше никакой политики-экономики, кризисов фондовых рынков, курсов валют, теперь у тебя не две, а четыре ноги, ты быстрее людей, лучше ориентируешься в пространстве, можешь перемещаться по ночным просторам, оставаясь окутанным внутренним светом. Будто истинный, изначальный мир тебя хранит в ладошках. Проблемы собак и лошадей тебя не коснутся, ведь на самом деле ты — человек, просто примеривший маску животного, и никогда не станешь галлюцинирующей собакой, лающей на тени умерших бродячих собратьев. Ты придерживаешь то, что ощутимо.

Крыса...

Крыса, скрыто от мира грызущая лоскутки сознания, рассказывает историю хайдеггеровского ужаса, уединяющего присутствие. Сама крыса — не ужас, а невесть что, обнаруживаемое в тексте [но не текст целиком]; если следить лишь за ней, текст превратится в карту перемещений, заполненную разрывами, трещинами, прыжками, лабиринтами контекстов, болезненной ритмичностью, спокойным существованием и давящим кошмаром. Она не обнаруживается целиком, и не оправдывает ничего из сказанного.

Текстовые крысы повсюду. Крысы, наводнившие Гамельн, крысы погрызшие упряжки коней завоевателей Иерусалима, крысы в стенах Лавкрафта, крысы Кинга, фэнтезийные крысы-оборотни... Любимая цитата из Делеза-Гваттари:

«либо прекратить писать вообще, либо писать как крыса».

Крыса легко становится емкостью, позволяет ввести в себя множественные метафоры. Крыса — это умное и подвижное «иное».

Храм Карни Мата в Дешноке. Десятки тысяч крыс живут в этом храме, как в монастыре, никуда не отлучаясь. Они словно вернулись в вечную обитель, полную покоя и тепла. Сидят по кругу, пьют льющееся с небес молоко коров сурабхи. Крысу, живущую в храме Карни, называют кабба.

Стены-двери храма сотканы из кружевных орнаментов. Хвост кабба задает витиеватость, подхватываемую всем пространством.

Задача крысы — плести кружева.

Этот текст можно воспринимать как игру: поиск крысы в извилистых контекстах. Этот текст — комикс без картинок, ферма-лабиринт, в котором обитает «мое» сознание. Это не «что понимаю», а «где могу быть». Куда ближе к карте местности и инструкциям по выживанию, нежели к повествованию. В карте есть как пустые глыбы, стоящие для фона [типа «если вы изучали магию..»], так и предельно обнаженное «я», вывернутое настолько, насколько допустимо, как концепции, возникающие в результате поломок-трещин, так и срезы, вызванные «случайной» остановкой посреди движения.

Каждая из трех частей: «Изнанка муравья», «Изнанка лестницы» и «Chuuhaa naashak davaa» имеет свою ритмичность и подритмичности, что эстетически сомнительно. Порой вообще все движение расщепляется на зыбкие пластины. У этого нет оправдания, как и у самого текста. Но если бы текст лился в одном ритме, это бы навеяло иные подозрения. В тотальной имитации, например. А так, если в нем и возникают временные имитации чего-то, то они незначительны. Rat leprosy, утро цветочницы Хиры, naashak, освобождение человека-крысы, red night, lalrate, gotokaal, Чинти, — неважно, как расставлены метки.

Язык не зарождается, а ждет, когда вывернется ужас. Крыса — не машина, создающая текст-галлюцинацию, а вахана, на которой можно попасть в ночь. Быть крысой позорно, крыс убивают. Сосед рассказывал, как работал в колбасном цеху, по утрам приходил туда с

напарником, а там весь пол заполняли кишашие крысы, дальше их прессовали — гигантским обваливающимся металлическим небом, и смешивали с мясом других животных. Галлюцинирующая крыса, показывающая себя себе.

Вы сидите на банкете в азиатском ресторане [возможно, вы в Китае, или Камбодже], за круглым столом, по которому расставлены крутящиеся блюда. Хозяин ресторана приготовил нечто особенное, деликатес — зажаренных в масле крыс. Крышка начинает трястись, оказывается, одна из крыс не зажарилась, и вообще не умерла. Она выскакивает из блюда и бежит по столу. Вы догоняете ее вилкой как трезубцем, пронзаете ее плоть, под звуки общего смеха и одобрения. Смотрите на нее и узнаете «тетушку мышь», в чепчике и ночнушке, с обложки вашей детской книги. Тетушка мышь вам рассказывала сказки, под которые вы засыпали. И теперь перед вами стоит страшный выбор: либо сделать вид, что ничего особенного не произошло, положить вашего старого друга себе в тарелку, либо слезно покаяться перед тетушкой мышью, сказать, что ее сказки для вас важнее того, что происходит вовне.

Тетушка мышь, Расскажи мне о галлюцинации.

Хороший выбор, хорошее направление. Теперь придется прислушиваться к шепоту. Мышь поведет вас по внутренним норам, лабиринтам сознания, слоям, заполненным еле ползающими мерзостями типа слизняков, светящимся паутинам. Придется следить за кружевами, выплетаемыми хвостом. Кто плетет краше кружева: крыса или проказа? {проказа — она такая... такая кружевная.}

Скобки [...], (...), {...} — это текстовые облака, как в комиксах, шепот, скрип, стон, мысли мыслей [а не только комментарии]. К примеру:

Таблица ---- [Ж.Д. восклицает «Нет ничего более веселого, чем классификации и таблицы». Таблицы пустых и полных клеток, М.Ф., восхищающийся классификацией китайских животных (императорских, забальзамированных, ...) Борхеса, симптоматология, разделение знаков ----> образование концептов. Классификация форм сосудов, в которые заливается сознание. Для Ж.Д. классификация — забава и угар, лучше, чтобы она не заканчивалась, чтобы время заполняло новые клетки (есть два вида макияжа, десять видов ртов...). Это его отличает от математиков [занимающихся манипуляцией пылью, проступающей на поверхности, соскребыванием пыли с готовых платформ], стремящихся завершить классификацию и уснуть грустным сном, оставшись висеть молчаливыми портретами (или стоять бронзовыми обручками) в институтах]

Это Н. рассказал о проказе, разъедающей сознание — сознание, наполняющее вещи сутью, делающее вещи вещами. Прогулки внутри погрызанного, гнилого, тлеющего тела. Это же интересно, почти горизонт. Кружева непредсказуемы, как цветные стекляшки в калейдоскопе. Там куда больше буквального и меньше метафорического, чем может показаться.

Горизонт как граница The Outside Н.Л., иного, внешнего, темного сна, не снящегося людям. Или же граница ярчайшего света, сжигающего сознание. Заглядывание в темные сны — приятное копанье в Ничто, о котором нельзя сказать ничего, но которое доставляет удовольствие самим ощущением невозможности. Запретная интимность, которая на вид негреховна из-за неспособности нарушения «запрета», из-за отсутствия выбора, воли и возможности; кто осудит выворачивающее себя сознание, нащупывающее горизонт, которого нет. Даже напротив, в этом есть некая наивность и чистота. Сколько в этом пафоса... Но вы всегда, при причувствии излишнего пафоса, можете заменить экзальтированного автора на литературного персонажа. Вы всегда можете заменить «я» на «никто».

Прозрачные-призрачные люди, коллажированное просачивание, птицы-оборотни, разъедание горизонта проказой, изнанка ужаса — все это натянута на напряженность, существующую между сознанием, рассыпанным на лоскутки, и цельным, думающим «я». Это не теория изнанки, и не теория вообще. Если «мне» будет стыдно за этот текст, то

будет стыдно и за само сознание, за «себя» в целом. [в третьей части Чууһаа naashak davaa ставится [опять же пафосная] задача освобождения человека-крысы из п.б., здесь можно построить забавные спекуляции об обратном превращении психиатрических больниц в лепрозории — антифуко; множественность подобных трактовок трудно оценить, их можно нарезать как бумажные цветы в больших количествах] При всем, будет лукавством заявить, что «мне» все равно, «я» так и хочет остаться мыслящим и чутким, сбросив с себя этот текстовый панцирь, дом-карту, игру-поиск-крысы, комикс-о-Чинти. И еще «мне» крайне дорога рваная ритмичность как возможность существования.

Должен выразить сердечную благодарность людям, которые продолжали общаться со мной последний год, несмотря на тяжесть сложившегося восприятия. Спасибо Диме Крипту, которого никогда не видел глазами и вряд ли увижу. Твои вопросы и комментарии стали важной частью текста. Спасибо Джарру, Михаилу Елизарову, Михаилу Куртову, Александру Секацкому и Феликсу Сандалову за терпение, общение, обсуждение фрагментов текста.

ЧАСТЬ 1. ИЗНАНКА МУРАВЬЯ.

На вокзале люди, стоящие на перроне, общаются с людьми в вагонах мимикой и жестами, нашептывая при этом послания, там двойное стекло, не пропускающее звуки. Подбадривают друг друга веселыми рожицами, изображают любовь, складывая пальцы в сердечко. Перекрещивают собеседников, благословляя на дорогу. Подносят кулак к уху, указывая, чтоб те позвонили, как доберутся.

Почти сутки на поезде, затем час на электричке. Поезд полупустой, сонный. Дед смотрит в окно на проносящиеся столбы и хохочет. Говорит, что лучше не будет ложиться, чтобы не мешать храпом, лучше понаблюдает за пробегающей ночной природой.

Скоро войдем в пористую темную местность, пар над водой, еле двигающийся дым — дыхание утопленников, промчимся мимо озер, я там в детстве бегал около сельского кладбища, боялся взглядов с памятников.

Зимние неподвижные улицы. Людей почти нет, дома как монолитные остывшие монстры. Черные птицы летают сквозь холодный воздух, плетут невидимые паутины, соединяя окна с окнами, деревья с деревьями.

Вышел из электрички и пошагал по пустынной местности. Там дорога с домами-коробками, с коврами в квартирах, со спящими в подвалах, а прямо — социальный дом, приют неприкаянных, бедных, нервных, с разлитой мочой по коридорам, протекающей крышей, разбитыми лампами. Раз в месяц к дому приезжают менты, забирают всех, кто выходит из подъезда. Если выходишь из этого подъезда, значит, что-то не то с тобой, у тебя в кармане соль или сахар, или пуха, или кожа пятнистая, лицо черное. Из этого подъезда нельзя выйти ранним утром, если у тебя устроенная жизнь, разумные принятые суждения о вещах, работа и перспективы.

В 90-е за неуплату отопления выселяли из обычных квартир, отвозили на огороды и в подобные дома, огороженные заборами. Гетто для тех, кто не понял общие принципы жизни, не смог вписаться в привычный ритм. [выселили одного государственного служащего — после он съел себя]

Около дома автобусная остановка, прямо под окнами. На остановке люди, без изменения взглядов, без движений, с лицами, повернутыми в сторону, откуда должен появиться автобус. Это пожилые люди, с тяжелыми взглядами и ожиданиями.

Когда подошел к остановке, еще до того, как посмотрел прямо, почувствовал, что сейчас произойдет, внутри застучала сердечность, стало трепетно, будто сейчас подниму голову и увижу кого-то сокровенного. А когда поднял голову, вся внутренность содрогнулась. Мама в мгновение заплакала, молча обняла.

Мама знала, что я сегодня приеду, но не знала, что электричкой, что пойду по этой дороге. Она взяла меня за руку и повела по улице. Как тогда. И как тогда. Уже какой раз она меня отводит домой, я ложусь под иконками и застываю.

Заворачиваюсь в ковер на стене, мысленно располагая себя в пространстве. Мы рядом с социальным домом, в таких же темных сырых коридорах, в стене тайник, там когда-то отчим хранил обрез, пока не продал цыганам из-за угрозы выселения за долги. Здесь меня не найдут, а если найдут, не увидят, не распознают.

Мне и хорошо, и плохо. Щелкаю пультом от телевизора, перелистываю каналы, новости, клипы, спорт, это единственное место, где могу уснуть под непривычные звуки идущих сериалов или мультфильмов.

Мама спрашивает, как живу, а я не знаю, что ответить, просто молчу, перелистывая каналы, жду, что она сама начнет рассказывать. Она расскажет о кошмарах, о старых знакомых, о болезнях, о том, что кто-то умер, но не дает покоя, приходит во снах и продолжает всю ту херь, что делал при жизни.

Вечером встречаюсь с друзьями, мы идем по улицам, смотрим на повисшие в сером воздухе куски памяти. Встречаем старых приятелей — сорокалетних худых и посторонних людей, бредущих в подъезд, в холодную тьму. Они спрашивают о жизни, предлагают посидеть на квартирах, послушать все звучащее. Они перемещаются туда-сюда в Нигде, выныривают в видимость, как рыбы из воды, смотрят затекшими глазами, ныряют обратно в безлунную пропасть.

Вы хотите взять и положить меня в мягкий мох.

Мы идем к Поселению — дому, на который смотрим каждый раз, как встречаемся. Кажется, что он вклеен извне, или наоборот, он был там всегда, а вокруг него выстроился остальной город.

FFFFFFFFFFFFFFFF

«Здесь стоял человек и книгой перекрещивал небо, я попробовал подойти, но он попятился назад, а затем скрылся за домом, тогда я понял, что ты приехал» Э. уже седой, но столь же ясно смотрящий сквозь воздух.

Мы встали около дома, в тишине. На нас маски животных, мы будто лошади, единороги, с большими головами. Можно прижаться ртом к одному из окон на первом этаже и прокричать туда, но звук пойдет не как обычно, а словно через трубу — с внутренним эхом, если разбежаться и прыгнуть на стену, можно пройти сквозь.

Ни у кого из нас нет входа в Поселение. Мы так простояли, пока не замерзли.

Подошел худой человек в пальто, постучал зубами вместе, а меня будто не заметил, не посмотрел даже, перекинулся шепотом, пробежался взглядом по дому. Затем, услышав, что пришли из-за моего приезда, уставился в лицо, будто не веря в видимое. Приблизился и обнял меня, пошептывая что-то неразличимое.

Близкое по звучанию — МГ — Iranian female olympic table tennis team theme, только в холоде. Это друзья детства-юности, у них тела и лица уже как у стариков, уже никакой агрессии как раньше, все съедено обстоятельствами. Разговаривают тихо, почти беззвучно, часто надо догадываться, это не совсем слова, скорее потоки потухших эмоций. Они будто выплыли из щелей, из изломов.

У Н. лицо как земля, как темный песок, он может лечь и слиться с грязным снегом. Как надо жить, чтобы лицо стало таким?

Н. слоняется по местам, смотрит на напуганные души. По слухам, Н. сидел за торговлю оружием. Но это какие-то пустые слухи. Кому он какое оружие мог продать, если он, по сути,

не человек. Он мог оказаться на квартире, где люди хранили оружие, сидеть в углу, и даже не в углу, а в себе, и оказаться на этой квартире из-за того, что больше нигде быть в тот момент — просто так. Когда пришли с обыском, все растворились, а он остался сидеть в себе, не видя необходимости во внешнем движении. Ему все равно, где быть, хоть в тюрьме, хоть в лесу, он уже давно не здесь.

FFFFFFFFFFFFFFFF

В конце 90-х резко подскочили цены на квартиры, а населению объяснили, что срочно нужно все приватизировать, иначе жилье уйдет [их квартиры приватизируют другие, все хотят жить в этом месте — никто не хочет там жить, их квартиры заберет пустота и обморок, существа с белыми пятнами на теле]. Люди брали кредиты, выкупали свои квартиры у кого-то, затем оказывалось, что кредиты ввергают в рабство — их нельзя погасить раньше срока, нужно много лет жить и выплачивать, пока не переплатишь всю сумму в кратном объеме.

Заводские общежития, а дальше деревянные двухэтажные дома-бараки, сгнившие будки, цепи опустевших построек, окутанных лесом и тьмой. Там все застывшее, дышащее серым паром. В такое время призракам тоже холодно передвигаться, они ютятся на окраине, в замерзших заброшках, рядом с трубами. Мы там ходили когда-то, били железными прутами по этим трубам, пугали призраков. Они содрогаются от острых громких звуков, вызванных не голосом, а пористым движением, типа падения камня на закрытый металлический бак. Это не скрежет, который им понятен, а внутренний объемный звон, как у колоколов.

Дальше граница и подглядывающая бездна, заполненная иной сущностью.

Когда-то мы подбегали к границе, дразнили тамошнее, кричали, кривлялись, глядя в бездну. Оттуда что-то злобно шипело, мы ржали. Оно никогда нас не проглотит, у нас человеческая наполненность.

Зашли в социальный дом и провалились в пол, друг-цыган рассказал, что здесь стало невозможно находиться, завелись неприятные звуки, под них тяжело спать, а без сна тяжело жить. Один разглядел, что это звучит, но не стал выковыривать, чтобы самому туда не втянуться.

Просачивается и поедает последние силы.

Там, в большом мире, рассказывать о снах считается чем-то нелепым, это нетактично, потому что чужие сны скучны и неважны. А здесь, если кто говорит «хочу рассказать тебе свой сон», вздрагиваю и внимательно слушаю, здесь через сны бездна нашептывает свои колыбельные.

У Н. испорчены сны, он старается не спать вообще, чтобы не погружаться в шепот. На всякий случай при засыпании не снимает пальто, чтобы не создавался приятный уют. Когда это началось, всякие порезы, случайные болячки на руках и ногах, перестали заживать. Раньше все заживало за несколько дней, порезался ножом — через пару дней уже не видно пореза, а с тех пор следы остаются на месяцы, будто ими кто-то питается.

Н. рассказывает, а я закрываю лицо, смотрю на него сквозь пальцы, чтобы не было так ярко, и чтобы казалось, что он не прямо здесь, а далеко. Он иногда засыпает во время разговора, минут на пять, даже стоя, затем приходит в себя и с ужасом смотрит в воздух красными глазами, пытаюсь понять, что произошло.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Нужно съездить на кладбище, поговорить. Вышло нелепо, он просил, чтобы я организовал его отпевание, а никто не сообщил, узнал спустя несколько недель и, находясь в другой стране. Никогда бы раньше не подумал, что разрыдаюсь, когда узнаю. У нас беседы последние годы шли напряженно, скорее через мычание и кивание. Он все боялся, что его родственники отравят, если на них что-то там запишет. Потом эти родственники боялись, что буду их разыскивать и задавать вопросы, прятались. А я и не собирался, пусть

он сам с них спрашивает, если что было по греху. Надо полить свежей водой его песок, или нарисовать ему что-нибудь веткой, типа солнце и волны. Если поеду вместе с Н., он нервами почувствует, если что не так, скажет, уйдем отсюда, здесь у деревьев стоят и скалятся, или скажет, что все правильно. Н. и не здесь, и не там.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Это все от грехов.

Сказал маме, что снова уеду в Индию, месяца на четыре, до Пасхи. Просижу там, пока не станет ясно. Что там делать? На Ближнем Востоке всегда идет война. Находиться восточнее, смотреть в сторону Ближнего Востока, глядя на Запад — важная возможность. Замечательная точка наблюдения за миром. И еще мне там дают квартиру и деньги, и возможность спокойно изучать, что хочу. Единственная страна, где не надо платить за жилье. Там иное отношение к строительству, не нужны бесконечные утепления, фундаменты, в чистом поле можно быстро выстроить целый научный город, используя совсем дешевую рабочую силу. Вся страна обставлена научными городками, готовыми принять гостей, предоставить им все необходимое для работы. Сейчас приглашение из Мумбаи, позиция *visiting professor* на четыре месяца, смогу там сесть и записать кое-какие вещи. Мне там легко и понятно. Там нет ужаса, вернее, он есть, но в другом слое, который далеко.

Хочу сказать, что молюсь каждый день за нее, но рот будто заклеивается, нельзя сообщать о такой интимности словами, говорю это внутри себя, давая понять глазами, — может она все понимает, но тоже не произносит. Чувствую, что и она говорит что-то скрытое внутри себя, и не решается выпустить, видимо, благословляет на жизнь, крестит невидимой рукой, невидимыми перстами.

11 января.

В Мумбаи у меня такая же квартира по планировке, как была четырнадцать лет назад в Аллахабаде — стандартная. Рядом поляна, где собаки и птицы едят одну еду. Им насыпают какую-то крупу, собаки жадно ее поедают, лают на птиц, которые тоже пытаются эту крупу клевать. Обычно собаки и птицы существуют в разных интересах, друг друга не замечают, а на этой поляне они бьются за крупу.

Соседка снизу работает с глухими. Рассказала про IPSL, и его разновидность — BSL.

На обеде оказался с людьми, интересующимися вопросами племен. Спросил их, есть ли возможность поговорить с наксалитами. Ответили, что если я не то, что с самими наксалитами пообщаюсь, а с теми, кто с ними общался, то меня могут выдворить из страны без права возвращения. Разговоры о политике идут примерно так. BJP превратила жизнь в кошмар, но INC был вообще коррумпированным адом, еще хуже; хотя, что хуже — неясно, хуже все. Происходит поглощение всего мыслимого пространства корпорациями, бесшумными гигантскими змеями, сжирающими и землю, и людей.

18 января.

Обещал написать М.К. про разрушающийся город и темноделезианство. Отправил М.К. планы города, его срезы во времени, в которых явно видно разрушение. Этот город — чье-то психическое тело, за ограждениями проказа, разъедающая допустимые поверхности. Ввести блуждающее, кочевое, суетное, в противовес стационарному, стабильному, спокойному, это просто и естественно. Здесь же происходит разъедание психического тела и в центре, и на окраине. Но на окраине это проще наблюдать, в центре иные сгущения.

7 февраля.

Поговорили по скайпу с О.Б. о плотных языках и трансформациях животных.

13 февраля.

Отправился на северную станцию LTT, сел там на Duronto Express: Mumbai-Allahabad, 19 часов без остановок, через Мадхья Прадеш.

В закате растворились синие холмы, россыпи живой Махараштры. Приглушенное мерцание, поезд, въезжающий в темноту.

Подошел проводник, попросил пересесть, уступить место старушке. Там было шесть человек, двое молча смотрели, остальные оживленно обсуждали. Они говорили об областях видения, издании комиксов, поиске работы в Мумбаи. Тинкл — предпринимательство. Из всего этого слышал раньше лишь про Суппанди с прямоугольной головой.

Один из попутчиков — с фенечками, браслетами, цепями на шее, уже пожилой, с волосами назад, черными кругами под глазами. Похож на грустного колдуна.

Час просидел, вслушиваясь в их разговоры, затем что-то сказал, чем вызвал хохот всех шестерых, они думали, что я не понимаю их язык, еще больше они завелись от выражения «акрамак тарике се вявахар карна» — стали повторять друг другу, перебиваясь смехом.

Колдун достал две колоды, смешал их, взял черные бусы и начал читать мантры Кали, колдовать над колодами, ритуально касаться перстнями карт. Затем они сели раскладывать румми. Показал им трюк с обнаружением карты в их странной колоде — колода липкая и неудобная, с какой-то стремной рубашкой. Они спросили, буду ли я таблетку — не буду, ибо хочу доехать до дома, — начали угощать едой, на которую страшно смотреть, а затем достали чай в термосике и маленькие чашечки — попил с ними чаю.

Раскрылись желтые просторы, флажки над храмами, дальше уже юпи — земля под тяжелым солнцем. Иллахабад пахунчне ме китне самай лагта хэ — уже скоро прибудем, они все смотрели в окно и предвкушали, один рассказывал, как бегал в детстве по этим берегам, играл с друзьями, запускал воздушного змея — патанг.

Веселый предприниматель, знаток мумбаиских комиксов, улыбнулся, спросил, являемся ли мы с колдуном братьями. Колдун поддерживающе покивал. Предприниматель решил неясно пошутить, сказал, что нет, братьями не являемся, что колдун — это моя сестра — тумхари бэхин. Колдун снова покивал. Почему он сказал, что этот пожилой странный грустный человек — моя сестра? Он это сказал и залился смехом, который не был поддержан никем.

Подошел молодой парень, шепнул на ухо, что колдун — известный в Аллахабаде человек, что мне повезло с таким другом, он поможет если что, он занимается поставками невесть чего невесть куда. Мархам — это мази что ли... Мог неправильно расслышать — он поставляет специальные мази откуда-то куда-то.

Здесь хорошо — Ганди марг, Нью Лашкар, больница, в которой был в полубессознательном состоянии четырнадцать лет назад, храмы цвета грозовой тучи, теплые плантации, уходящие в себя люди и животные, поселение рикш, ашрамы за дырявыми порушенными заборами, Олд Сохбатия багх, храм Алопи Деви, базар с пластмассовыми вертушками и мигающими вертолетами.

М. приехал ко мне в гости. Долго не мог найти, блуждал в темноте по соседним улицам. Когда нашел, рассказал, что в Калькутте на него напала целая улица. За что — он так и не понял, сказал что для него Калькутта — это ад.

Представил, как улица сворачивается в трубку и нападает на М., гонится за ним по себе, догоняет и пытается засосать.

Когда М. зашел в комнату, завесил все зеркала тряпками, отметив, что знает, что делает. Зеркала отталкивают сны, лучше их держать закрытыми. Сон смотрится в зеркало, пугается себя, как покойник, не осознавший своего положения.

Мы пошли с ним в сторону рек, к необычным деревьям. Набежали местные дети, рассказали про целительные обряды мест, про джалали как силу, летающую в ветвях. Там зеленые стены, закрытые мусульманские селения. Дети почему-то в теплых куртках, в тридцатиградусную жару. Из одного дома слышались дикие звуки — человеческий рев, вопли. Местные объяснили, что за стенами совершаются акты экзорцизма. Постарались не вслушиваться в ужасное звучание.

Если описывать местность. Это сотни прозрачных стен. Каждая стена по-своему работает со звуком. Подвижность стен не дает возможности разложить местность по сторонам света — как только рисуется карта, очередная прозрачность искажает нарисованное, становится ясно, что стороны света неверно расставлены.

М. сказал, что весь его страх детства приходил из фильмов-мультфильмов, что вне этого страха не существовало, все, чего он пугался, было плодом художественного извращения других людей. В этот момент стало ясно, почему мы с ним не понимаем друг друга. Страх самого существования, просачивания иного, зеркал, портретов, голосов ковров, дыхания стен, — все это ему было чуждо, он боялся сознательно созданного «пугающего», зловещих мертвецов, зомби и уродов, а не существования вообще.

Просачивание пугает самой возможностью.

Экзистенциальный ужас, вызванный самим существованием и осознанием себя. Ясно, что этот страх неоднороден, внутри него можно существовать, перемещаться. Страх как комната, пространство действий, конфигурация, лабиринт. Здесь я боюсь больше, а здесь меньше. Это было в раннем детстве, в полноте, а затем оказалось, что М.Х. написал об этом сотни страниц, и это страх присутствия того, что включает тебя. У М.Х. внутри страха мечется присутствие, ужас цепляется за мгновение, страх и ужас оказываются стихиями наполнения и одновременно движущимися сущностями, подобно подводным змеям, ищущим дыры присутствия.

Вечером М. превратился в Суппанди, сел рядом, начал рассказывать про Тинкл, про поставки комиксов. Если я смогу придумать новый комикс, все решится. Можно устроиться в местный филиал, заняться изготовлением пазлов для журналов. В последующем номере выходит решение предыдущих кроссвордов, sudoku, ребусов. Суппанди сказал, что если бы я был внимателен, то заметил бы нечто невозможное в том разговоре с колдуном, в тех рассуждениях о комиксах и румми.

[Идеи пазлов. Расположение прозрачных стен. Движения по мерцающим решеткам. Арабские узоры как лабиринты. Бхадрамандалы похожи на матрицы Адамара — их можно принимать за карты городов, в которых все и происходит. Белые клетки — дома, черные клетки — земля. [придумать язык общения внутри лабиринта [между клетками], основанный на шумта — так его и назвать шумтака] Это чувствует любой, кто всерьез занимался сбором пазлов или сложных конструкторов, менее чувствительны в этом те, кто работал с пластилином — неважно, каббалистическим или физическим. Когда допускается склейка любого с любым, появляется ощущение не свободы, а тотального поглощения, в том мире в «книге всего» все буквы будут соединены между собой. Там «то» тотально и бесчувственно]

19 февраля.

Станция Чхеуки находится в паре километров от Аллахбада — через мост и прямо, там, где Нейни. В пять вечера уже начинают скапливаться машины на узких дорогах, лучше выезжать часа за три до поезда, на всякий случай, а то можно встать у моста. Все неторопливо гудящее, тускло-желтое, а в сезоны — с плавающими кусками горячего воздуха. Летом воздух плавает по себе порциями, можно попасть в такую порцию лицом и обжечься. Сейчас еще зима, но все равно жарко.

На рельсах кучи отходов: остатки еды, выброшенные из окон поездов, измятые пластиковые бутылки. Раньше на бутылках писали, что после опустошения их нужно мять, чтобы их не

подбирали гладкими, не наливали в них грязную воду и не продавали как чистую [вода там — основная стихия страшных бактерий, место движения болезней]. На любой станции полно крыс. Они перетаскивают отходы в свои жилища, перекатываются по рельсам, кишат в пластиковых россыпях.

Люди суетятся, перетаскивают вещи, завязанные мешки, перемещаются по платформам. Семьи с маленькими детьми, ползающими по грудам багажа. Люди разного достатка, социального положения. Ближе к забору, отделяющему платформы от вокзальной площади, сидящие худые бедняки, ждущие заката.

Не сразу заметил, что на меня смотрят двое у забора. Улыбающиеся во весь рот — красные от бетеля зубы и белые сверкающие глаза на фоне темного тела и одежды. Начали махать, чтобы я подошел. Так часто реагируют на иностранцев. Сначала забавно, но спустя несколько месяцев подобного внимания, наступает усталость. Но эти — интересные — темные, хохочущие. Подошел. Они указали на место на траве, предложили жестами присесть с ними. Судя по акценту, бенгальцы. Спросили, куда еду. Чхеуки — Сатна — Катни — Джабалпур — ... — через сутки Мумбаи.

У них под глазами круги еще чернее, чем у того попутчика колдуна, — совсем дыры в бездну. Разговаривать с ними было забавно, они хохотали со всего, что я им говорил. Спросил их, откуда они. Ответили «отсюда и оттуда». Половину из того, что они говорили, я не понимал — они говорили с сильным акцентом [наверное, из Бангладеша], жевали, заливались смехом. Нужно было переспрашивать. Еще мешал птичий щебет сверху — сплошная журчащая сетка, наброшенная на все пространство. Один, тот, что с нелепо торчащими кусками бороды на лице, сказал, что хочет познакомиться меня с их друзьями. Друзья живут прямо здесь, они тоже «отсюда и оттуда». Невидимые друзья? Они переспросили два раза, а затем, как расслышали, закатили глаза и повалились от хохота на спины — оба, как скинутые одной волной. Очухались, ответили, что видимые, как ты и я, как все вокруг.

Они подвели меня к соседнему каменному домику — без окон, дверей. Это скорее не дом, а облупленный столб-обрубок, на который справляют нужду проходящие мимо люди, собаки и призраки. Спросил, живут ли друзья внутри этого сооружения. Они снова захохотали, ответили, что внутри нельзя жить, там нет воздуха.

За домиком навален мусор, всевозможные отходы, горка-помойка, прижатая к стене. В ней, как в муравейнике, перемещаются крысы. Один из моих новых знакомых подбежал к этой куче, присел рядом, будто позируя и желая сфотографироваться. Есть же люди, посещающие разные места, а затем выставляющие фотографии в социальных сетях. Я и самая высокая башня, я и самый красивый водопад. Здесь похоже по позе — я и стена-помойка.

Приехал предыдущий поезд, все зашумело, птицы, голос крипая дхьян диджие, вообще перестал понимать, что говорят эти люди. То ли друзья сейчас подойдут, то ли крысы — это и есть их друзья.

После заката мы вдвоем превратимся в крыс, побежим по грудам отброшенного сырья. Они вдвоем станут крысами с черными кругами под глазами и красными зубами, а я — той, что со светлой кожей.

21 февраля.

На ночь принял тагару — местное снотворное типа валерьянки. Вся ночь прошла в затягивающем кошмаре. Тагара образовала склизкие нити, не позволяющие выходить из сна по желанию. Вязко и тревожно — не проснуться, воля приклеена к контексту, тело тонет в слизи.

Вечером созвонился с Д. по скайпу, расспросил, интересовались ли мной. Д. ответил, что обо мне все уже забыли. Д. следит за сообществами, просматривает дискуссии на форумах.

Несколько раз звонил по номеру в Нави Мумбаи, что оставил Д., чтобы встретиться с алхимиком, который якобы ждет моего звонка. Он ни разу не взял трубку — длинные гудки до конца.

Д. настаивал, чтобы я дозвонился и договорился встретиться.

Здесь нет ужаса в нашем понимании, здесь миллионы крыс, переносящих болезни, Дхарави, обработка мусора, память о террористических атаках 26/11, ночные дискотеки в трущобах. Есть еще Reay Road, место бенгальских трущоб, залитое синим светом. Беженцы под мостами, маленькие дети, живущие среди мусора и нечистот.

Местные смешивают хинди с маратхи и английским, это и не хинди, и не маратхи, а некий синтез. Иногда спрашиваю местных, какой у них родной язык, они отвечают типа — мумбаиский, смешанный, без внутреннего разделения хинди-маратхи.

Помнится, Алексей просил научить его хинди сленгу. Гханта — колокол, звон, звонок, а сленговое значение — пустота, ничто. Чамча — ложка, а сленгово — жополиз. Фудду — вагина, идиот. А всякие ругательства типа fuck — это обычно чутия, чутан, чод. Если в резкой форме звучит чут.. или чод — явно что-то не то. Хотя чутна — это отслаивать или отрезать. Класную девушку могут назвать маал, тхарки, а могут и саман, что не очень. Подкинь мелочи — тхора кхарча пани милега.

4 марта.

Приехали в Дхарави.

На земле часто встречаются разорванные и помятые карты, с разными рубашками. Но не видно карты с белой рубашкой и изображением фиолетовой птицы. Везде надписи SvachhBharat – чистота — это новая идея. Здесь нет ощущения погружения внутрь заброшенного, спрятанного от всего мира, как в трущобных районах юпи, здесь всегда рядом индустрия и море. Дети, сидящие на грудях отходов, смотрящие на силуэты небоскребов, бизнес-центров.

Гуллю сказал, что счастлив в Мумбаи, что здесь вся сила, никуда больше не надо ехать, нигде больше такой работы не найти, таких денег, такой вкусной еды. Мумбаи — это центр возможностей, все хотят сюда попасть. Если попал — выживешь. Здесь даже в трущобных районах цена небольшой квартиры выше, чем цена целого дома в юпи.

Гуллю интересный. Он свободно говорит на четырех языках: хинди, урду, маратхи, английском, но ни на одном языке не умеет читать, никогда не ходил в школу. Детство было такое, что не до школы.

Вечером снова позвонил в НМ, с тем же успехом. Д. сказал, что нужно продолжать звонить, однажды он ответит. Попробовал позвонить с другого телефона — все то же самое.

Ночью проснулся оттого, что по голове кто-то полз. Вскочил, обнаружил на себе гигантского таракана, и еще на полу несколько. Сантиметров по 5-7, а с усами вполне по 10. У них случаются какие-то особые ночи, когда вываливают из щелей и бродят по дому, возможно, в эти ночи их травят соседи.

Ночью показалось, что наш город окружили волки – раздавался вой, будто по кругу, со всех сторон, даже со стороны воды. Три месяца смотрю в это окно.

Д. рассказывал, что криптоанархисты представляют шифр как оружие против насилия и тоталитаризма, сидят на стеганографических темах. Сколько общался с Д., он трактовал мои попытки построения языка RN как возможности кодирования явной инфы. Пытался ему объяснить, что тот мир, который они кодируют, мне банально неинтересен, их борьба с тоталитарными машинами с помощью закодированных сетевых фрагментов, может стать цельной, если они сместятся в иное мышление, будут сражаться за блага, принципиально отличные от благ, выставляемых государствами.

Картина мира Д. довольно запутана — такая левацкая смесь. Есть «государство» — международная репрессивная организация, контролирующая практически все шаги людей, подсовывающая им блага и решения вопросов, есть шифропанки — повстанцы, строящие новую вселенную, любящую извращенные шифры. Их вселенная ценит шифры, требует от них новые и новые способы кодирования, взамен отдает состояние существования в себе. Д. считает себя шифропанком-окультистом, он знаком с разными сетевыми алхимиками, варящими коды из кодов, он воспринимает возможность экономических отношений без вмешательства «государства» как истинную свободу.

Когда Д. спит — непонятно, звонил ему в разное время суток, он всегда был за компом. Подозреваю, что тот алхимик из НМ, которому не могу дозвониться, — типичный сетевой задрот — Д. по-своему трактует понятие «алхимия».

Лица Д. я никогда не видел, он общается по скайпу исключительно с выключенной камерой.

Познакомились мы с Д. месяцев восемь назад, вот как. М.К. когда-то порекомендовал мне прочесть Циклопедию иранского философа Резы Негарестани, сказал, что есть общее с какими-то моими темами. Это большой трактат исчезнувшего археолога Хамида Парсани, раскрывающий суть вещей через противостояние нефти и солнца [растворение машин войны в нефти]. Когда в сентябре в лабе планировалось совместное заседание с нефтяниками, сказал им, что нужно представить Циклопедию как фон, рассказать им об оккультных именах нефти. Позже Й.Р. рассказал про Ника Лэнда, ССРУ, Клыкастые Ноумены. Однажды я процитировал в жж Р. Н. и Н. Л. в связи с RN языком. Просто вставил цитаты под настроение, их можно было не вставлять в текст. Через минут двадцать после публикации поста, появился Д., начал засыпать сообщениями с просьбами пообщаться по скайпу.

Д. убежден, что мы с ним работаем в одной упряжке, что я работаю с неким САПом, что RN, FR, fr — языки — это методы шифрования [Д. в связи с этим рассказал о языке Malbolge и сравнил fr-язык с ManuFactoria]. Поначалу пытался объяснить ему, что никакого САПа не знаю, и это не методы шифрования, а именно языки. Д. посчитал, что я боюсь раскрыть всю правду из-за того, что сомневаюсь в нем, считаю, что он из гб.

В первую же беседу Д. рассказал кучу всего интересного. Например, что известный програмер Ассанж провел детство в бегах из-за того, что его мать была членом секты «Семья», называемой также сектой Сантаникетан. Когда-то у секты была своя психиатрическая больница, в которой они гоняли кислоту, затем начались стандартные замесы. Адепты секты должны были отдавать своих детей в общину. Матери Ассанжа, чтобы оставить при себе своего сына, пришлось скитаться и скрываться.

Д. рассказал про стеганографические методы, основанные на sudoku и солитере. Шифрования через пазлы и пасьянсы. В колоде 52 карты, это двойное покрытие латинского алфавита. Осенью оставлял сообщения в сети специально для Д. Он реагировал мгновенно — перезванивал и давал свои смешные трактовки. Например:

«Интенсивность. Сгустки. RN алфавит.

Кодекс Серафину, Книга Малларме, Красная Книга Юнга. Представьте себе старый город с разбросанными базарными лавками, голосами зазывающих продавцов, запахами копченой рыбы, темнотой общего вида, на развалах которого продаются «книги всего» и «книги ничего» — тысячи разных разнообразий, детали уникальных ощущений и классификаций. Александрийская библиотека, Ленинская библиотека, как подвижные сущности, обрастающие новой плотью и исчезающие в себе. Есть большая разница между следующими вещами. Одно дело, когда ты берешь, перечисляешь и смешиваешь готовые формы, вроде Кодекса Серафину, Книги Малларме, Красной Книги, другое дело, когда ты осознаешь присутствие залежей «того» и готовишься написать «книгу всего» из чистых ощущений, идешь на рудники, хранишь в себе трепет перед «всеми».

То место.

Интенсивности и сгустки — это единственное, что чувствовалось в том месте, было совершенно неважно содержание и внешность видимого, весь воздух и взгляды оценивались через плотность. Сгустки — идейные, мыслимые, допустимые, — формировали все воспринимаемое, то, на чем можно останавливаться. Как островки суши среди болота, в котором тонет восприятие.

Сгустки концепций внутри текста, воздушные сгустки, содержащие невидимых жителей, сгустки ночи, сгустки отношений.

Как проявлены сгустки внутри символических игр? Можно ли их выявить без введения понятия «близости», без окрестностей? Могут ли далекие качества создавать сгусток как формацию? Да, они могут находиться далеко друг от друга, но при разрушении внешности они притянутся и станут частью сгущенного общего.

Сгустки могут оставлять следы, и dank, raw, wet проекты могут оказываться отпечатками сгущенных областей»

Д. в тот день позвонил и сказал, что интенсивности-сгустки по его прочтению представляют пару противостояния солнце-нефть из Р.Н. Объяснил ему, что RN — это не Реза Негарестани, а Red Night. В том месте все общение с **** идет лишь через сгустки и интенсивности, они образуют нечто вроде алфавита из двух букв, подобно fr-языку. Но RN-текст не пишется как последовательность двух символов, в нем нет явной хронологии, он скорее рисуется — через потоки, острова, свечения. Это не метод шифрования, им нельзя передать наперед заданный текст, это метод разговора с тем, кто «там».

FFFFFFFFFFFFFFFF

Взять с собой предмет в RN. Это еще сложнее, чем помещение предмета в сон. Из-за отсутствия привычных образов, карты, направлений.

В центре карты сновидений находится дом детства. Дом с многими комнатами вполне может служить источником страхов. Но не только. Еще он служит источником впечатлений о пространстве. Впечатлений о пространстве у человека будет много, много и разных источников, дом детства станет системой фильтров, через которые будут пропущены случайные и неслучайные впечатления. Уайт во введении к своему «Алхимическому телу» восхищается «Поэтикой пространства» Башляра. Алхимическое тело как дом и карта, как подвалы-чердаки и реки-озера. Подвалы-чердаки ждут свои алхимические тексты, ждут возможности надежно укрыть тайны, спрятать сокровенные рецепты.

Где-то раз в три-четыре месяца мне снится сон. Место детства и взгляд на него — обычно дом снаружи. Внутри приходит чувство «это снова повторяется», а за ним появляется возможность проникать сквозь стены — видеть скрытое, находиться в точке и смотреть птичьим взглядом — не плоско, а объемно, проникать в квартиры. Интересует одно-два места в доме и ценно, что можно видеть их одновременно. При этом, остается способность отмечать детали вокруг.

Дальше с помощью воли можно проникнуть в спрятанные места — обычно это квартиры знакомых. И там раскрывается иная плотность воздуха — это ощущается, но не видится. Почти не видится. Кажется, что вот-вот и покровы, отделяющие мир скрытых причин, сорвутся, все предстанет в обнаженной форме. Чего-то не хватает зрению, вроде бы уже преодолены обычные препятствия, но нужно еще немного постараться.

Воздух настолько плотен и насыщен, что если быстро провести по нему ладонью, можно за что-то зацепиться. Хорошо, что все это закрыто от глаз.

Люди играют в трехмерные картинки — мозаики, россыпи деталек, на которые нужно взглянуть рассеянным взглядом, чтобы проступил объем. Если взглянуть на картинку мельком, ничего не разглядишь, будет виден лишь набор нелепостей, нужно работать со взглядом. Так и с теми спрятанными местами «это снова повторяется».

Когда просыпаюсь, прекрасно помню все ощущения, целый день хожу под впечатлением, пытаюсь понять, что же мешает видеть так все время. Видимо, вокруг много защитных слоев, сделанных ради нас, чтобы психика не уставала от возможной интенсивности. Причинные башни вниз и колодцы наружу. [в RN похоже]

Недавно увидел бумажную маску — просто лист бумаги с выколотыми дырками для глаз, которую если приложить к лицу, поменяется видение вообще. Во сне меня даже привлекли для криминальной экспертизы. Подводили к подозреваемым, я надевал маску, смотрел на них, видел их сущность. В спокойных на вид людях мог разглядеть психиатрический ад или забитую тоску — просто приложив маску к лицу. Сущностный рентген, пронзающий все психическое. [в RN похоже]

В моих снах нет ни зимы, ни лета, погода всегда одинакова, настолько хороша, что о ней не задумываешься. Погоды там нет, нет необходимости скрываться от ветра или дождя. Сколько раз перед сном собирался посмотреть там на солнце, ничего не получалось. И не только на солнце, на любые источники света, на лампы, фонари. Когда оказывался среди идей, бесед, людей, ужасов, странностей, забывал про лампы. Видимо, там нет солнца, освещение идет откуда-то изнутри, все видно и без внешнего света.

Наверняка можно взять солнце с собой в сон, спрятав его в какой-нибудь предмет, в свитер, например. [комментарий Д.: попробуй увидеть там нефть]

Одежда на людях играет роль знака, а не защиты от холода. Надо перерыть старые дневники с записями снов, поискать, случилось ли видеть кого в теплой зимней куртке. Вряд ли. Там скорее будут «кутающиеся в себя» — персонажи, спрятанные в себе, и не от плохой погоды, а от ощущений.

Д. трактует алхимическое тело как сеть – тело общего слияния, способное разорваться в любом месте в любое мгновение. Dank, raw, wet – режимы алхимического тела.

По голосу Д. явно моложе меня, ему скорее всего под тридцать, где он живет — неясно, почему-то кажется, что в маленьком городе.

FFFFFFFFFFFFFFFF

В войнах люди используют собак, лошадей, птиц-камикадзе, но это использование ни в какое сравнение не идет с тем, что описано в сказках и эпосах. Волшебные животные крайне эффективно помогают человеку в войне, обезьяны строят из своих тел мост, насекомые и птицы служат разведчиками — подслушивают, проникают в скрытые места. Животные крадут ключи от темницы.

Сотни голубей работают на наркоиндустрию в Пакистане — их покупают на птичьих рынках, селят в приграничных голубятнях, дают возможность привыкнуть к своему новому дому, затем переправляют в Афганистан, прикрепляют к лапкам трубки с гером. По слухам, так перевозится до полтонны гера в год.

У нас тоже часто задействуют голубей для доставки дряни в тюрьмы, но конечно, не в таких масштабах как в Паке.

На восточном окне мы поставили муравьиную ферму. Залили емкость гелем, набрали во дворе муравьев. Муравьи будут создавать лабиринты, я буду перерисовывать эти лабиринты, накладывая друг на друга. Это задаст «иную ритмичность», не попадающую в банк ритмов. [замена фрагментов географических карт узорами, созданными муравьями]

По ночам начала приходить крыса. Она прогрызла решетку в душевой и еще кусок рамы как раз на восточном окне. Приготовил пинджры, раскидал в тех местах, где должна пробежать. Услышал по шуму, что попалась — заметалась по комнате, раскидывая тряпки. Подбежал с ведром и накрыл ее, а сверху прижал бульжником. Наутро, когда поднял ведро, она сидела как белочка, спокойно, мирно. Убежала на верхние этажи.

Сказал работникам, что к нам приходит крыса, нужно починить окна. Они внимательно посмотрели на прогрызенную раму, и сказали: «чухе андер се аате хейн, бахар се аа нахи сакте хейн» — крысы приходят изнутри, снаружи они прийти не могут. Весь день обдумывал эту фразу, представлял проникновение изнутри, материализацию сгустка, превращающегося из застывшего комка в грызуна с подвижными глазами.

В Мумбаи много крысоловов, это как обычная работа, приносящая деньги, достаточные для существования. Поговорил с одним из них. У него желтая куртка, желтая кепка с изображением черной мышки, типа тени Микки Мауса. Торчащие усики и бегающие глаза. Он показал жестами, как перемещается крыса по пространству.

У зороастрийцев (их много в Мумбаи, а известные башни молчания находятся прямо в центре, неподалеку от новостроек-многоэтажек) мухи, змеи, волки, крысы, муравьи — носители демонов, в «Сказании о праведном Вирафе», праведник встречает в раю «души тех, кто в этой жизни убил много храфстр; в горнем свете они излучали сияние вод, священных и обычных огней, растений и земли». Всегда впечатляло их четкое разделение животных на чистых-нечистых: птицы, собаки, выдры, ежи против мух, змей, кошек, мышей.

Под вечер началось. Гигантский тоннель, люди в масках, стоящие вдоль стены, скорее всего, это внутренность змеи, ползущей в сторону холода-тепла. Бархатные зоны, склизкие зоны, пыльные зоны. Скоро наступит точка, после которой не будет возможности мыслить качества, останется лишь передвижение по сгусткам-интенсивностям.

Пред-RN – самое интересное, там еще куча образов, возможностей мышления, формаций, есть идеи об уюте, о разведчиках, которых можно запустить в этом пространстве одной лишь волей, распознавание орнаментов. Если готовиться, надо прокладывать ходы с помощью конфигураций муравьиной фермы, чтобы человеческое не цеплялось и общий поток существования не форсировал шаблонные вхождения в RN. Там нет вождения и агрессии, и все попытки строить словарь RN через два режима: предложение секса [комплименты, флирт] и объявление войны [выражение отвращения, намерения агрессии] – несостоятельны [можно другой язык сделать на трех режимах: атака, защита, флирт — меч, щит, цветок]. Это должно быть сложнее тайных языков типа чумма. После прохождения точки не остается внимания, зрение не сможет бегать по объектам, направится внутрь. Разведчик посылается из освещенной зоны в темную, он находит обратную дорогу через сияния. В точке все объекты, качества, свойства, переходят в сгустки и интенсивности – черные и красные среды *lalrate*. Исчезают сияния, показывающие обратную дорогу разведчикам темных областей.

Вопрос Д.: «есть ли там ужас?»

Допускаю, что есть режим чтения RN, в котором ужас является чуть ли не главным состоянием-фоном-осмыслением. Но если двигаешься внутри RN, ужаса нет.

[комментарий Д.: «это похоже на Piet». Да, из всего приведенного Д., Piet — самое близкое, высказывания на языке Piet тоже напоминают разноцветные бхадрамандалы, но движения по цветам в Piet – команды виртуальной машины, а не ощущения данности. Посоветовал Д. почитать о *chumma*, там коммуникации строятся словно по разговорнику, похоже на емкие команды. Сделайте с САПом шифрование по *chumma*]

Джарр сказал, что на RN можно переписать S&Z.

Вспомнил, что напоминают RN-тексты — лет девять назад А.П.показывал танцевальные диаграммы, кодирующие ритуальные движения. Большие фрагменты RN-текстов пишутся одним касанием, лишь затем на области «интенсивностей» накладываются дополнительные, усиливающие, линии (огласовки?) — это усиление может идти с одной из сторон основной линии. Одно касание намекает на то, что текст можно рассматривать как траекторию движения. Ритуал сгущения ---- перемещение ---- новый ритуал сгущения. Сгущения внутри сгустков — последовательности вложенных сгустков. Усиления интенсивностей — качества, режимы, формации. Траектории муравьев, страдающих

одержимостью неясными сущностями, заставляющими делать ритуалы сгущения. Сгущения явно выделяют уровни, глубины, иерархии скрытости, этажи, ступени, стадии, там возможны не только сгущения внутри сгущений, но и внутренние лестницы, образование клубков на этаже. Определенно, удобно использовать бустрофедон для записи RN-текстов.

Изображения сгустков RN напоминают отпечатки пальцев около подушечек, или ушные раковины.

Использовал RN-нити для вхождения в слои — чертил их внутри закрытых глаз, в изнаночной стороне мыслимого «я», медленно, вязко погружаясь в ....

[комментарий Д.К.: «это может быть код простой и чистой жизни»]

7 марта.

Когда он зашел, звучал Schottkey 7th Path, Aphex Twin — он встал у стены и начал ритмично содрогаться.

Начинаем с текста внутри комнаты (страницы, ограниченной области, рамки). Будь то гидраглифы, о которых писал Парсани в Dracolatry, каллиграфические конструкции, или обычный текст, подвешенный в воздухе. Ставим два направления гравитации, например, пол и левая стена. Текст сыпается вниз и влево, по принципу тетриса. Одинаковые символы, стоящие рядом, исчезают, образуя пустоту, которая в следующее мгновение заполняется (возможно) благодаря притяжению остального текста. [помнится, весной 2015-го изучали гравитационную фильтрацию Тамаки, в которой комната заполнена кубиками, они падают на пол из-за притяжения, даже в ВТБ-банке завели пароль по этой фильтрации] Ключ — правило преобразования текста, до включения гравитации, например, перестановка данных символов (фрагментов). Детонатор, организующий процесс уничтожения текста, может находиться как в центре комнаты, так и на периферии. Разные ключи задают разные детонаторы. Текст, оставшийся в конце, после всех схлопываний и заполнений пустот — это то, что читается обычным способом [или простейшим гематрическим переводом].

В случае объемных текстов, комната может принять сложное строение, заполниться удерживающими прозрачными стенами (перегородками, перекрытиями), не позволяющими тексту проходить сквозь себя. Карта комнаты — еще один ключ.

Пространство может заполняться кусками текста, исчезающего при обычных обстоятельствах (имеющего регулярную границу, изолированных соседей). Будут образовываться лакуны, куда будет падать текст, под действием притяжения пола-стен.

B A C B G C E G

C F A D F A D H

C E F D F B D H

B D E B H B C G

A A D C H G A E

Если поставить одну прозрачную стену на F. Она удержит текст от полного схлопывания.

G

F

F — стена

A

G A

Другая стена задаст принципиально иную конфигурацию

C F

F E — стена

E C

После схлопывания части текста, комнату можно повернуть, заменить стены притяжения. Словно вертишь прозрачный куб-лабиринт, по которому перемещается железный шарик. Текст продолжает скользить вдоль стен, схлопываться, преобразовываться. Работа с текстом как с пересыпаемой крупой внутри емкости. [смартфоны как прозрачные кубы-лабиринты, в которых при наклоне пересыпается текст]

Простой пример кодирования с помощью пересыпания крупы [без схлопывания]:

L

F T C

T E A

E A L R

после четверного пересыпания приводит к

E

T F T

A E C

R L A L

[по границе читается LALRATE] Ключ — снова карта комнаты, расположение невидимых стен, не пропускающих сквозь себя текст, текст пересыпается по кругу, кодируется сообщение, лежащее на окраине-окаемке. Ключ может рисоваться картинкой, которая представляет собой комнату для текста, а пиксели фиксированного цвета — стены [для обратимости нужно делать выпуклую комнату, сажать диаграммы Юнга в углы, эти диаграммы тоже считываются по картинке через определенный цвет — ха-ха, обратимость не всегда будет существовать, нужно выбирать конфигурацию текста избыточным [выпуклым] способом, чтобы внутренние выступы комнаты не нарушали круговые движения].

Восемь пересыпаний [б що ецн одац трик элсолце]

Движение в RNS осуществляется через детали — случайные подглядывания в замочные скважины, эпизоды фильмов и телепрограмм, просматриваемых героями. План периферийный, как правило, содержательнее центрального.

Рисование комикса RNS. Первый сезон RNS мы смотрели вместе с сестрой. Она, как антрополог и знаток Юго-Востока, давала подсказки. Сначала путался в процессах исчезновение-появление, затем принял эти трюки как общий фон. Тем более, что я провел не один день, пересматривая трансформации линчевской пары Фред Медисон <----> Пит Дейтон.

Внутри последующих серий RNS персонажи смотрят по телевизору трансляцию предыдущих серий, но, если присмотреться и пересмотреть детали, окажется, что транслируемое отличается от оригинала. Например, в первой серии Густаво берет чашку

левой рукой, а в трансляции, которую смотрят жители приюта, он совершает симметричный жест правой рукой. Во второй серии, когда Густаво заходит в комнату, отчетливо видны орнаменты на стене — обои или что там у них. В трансляции стены покрашены ровно, гладко, монотонно.

Последовательности «ничего не происходит» напоминают лингвистические игры Жоржа Перека.

Письмо М.К. и М.Е.

«Г.Х. говорит о спящем существе или ночующем. Это такой объект, который существует, но ни с чем не соотносится. Это объект, провалившийся в чернь ночи так глубоко, что его психическое не обнаруживается.

Расскажу, как вижу тамошнее.

За условной тотальностью лежит чернь ночи. Глубокий сон без сновидений. Чернь ночи пронизана узорами, не видящими снов. Гигантская дремлющая потенция, о которой страшно думать.

Лакуны. О лакунах мы думать не привыкли. Если за краем чернь с кишашими узорами, то это уже навсегда, трудно помыслить «за» этим, трудно населить «за» иным психическим. Если происходит разрыв, кутающий психическое в себя, нет интуиции по восстановлению где-то «за».

Там иная интенсивность. Для обнаружения и соотнесения узора необходима провокация.

Здесь неважно, как вы представляете себе кишашие узоры, не видящие снов, — это гигантские змеи с закрытыми глазами, плавающие в темной бездне, или заброшенные библиотеки, выкинутые из бытия за свою сложность.

Башляр в «Феноменологии круглого» высказывается: «Круглый крик круглого существа превращает небо в купол. И в округлившемся пейзаже все словно бы отдыхает» У Башляра круглое ясперовское бытие призывает к ласке. Круглое естественно гладить. Так и мыслится «за» -преодолением круглой насыщенности, ступаешь туда, сваливаешься в себя, туда нельзя ступить. К краю нельзя подойти, сделав шаг, край — это предельное состояние, нельзя осознать себя в последний момент до встречи с условной тотальностью»

29 марта.

Перед окном пипал — фикус священный, соседка регулярно совершает обряд около него, обходит с кувшином, плещет водой. Утром на одной из верхних веток запуталась птица — там оказались нити от патанга. Она трепыхалась, беспомощно клевала нити, но патанг затягивал ее еще сильнее. Так полдня. Состояние полной обреченности, подчинения участи. Достать до этой ветки было нереально, это уровень четвертого этажа, если был бы лазерный бластер, тонко обрезающий нити патанга, тогда да. Птица может продержаться еще сутки, затем она оставит тело, его склюют ее же друзья. Подходил к окну снова и снова, наблюдая за ее попытками выбраться из перетянутого кошмара. Ближе к вечеру подошел к окну и не поверил глазам — ее там не было, она улетела, вырвалась из своего огненного круга.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Возвращение в Россию началось с новости, что нам нужно съехать с арендуемой квартиры. Хозяева имеют на нее новые планы. У нас закончились питерские регистрации, младшего сына отказались без регистрации брать в первый класс, а старшего не пустили в школу без справок от врачей. Мы странная семья, зачем-то регулярно ездим в Индию, проводим там много времени, пусть на всякий случай будет справка. Сказать детям, что мы

Делай катку, делай катку, катку. Ты кто?

Тебе нужны комиксы?

Нет. История покера.

С воплем вскочил с кровати, одернул шторы, открыл окно, стал дышать. Слизь связывала горло, во рту был мятный привкус, как от жвачки, тело трясло.

FFFFFFFFFFFFFFFF

25 апреля. Лекция по fr-языку в Москве.

Позвонил М.Е., предложил заехать к вдове Ю.В., посидеть. Там начали расспрашивать про Индию, сказали, чтобы я обязательно заехал к Ю.В. на кладбище. Пошли с М.Е. по темной Москве, по местам, где жил двадцать лет назад. Рассказал ему про последний приступ, могу идти и глотать сгустки памяти из воздуха, как летучая крыса с крыльями, сотканными из собственных кошмаров и радостей. Крылья и шторы — одно и то же.

FFFFFFFFFFFFFFFF

30 апреля.

Письмо Й.Р. Сборки и режимы КШ.

Доброй ночи.

Задача оказалась сложнее, чем смотрелось на первый взгляд. И вряд ли она разумно разрешилась. Дело не в согласии-несогласии, а в том, что крайне трудно выбрать ритм текстового существования для описания концепций КШ.

Мой вопрос — вопрос выживания внутри лабиринта, а не изображение лабиринта. И весь этот текст исходит из одной, трудно определяемой, точки лабиринта, и наделен допустимым «там» ритмом. Сборки и режимы КШ — метка. Основные моменты, через которые можно хоть как-то двигаться: четверичные сборки, эстетические категории, алфавит.

Эзотерические лабиринты Кашмирского Шиваизма представляют настолько подвижное, гибкое и пористое пространство, что в нем легко утонуть, задержаться в точке, провалиться в нее, остаться там навсегда, разглядывая рифленные и мерцающие образы.

Горы литературы, сетевой в том числе, форумных посланий, скольжение по абстрактным категориям и готовым формам, не требующим ничего, кроме предъявления себя. Пространство щедро, его можно легко копипастить, лишь слегка изменяя интонации — этим умело пользуются современные эзотерические деятели. Надеюсь, я не сделаю то же самое, не сконструирую текст из того, о чем не имею никакого представления, используя готовые фрагменты. Определенно, у меня есть ощущение символизма и структуры, и есть возможность интуитивно конструировать текст, проходя по лабиринту в случайном направлении. Другое дело, что это ощущение может иметь совсем изолированную актуальность.

Движение через ветвление, создание деревьев, сопоставление разных деревьев, вклеивание ветвей. Сами тексты вклеиваются в карту, 64 Бхайраваагама, разложенные по восемь групп, ямалы, магические тексты, — они сформированы в согласовании с симметриями. Тексты оказываются ветвями, содержащими подразделения, подветви, симметричные категорные сборки. Структура корпуса оказывается подобной структуре подтекстов. Тантрическое знание как метабиблиотека. Тантра — сеть и контекст, климат и

фон, код связок, защищающий метабиблиотеку от рассыпания. Тантри — многомерная струна, натягивающая пространство метабиблиотеки, создающая возможность повсеместной вибрации.

Размерность метабиблиотеки зависит от точки, где находится наблюдатель, ее созерцающий. Мыслит ли он себя библиотекарем, классифицирующим тексты, готовится ли к совершению ритуала, прилежно листая предписания, или же раскладывает «структуру всего» по сторонам света.

Стандартная композиция текстов следует композиции перформанса из Натья Шастры: пратиджня (введение), хету (обоснование), удахарана (пример), упаная (применения), нигамана (заключение). Создание текста как перформанс. Категории вводятся подобно персонажам драмы, в прописанном ритме.

Какова размерность, если смотреть «отсюда» — неясно, вокруг множество стен, за ними повороты, допускающие свои ритмы и действия. Где-то там, в верхних слоях лабиринта, допускается прикосновение к любому объекту. Все содержится во всем, погружая в себя все, практикующий может прикоснуться к чему-угодно, даже к самому прикосновению. Но это там.

1. ERAUQS

В Индии зимнее утро активное: разнообразие начинает действовать вместе со светом, кто-то кричит, кто-то поет, мельтешит. В Питере все по-другому, утро проявляется из холодного сна, тяжело, увесисто, к десяти часам небо становится серым, а не черным, видимость начинает еле двигаться. В Индии – будто кто-то легкий и смешной, проснулся и поскакал, а в Питере – тяжелый и грустный, раскрыл глаза в сомнениях, стоит ли просыпаться.

На индийских улицах, в подворотнях, магазинах, внутренних и внешних туннелях, полно будок с надписями STD, ISD, PCO. Кто знает, что означают эти буквы? STD : Standard Trunk Dialling ISD : International Subscriber Dialling PCO : Public Call Office. Короче, это телефонные будки. Можно прийти ночью, растолкать завернутого в одеяло и шарф человека, сказать, что нужно позвонить. К телефону подсоединен экранчик, на котором тикает сумма за звонок. За границу звонить дорого. После звонка на экранчике высвечивается название города, куда идет звонок. И, вроде, я звонил все время в одно и то же место, но каких только городов не начитался из разных будочек, включая названия, о которых никогда не слышал.

Первый раз, когда зашел в такую будку, там оказалась очередь, нужно было подождать. Оказалось время и внимание, можно было оглядеться по сторонам, увидеть, как они ведут быт. Что забавно, они записывают все звонки в огромную желтую тетрадь с сотнями листов: когда звонок сделан, по какому номеру, сколько длился. Человек, с замотанной шарфом головой зафиксировался над бесконечной тетрадью с историей всех звонков, совершенных из данной точки вовне. Электричество периодически отрубалось, человек не шевелился, ждал, когда все само перезапустится, затем невозмутимо подавался глазами на людей — типа звоните снова, все работает. На дальней стене висел небольшой алтарик с Ганешей, рядом кумкумом нарисована свастика с точками и написано на деванагари Шубх, Лабх. Шубх и Лабх — имена двух сыновей Ганеши, от сестер Риддхи и Сиддхи. Там, где написаны эти имена, ожидают процветание и прибыль, хорошая торговля, приличное движение.

И тогда, при первом посещении STD-ISD-PCO, увидел на стене еще один фрагмент — латинский квадрат три на три. Квадрат, разбитый на девять маленьких квадратиков, в каждом из которых написана цифра от одного до девяти, так, что сумма по любой строке и любому столбцу, а также по диагоналям, одинакова. По юности подумал, что это работники будки чисто развлекаются, играют как в крестики-нолики кумкумом в одиноких телефонных пространствах. А затем оказалось, что латинские или, как их еще называют, магические квадраты повсюду: на стенах домов, на башнях, на дверях храмов. Одинокая стена с изображением синего слона, а рядом магический квадрат.

Магические квадраты как амулеты, талисманы, сувениры — из меди, серебра, золота, и не только три на три, а большие тоже. В давние времена Нагарджуна привел простейшие методы построения квадратов четыре на четыре, вместе с мнемоническими правилами запоминания расположения цифр. Но главной фигурой в истории этой темы является, видимо, Нараяна, написавший в 14-м веке научный трактат с отдельной главой, посвященной построению магических квадратов.

Джайны-монахи Дхармананда и Сундарасури нашли еще ряд квадратов, в общем, мистики, оккультисты, астрологи, серьезно интересовались числовыми квадратами, видели в них куда большее, нежели цифровую игру. В арабском мире та же тема, книги по арабской алхимии полны магических квадратов, они там называются вафк, и вместо цифр порой буквы, система абджад, а вместе с ними вся гематрическая история.

Но зачем это все? Ясно, что предполагается существование некой знаковой системы, но как это может работать? Как игра в квадратные таблички переходит в алхимическое знание. Литературы по этой теме оказалось совсем немного. В сборнике по янтрам и мандалам обнаружил ссылку на две работы Schuyler Cammann «Islamic and Indian Magic Squares»; судя по всему, это самые полные и подробные обзоры данного вопроса. В этих работах излагается подробная история методов построения квадратов в арабском и индийском мире, при этом, символическое значение и ответ на вопрос «зачем это?» проносится лишь вскользь, неявно, намеками на общее ощущение реализации Вселенной внутри нумерологического домика. Арабские квадраты часто ставят единицу в свой центр, символизируя начало всего, изначальное, из которого расходится вся вселенная. В арабских методах важную роль играет середина, внутренность, в индийских — периферия.

Среди методов есть ходы конем, наложение паттернов. Нараяна говорит о методе сочинения квадратов как о даре, данном Шивой принцу, а наложение паттернов метафорически увязывает с майтхуней — ритуальным сексуальным актом. Создание квадратов как модель проявления Вселенной. Интересно, есть ли квадраты шесть на шесть, в которые вписаны 36 таттв кашмирского шиваизма по принципам закодированных эманаций.

Камманн приводит также ссылки на исследования квадратов в каббалистических текстах, там они соединяются с системой сфирот, несут гематрический оттенок. В общем, это пример знаковой системы, перенесенной в современность в разобранном виде. В будках STD-IST-PCO, на стенах городских зданий, в магазинах, мыслях, присутствуют следы далеких знаков, воспринимаемые здесь и сейчас как цифры счастья.

2. EVAC

Абхинавагупта — центральная фигура теории эстетики, монистической философии, тантрического мистицизма. Наверняка есть книги, посвященные индийскому театру, поэзии, мистицизму, где не упоминается А., но их мало. Если речь заходит о природе переживаний, чувств, эмоций, кашмирских мистических и магических системах, слова, тексты, трактовки А. всплывают сами по себе. Энциклопедия тантрического знания Тантраалока, сборник тайн Тантрасара, комментариев на трактат о театре Абхинавабхарати — все это лишь фрагменты гигантского метатекста, созданного А.

Этот метатекст содержит сложные и неожиданные связи. К примеру, разбирая драму, А. обращает внимание на оленя из Шакунталы, в ужасе убегающего от охотника. Это не конкретная ситуация, явленная здесь и сейчас, а страх вообще как категория существования, вневременной пласт, реализующийся всплесками и струнами. Олень — это сам страх. Существуют протяженности, непрерывные субстанции, соединяющие предчувствие и страх подобно дыму и огню. Временное проявление страха приходит в этой протяженности. Побег оленя — натягивание струны. Зритель, видящий происходящее, наполняется тем же страхом, благодаря тому, что внутри него обитают залежи потенциалов ужаса.

А. называл себя черной пчелой. Бхрамара — пчела, Володя подсказал, что бхрам — бродить. Бродячая сущность, передвигающаяся по структурам, собирающая сокровенный нектар. Еще она создает соты — классификационные решетки, и мед — четкое знание, готовое к употреблению.

Мадхураджа так изображает своего учителя. Среди виноградных рощ, павильонов, благоухающих сандалом, стоит золотой трон, на котором восседает А. Пространство освещено лампадами, украшено гирляндами, наполнено музыкой. Вокруг танцующие люди. У стоп А. сидят ученики, записывающие его слова, по обе стороны от трона стоят тантрические подруги А. — одна держит кувшин с напитком и коробку с листьями бетеля, а другая — лотос и цитрон. Уши украшены рудракшами, свисающая борода, гирлянды вплетены в длинные волосы. Его тело подобно золоту, а белоснежные одежды подобны лунному свету. В его правой руке четки, в левой — музыкальный инструмент нада-вина.

По легенде, А. вошел в пещеру Бхайравы вместе с учениками. Они оттуда не вернулись, растворились в темной глубине, ушли в состояние иного света. Эта пещера находится в округе Будгама, неподалеку от Шринагара.

3. YTILAMROF

В КШ отождествляется знание и сознание. Три режима КШ: трансцендентное, трансцендентно-имманентное и имманентное, связываются с энергией трех богинь: Пара, Параапара, Апара. Весь КШ прожит трехрежимными концепциями, собранными в универсуме Трики. Режимы — не сборки. Режимы — скорее фильтры, используемые в театре, цветные прозрачки, прикладываемые к световым лучам. Одна концепция может считываться и восприниматься по-разному в разном освещении.

Режимы и сборки не противостоят, а скорее покрывают, оплодотворяют друг друга.

Некие формальные общие точки монистических тантр, составляющих базовый пласт КШ, описаны Абхинавагуптой в Тантрасаре:

1. Невежество как несовершенное знание отождествляется с нечистотой;
2. Реальность как само-свечение и сознание;
3. Объективная множественность как проявление сознания;
4. Высшее сознание как свободная воля;
5. Реальность как одновременно трансцендентное и имманентное, явленная благодаря интегральному динамизму и свободе;
6. Индивидуальность как феномен самоограничения реальности;
7. Индивидуальность как спонтанное проявление универсального субъекта;
8. Необходимость правильной логики, правильных предписаний, правильного наставника как помощь при постижении;
9. Правильная логика — наиболее эффективная часть йоги, как непосредственный метод приобретения себя;
10. Источники практик, такие как ягья, хома, врата, йога и т. д. для достижения правильной логики, которая является чистым знанием;
11. Реализация совершенного сознания посредством проявления единства всех возможностей;
12. Превосходство предписаний Трики.

Основные школы КШ: Кула, Крама, Пратьябхиджня, Спанда. Растоги упоминает акценты: эзотерический и мистический у Кулы и Крамы, и метафизический у Пратьябхиджни и Спанды. Различия между школами интонационные, ритмические, структурные, мистические.

Один из основных методов развития фрагмента — четверичная сборка. Из корня прорастает четыре ростка, четыре ветви переплетаются вокруг одного ствола, четыре структуры

сливаются воедино, четверичные деревья заполняют собой все пространство. Машины четверичных сборок бегают по метабиблиотеке, перестраивают структуру.

Растоги выявляет четыре разных режима Тантраалоки: обзорный, ритуальный, научный, песенный. Четверичное деление Каулы: восточное, во главе с Кулешвари, северное, во главе с Каликой, западное, во главе с Кубджикой, южное, во главе с Камешвари.

Каула — это Кула и Акула, все аспекты познания, собранные вместе.

Интересно, что в первой фазе кула-ритуала не указывается календарь, но указывается направление. Практикующий смотрит на северо-восток. Север связывается со свободой, Восток — с удовольствием. Север — направление свободы! В янтре и мандале Север находится по левую руку. В классификациях агамических текстов Север также связывается с Вама. Север — самое холодное, свободное, запретное.

Одна из центральных четверичныхборок Крамы следующая. Четверка функций сришти (создание), стхити (сохранение), самхара (разрушение), анакхья (неопределенность), соотнесенная с тремя онтологическими категориями субъект-познание-объект, порождает двенадцать Кали Крамы. Четверка функций Крамы соотносится с четверкой Спанды: бинду (точка), нада (звук), рупа (форма), раса (вкус).

Таким образом, троичность и четверичность не противопоставляются друг другу, а создают дополняющие друг друга реальности, как и режимы-борки.

В 29-й главе Тантраалоки подробно описан ритуал, связанный с четверичной сборкой Крамы. Он происходит в три круга, по четыре этапа в каждом, начинается с фиксации двадцати четырех сакральных зон тела. Далее строится мандала с восемью направлениями, на ней, как на карте, фиксируется место кремаций, и из него начинается путешествие, символизирующее познание. В мандалу помещается вино, мясо и менструальная кровь. Путешествие приводит в состояние вне пространства и времени.

Один из ритуалов, связанных с четверичной сборкой Крамы, включает в себя сексуальную практику. А. подробно описывает конфигурации участников этого скрытого акта, обращаясь к театральным образам. 29-я глава также содержит описания восьмеричных ритуальныхборок, связанных с восемью уровнями звука, восемью Бхайравами.

Субъект-познание-объект — праматр-прамана-прамейя дополняются еще одной категорией прамити, включающей единство трех. Четвертая категория как слияние субъекта, объекта и самого познания. Четыре метода (упайя): анупайя, шамбхавопайя, шактопайя, анавопайя.

4. RUOF

Если рисовать карту со сборками, четверичность окажется самым приятным и естественным методом формирования.

Четверичные сборки повсюду. Леви Брайант раскладывает свою четверицу: яркие, тусклые, темные и блуждающие объекты.

Das Geviert как отношения. Зеркала, бракосочетания, песни, танцы.

1. Зеркала — отражения, отображения, копирование. Здесь же — отбрасывание тени, проявление скрытой сущности.

2. Бракосочетания — склейки.

3. Песни — расширения, вибрирующие поглощения, речь.

4. Танцы — самое загадочное. Вряд ли танцы рассматривались М.Х. как ломка [но не поломка] и гебефреническая имитация, вряд ли он имел представление о

брейкдансе. Танец может быть пространственным обозначением, точечной фиксацией «места вообще». Танец может быть разрывом, рассыпанием. Танец — присутствие в разных местах без поглощения, поэтому рассыпание.

К концу своей темы Харман приводит свою базовую модель ООФ: есть два вида объектов (реальные и чувственные), и два вида качеств (также реальные и чувственные). И виды напряжений между ними именуется пространством, временем, сущностью и эйдосом. Интересно дальше. Он раскладывает свою четверицу по мастям — в прямом смысле. Крести у него — чувственные объекты, пики — реальные объекты, буби — чувственные качества, черви — реальные качества.

В главе «Монтаж» приводятся четыре стиля (тенденции) монтажа:

1. органическая тенденция американской школы
2. диалектическая тенденция советской школы
3. количественная тенденция довоенной французской школы
4. интенсивная тенденция школы немецкого экспрессионизма

Органическая тенденция сравнивается с птицей, ритмически машущей крыльями, со сворачивающимися и разворачивающимися сущностями (улитками, гусеницами, многоножками?).

Основная разница между органической и диалектической сборкой — в позиции противостояний. Классовая борьба в органическом теле является случайностью, а в диалектическом — двигателем. Качественные скачки — важные и выделенные точки диалектической сборки, описываемые «аттракционным исчислением» Эйзенштена. Органическая тенденция слишком буржуазна для диалектиков, слишком расслаблена.

Количественная тенденция — это машины отражений и теней, танцоров и верениц. Страсть как фон, движущая сила и провокация. Делез говорит, что именно французская школа освободила воду, организовала текучесть. Чередование света и тени, вальс солнца и луны.

Немецкая тенденция — мерцания и иная световая интенсивность. Ртуть. Полосы одновременного внутреннего существования света и тени. Ломаные, северные линии, острые порезы, давление тонких концов, иглы, осколки.

Четыре вида языков Анри Гобара: материнский язык, язык-посредник, справочный язык и мифический язык.

Материнский язык — меч — защита матери.

Язык-посредник — ключ — раскрытие дверей, связь между пространствами.

Справочный язык — факел — раскрытие возможности видеть, удобство.

Мифический язык — алмаз — обитатель сокровищниц.

Иерархии Хомского, группы крови, луны, четыре тела Валери. [Четыре типа слов: таугика, рудха, тогарудха, таугикарудха]

Четверичность колеса энергий, в соответствии с Кхечари, Гочари, Дикчари, Бхучари.

Гладкие и рифленые пространства Пьера Булеза и Д-Г дополняются до четверки: гладкие (DIFF), рифленые (PL), мягкие (TOP), пыльные (всякие компакты типа соленоидов, канторовские россыпи).

Четверичные сборки везде: на Западе, на Востоке.

Как НШ, так и Тантраалока состоят из тридцати семи глав. 37 глав входят в соответствие с 36 таттвами КШ и еще скрытой единицы, указывающей на трансцендентность реальности. Стандартное добавление скрытости, необнаруживаемой симметрией, добавление 109-й бусинки на четках, девятой расы, тринадцатой Кали Крамы. Когда описание получено и гармонично выстроено, дается намек на то, что трансцендентность невозможно уловить и запихнуть в обретенную схему, создается «еще одно», универсально включающее в себя «иное». Первые двенадцать глав ТА посвящены теории, тринадцатая соединяет текст с остальной, ритуальной частью.

Четверичность абхиная (спектакль), гати (движение), дхвани (звук), шабда (слово) соответствует категориям драма-танец-песня-поэзия, анализируется с четверичного зрения формы-меры-качества-дефекта.

Четверичное деление инструментов в НШ:

тата — гладкие, тантри, струнные;
аванадха — мембранные, кожа, натянутая на полость, таблы, мриданги;
гхана — жесткие, звенящие, цимбалы, колокола;
сушира — духовые, дыхание, прана, флейты, дудки, свирели.

Натяженности, закрытые полости, цельности, полости с дырами. Это удивительная, сильная сборка.

Натяженности — Спанда,
Закрытые полости — Кула,
Цельности — Пратьябхиджня,
Полости с дырами — Крама.

Музыкальные инструменты — комнаты, в которых живет время, конфигурации, позволяющие времени течь. А. отмечает, что струны и флейты создают сладкое звучание, объясняет, почему именно в таком порядке расположены виды инструментов. Это не случайное перечисление, а определенная иерархия, связанная с первичными свойствами звука и ритма.

Десять видов звуков в Брахмаямалатантре, цитируемые А.:

1. Чини.
2. Чинчини.
3. Стрекот сверчка.
4. Гул раковины.
5. Звук ситары.
6. Звук флейты.
7. Звон.
8. Гром.
9. Лесной пожар.
10. Перкуссия.

Что за «чини» и «чинчини» — неясно. То же пишет и С. Васудева в монографии, посвященной анализу Малинивиджайоттаратантры. В качестве гипотетического обозначения «чинчини» рассматривается крик редкой сине-белой птицы. Также приводится интересное гадание йогов на тему «сколько мне жить осталось», похожее на то, что мы спрашиваем у кукушки, только они это спрашивают у источника чинчини. Кшемараджа отождествляет чинчини со стрекотом сверчка, но в приведенной выше классификации это явно разные звуки. Чиинии — сахар на хинди, было бы красиво, если бы эти звуки связывались с пересыпанием песка, но чиинии и чинии — разные слова.

Существуют также альтернативные системы звуков, например, из Шарадатилаки. Там четверичное деление: жужжание матки пчелы, звук флейты, звук колокола, гром. Это четверичное деление схоже с обычным: жужжание связывается с непрерывной вибрацией струны, а гром со звуком барабана.

5. SCITENTSE

Во второй главе НШ описываются типы театральных сцен: прямоугольный, квадратный и треугольный. Представление о сцене — представление о пространстве вообще, о вместилище действия, кухне, на которой готовится раса. Пространство — сцена, время — музыка. Бросается в глаза отсутствие круглой сцены — была бы естественная четверная сборка.

В шестой главе НШ (42-43) даны цвета рас, можно спокойно раскрашивать нашу карту (те, кому мало цветов, могут взглянуть на 44-45 и попытаться разыскать соответствующие биджи), также без лишних усилий решается вопрос интенсивности.

1. эротика — зеленый. Бхава — любовь. Жертвенность, отдача, возможность проникновения, пористость, дозволенность, удовольствие, сладость. Капли меда, застывшие на пористых сотах, готовые в любое мгновение прийти в движение и насладиться собой. Нежное, допускающее и ожидающее вторжения. Мягкие залежи ночующих потенциалов. Розы. Теплая сборка рассыпанного.

2. пафос — сизый. Бхава — печаль, сострадание, грусть. Сворачивание улиткой. Глаза, глядящие в себя. Трансовые и гипнотические ритмы, самопроникающие структуры, заворачивание в себя, внутреннее одеяло.

3. мерзость — синий. Бхава — отвращение. Брезгливость. Брови опускаются, лицо сжимается в бульдожью мордочку. Регулярная смятость. Слоистость. (склизкие, червеподобные структуры?) Резкие спонтанные разрывы и разбрасывания кусков. Трещины, расколы.

4. ужас — черный. Бхава — страх. Иерархии, дрожь. Крупинчатость, подчиненная репрессии. Параноидальный ритм, фрактальность, бэд-трип. Внутренние папортники, дрожащие под микроскопами, дарк-эмбиент.

5. героизм — светло-коричневый. Бхава — воодушевление. Большие поляны, существование "над", покрытия, поглощения, игнорирование деталей, возможность изменения предуровня ради реализации следующего уровня, условность иерархий. Машины, фабрики, внешние папортники, телескопы, гимны.

6. гнев — красный. Бхава — ярость. Глубокое частое дыхание, прилив крови к глазам. Осознание врага (контрструктуры). Осознание обмана (невозможности склейки, соединения, при иллюзорной возможности). Деструктивные ритмы, рассыпание иного, многие категории хардкора.

7. юмор — белый. Бхава — веселье. Гебефрения. Структура "с придурью", растерянность, мельтешащая нерегулярность, угашенная ризома. Комканый ритм, дабстеп.

8. волшебство — желтый. Бхава — удивление. Тайники, сокровищницы, сакральные зоны, изумительные детали. Желание замереть, задержка дыхания. Страны и города, скрытые за горами и морями. Стражники, двери, ящики — далее до кучи всего по Башляру. Дупла деревьев, спрятанные гнезда, карты кладов. Дрим-хаус.

А. вводит девятую расу — шанта (раса покоя). Покой как структура, не говорящая о себе, или уже все сказавшая.

Искал изображения синих улиток, прячущихся в себе от узористых сражений, а нашел картины Roberto Matta. Изоляция и совпадение соответственно. Самая мякотка пространства пережимается изолентой и связывается структурным остовом ---- у нас есть гомологический стержень, на который насаживается сложность, а затем вся конструкция расшатывается «производным ветром». Размытый производным ветром гомологический стержень оказывается остовом сложности «в данное мгновение», и кроме него там больше ничего нет, если он выхватывается, осознается все распределение неявного.

6. ТЕВАНPLA

Определенный ритм задался. Я опасаясь определенной структурной клетки. Режимы знаков Д-Г или Л-С, в которых поведение номадических охотников и оседлых крестьян представляется общими характеристиками.

В лабиринте появляются намеки на ту, что украшает себя всеми орнаментами. Она — хозяйка всех узоров и гирлянд. Естественно, она распознает детали этих узоров и гирлянд, если имеет власть над ними.

Странные порядки алфавита — огромная магическая комната внутри лабиринта.

Кулапутталика — альтернативный порядок алфавита, подобный Малини. А. говорит, что есть ряд порядков, и Малини — главный из них. Порядки букв алфавита — символическая бездна. Согласные оказываются чревом, гласные — семенем. Нагревающие (Матрика) и охлаждающие (Малини) алфавиты.

Матрика — это матрица, энергия Бхайравы, имманентность. Малини сравнивается с пчелой, жужжание которой деформирует структуру всего.

Володя рассказал про исследования Яна Шотермана. Ян показал, что в основе Манджушри мантры лежит мнемотехника по запоминанию кхароштхи. У кхароштхи арамейский родитель, там дальше огромные таблицы картинок людей и рыб, в этих знаках трудно копаться уму. Здесь интересен сам мнемотехнический феномен. Последовательности бидж вполне могут являться методом запоминания длинных цепочек необходимого кода. Кодом к коду.

Можно годами копаться в структуре мантры или дорожке из бидж, не понимая соответствий, а окажется, что перед нами мнемоническое правило, метод запоминания какой-нибудь далекой таблицы.

Центр и периферия связываются с субъектом и объектом. Сущности, передвигающиеся по карте, реализуют познание. Тройная сборка ритуала Кулы связывает сосуд, светильник и сакральное место, — все это реализуется на или в теле практикующего и представляет собой ритуальные ингредиенты, включающие как мужскую сперму, так и лук с чесноком. Сосуд — хранилище пространства — корабль, на котором совершается путешествие, светильник — хранилище света, сакральное место — хранилище памяти. Место, чтобы стать сакральным, должно пережить историю — инициацию, памятную битву, символическую игру. Место как место — не сакрально, оно делается сакральным благодаря особому опыту, представляя себя основанием редкого действия.

Мандала Кулы — квадрат, квадрат легко хранит 64-типные деления, в нем легко выделить восемь направлений. Мандала — карта, кодирующая симметрии и сборки. Количество светильников варьируется, в некоторых ритуалах указаны 64 светильника, в некоторых 50 по числу букв алфавита. 50 светильников располагаются в соответствии с порядком Малини. Интересно само по себе достраивание алфавита санскрита до 64 символов. В квадрат включаются все пять рядов по пять согласных, полугласные, шипящие + ха, а гласные входят в разных формах: коротких, длинных, вытянутых, добавляются еще анусвара и висарга, джихвамулия и упадхмания, и пять яма, — всего шестьдесят четыре.

Ньяса — это помещение алфавита в тело. Алфавит приглашается в тело, практикующий последовательно касается мест на своем теле, фиксируя в каждом прикосновении одну из пятидесяти букв. Процесс может следовать порядку Матрики, Малини, или иному, известному лишь практикующему. Тело становится «вместилищем всего», вселенной, областью символической игры.

Стандартный порядок алфавита очень логичен, выстроен по варгам, у него красивое восьмеричное представление: гласные, пять рядов согласных, полусогласные, шипящие. Количество различных перестановок пятидесяти букв представляет собой нечто около-64-значное. Почему именно эти порядки выбраны в Матрике и Малини? Ощущение, что вся доступная литература цитирует саму себя, снабжая данные загадочные порядки простым символизмом, переписывая снова и снова принятые соответствия. Проблема в том, что с таким же успехом можно выбрать любой другой порядок и снабдить его аналогичной интерпретацией. Данные порядки — готовые формы тантрической традиции.

Самое подробное описание Малини в семантическом аспекте, из всех, что встречал, дано в Паратришике-Виваране А. — эта книга доступна в переводе Джаядева Сингха. А. двигается по Малини, приводя интерпретации фрагментов.

Na – naada – звук, все начинается с движения сознания, реализованного через звучание. Четверка букв-евнухов, формально гласных, но не способных войти в союз с согласными, семя, не способное оплодотворить. Звучание созревает в этой области. tha – вкус самоосознания, sa – запах, самоузнавание, dha – прикосновение.

Движение по гирлянде символизирует проявление мира, воплощение всех вещей и представлений о вещах. Каждая буква — форма энергии. Фрагмент гирлянды, рассмотренный в разных режимах Трики, может иметь разные интерпретации.

Существует ряд гематрических систем для работы с санскритским текстом, наиболее популярные из которых – катапаяди, используемая в музыкальном кодировании, и арьябхата, названная в честь основателя Арьябхаты. Катапаяди игнорирует гласные, сопоставляет каждой согласной цифру, и цифры в слове не складываются как в ивритских гематриях, а приписываются друг к другу, сохраняя порядок. Арьябхата учитывает соединения с гласными. В итоге получаются длинные цифровые цепочки, выстроенные по принципу нот. Гематрические манипуляции распространены больше на юге, особенно в Керале.

Атбаш — это метод кодирования, кем только не использованный: и гностиками, и катарами, и каббалистами. Идея проста: первая буква алфавита заменяется на последнюю, вторая — на предпоследнюю и так далее. Это частный случай так называемого аффинного шифра. При таком преобразовании естественным образом меняются гематрии. Используя эти зеркально-гематрические манипуляции, западные гностики кодировали свои тексты. В КШ есть аналогичный ход. Тридцать шесть таттв КШ отражаются в подобном зеркале, образуя иной порядок. Называется данное соответствие бибма-пратибибма, а сила отражения связывается с пашьянти, энергией Парапара. Подкрученное или вогнутое зеркало как субъектность, метод преобразования как сущность.

Выход из очередной комнаты лабиринта. Перекресток с четырьмя дорогами, расположенными по сторонам света. Дальше — следующий слой и блуждание по закодированным стенам, сотканным из буквенных орнаментов.

FFFFFFFFFFFFFFFF

«Дорогой Д., RN – это не стековый язык, в нем нет понятия «стек» вообще, но в нем есть разведчики, они могут ходить по тексту, возвращаться, сообщать. Еще раз рекомендую посмотреть бхадрамандалы, там методы кодирования могут быть схожи с Piet его производными. Возьми за основу коммуникацию chumta и построй код, состоящий из бхадрамандал. Движение ESWN может соответствовать интерпретациям типа N – свобода, E – удовольствие.

Универсальная грамматика:

построение универсальностей;

зеркала;

четверичные сборки;

формирование сгустков;

режимы и ритмы вложенных контекстов;

Универсальная грамматика позволяет создавать тексты произвольного уровня, даже из рассыпанных, разваренных кусков.

Универсальная грамматика может находиться в сердцевине «организаций». «Организации» как органы подавления, в смысле Лэнда, подчиняющие и впитывающие низкоуровневые единицы. Организация — организм, мыслящий свои органы «вместе». Используя принципы универсальной грамматики, организация заполняет лакуны, заменяет ампутированные органы, остается действующей сущностью. Организация создает сгустки как черные ящики — то, что останется в случае любой катастрофы, любого саморазрушения.

Основные режимы RNS:

1. Темноделезианство — наблюдение за сущностью, не просто разрушающей память, но и ставящей условия, при которых невозможно строительство миров, основанных на памяти. В темноделезианских утробах память таки присутствует, но не как формирующий принцип, она там скорее как фон, фигура климата. Там внимание важнее памяти. [про темноделезианство должен был написать 18-го января]

В темноделезианском режиме разрушение и возведение стен — ежесекундная актовость. Возведение стены — тоже разрушение. Просмотр RNS в темноделезианском режиме позволяет полноценно трактовать множественные сцены — идти через уничтожение концептов, через отрицание моделей, которые, казалось бы, только что работали.

2. Ожидания. Запретная любовная связь. От понимания «это происходит сейчас» становится неловко персонажам — неловко существовать при продолжающемся (где-то, но сейчас) запретном акте. Они ждут, когда акт завершится, чтобы начать снова действовать.

3. Режим мерцания. Подобно мерцающим змеям, сквозь которых можно проходить.

4. Режим непосредственного набора текста. »

Красивая ночь всех людей — х.хларс.ейедюи.ьвсчояавн.

8 мая.

Долга три с лишним ляма. Спросил друзей о возможностях. Г. рассказал о работе в Пакистане — тысяча баксов в неделю — Пак вкладывается в науку, делать ничего особо не надо, чисто консультировать аспирантов. Возят туда-сюда в сопровождении автоматчиков, по вечерам полностью отрубает свет — типа спи до утра. Ограниченное пространство, можно перемещаться лишь по нему. Беда в том, что после такого заработка будут проблемы в Индии, даже если поменять паспорт, подобный трип может всплыть. Да и чтобы покрыть долги, надо не меньше года просидеть в таком месте.

Такая весенняя погода, что нужно ходить в зимней куртке. Зашел в столовую, там телевизор и обычно поставлен музыкальный канал с клипами, с выключенным звуком. Сел и не сразу обратил внимание, что там идет. Уже когда собирался уходить, посмотрел, и замер. Там шла трансляция какого-то покерного турнира. «История покера» — это последнее, что

услышалось тогда от Суппанди, или не от Суппанди, а невесть от кого, сидящего в черном сгустке. Это выпало из памяти, возможно, совсем бы потерялось, если бы сегодня не зашел в эту столовую.

Весь день продумал, что может означать «история покера» — явно ведь некая метафора. Покер — это вообще пидор по-тюремному, но вряд ли там может быть такой контекст, там не может быть столь банальной сексуальной интерпретации. Переставлял буквы в этом сочетании. Истерия порока, может быть. Сложно представить, что эта сущность говорила о карточной игре [но да, возник намек, что это был добрый друг, который объяснил, как вылезти из долгов].

На следующий день зарегистрировался на покерстарс, провел там несколько ночей, играя за разными столами на формальные фишки, просмотрел десятки видосов с соревнованиями типа шарк кейдж. Связался со старым знакомым, занимающимся покером, попросил в общих чертах набросать принципы. Он сказал, что все решает ритмичность и музыкальный слух, умение манипулировать ритмами. В онлайн казино на аквариумах сидит много тихих хищников, выжидающих любителей, которых можно за ночь раскатать на крупную сумму. Они как замершие акулы, тихо слушающие музыку, готовые поглотить жертву (фиша), когда его музыкальность станет понятной.

Более опытный IM пояснил, как двигался сам:

«За месяц научиться безошибочно играть абс-покер, за полгода прочитать и осмыслить все на pokerstrategy, и годы оттачивания мастерства: наработка интуиции, чтение оппонентов и эксплуатация их слабых линий, скорость реакции при игре на нескольких столах одновременно. На практике: обсуждения конкретных сдач на форумах, анализ сессий в holdem manager, совместная игра с другими опытными игроками, и прочее. В течении всех лет игры примерно треть времени я тратил на совершенствование, и лишь две трети на саму игру»

IM рассказал, как стриг американских домохозяек. Главная задача — изоляция фишей, выстраивание метагейма — системы взаимоотношений с регулярными игроками, в которой вы друг другу не особо мешаете. Фиш выделяется стандартными ошибками, частыми входами, низкой агрессией. Есть пассажиры странной ритмичности, например те, кто никогда не рейзит флоп — таких быстро выявляют и наказывают.

IM: «Holdem manager — это все что тебе понадобится, только проверь, что он разрешен в твоём покер руме. Еще Equity calculator или как-то так, чтобы перевести подсчет эквити на интуитивный уровень»

Пара ночей на покерстарс и после закрытия глаз продолжаются раздачи, и во сне тоже, карты бегают по кругу, открываются, комбинируются.

Этажи решетки:

```
*_*_*_*_*_#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#  
#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#  
*_#=#=#=#=#
```

Места на каждом этаже упорядочены. Крысы выбегают одновременно, находясь в разных местах, подают друг другу сигналы. Задача каждой из них — доказать, что она выше остальных. Крысы-маньяки вопят громче всех.

Вся открытая литература по истории покера оказалась однообразной — везде указывалось на связь с китайским домино и персидской игрой ас-нас.

Явно ведь речь не идет не об истории как наборе данных типа дат, скорее речь о «существовании и деформации во времени». Начал писать текст с цитаты из «Языка и мышления» Н.Х.:

«Предположим, что мы приписываем мышлению в качестве врожденного свойства общую теорию языка, которую мы назвали «универсальной грамматикой»... она задает определенную подсистему правил, которая составляет каркас любого языка, и множество разнообразных условий, формальных и субстанциональных, которым должна отвечать любая дальнейшая разработка грамматики»

Показалось, что сейчас без особых проблем построится универсальная грамматика игровых и трюковых систем. Карточные игры и трюки впишутся в языковые темы, найдутся каркасы всех известных конструкций.

Язык как метакоммуникационная сеть между кем-то, между категориями, субъектами, между тобой и тобой. Это «между» не пространственно, оно даже не требует различия тебя от тебя. Язык — сеть, дающая возможность движения по себе сущностям, отличным от себя. Язык развивается как живой организм, но он не общается с собой на себе. Языком может быть разнообразная сцепка двух данностей, или одной данности с собой. Карточная игра — вполне себе язык, даже пасьянс — язык шептания с собой.

У нас универсальные объекты существуют из общих принципов, но их явное описание, как правило, требует языка иного уровня. Их свойства ясны и прозрачны, но их явная конструкция, анатомия, крайне сложна. Если универсальность заявляется в компактной языковой форме, заявляется как описанная сущность, а не черная коробка, обладающая свойствами, здесь что-то не то. Присутствие универсальности здесь и сейчас — да, описание универсальности на языке, созданном для описания объектов иной сложности — нет.

Здесь рядом лежит мир локальных объектов — локалей — плодов локализаций [и двойственный мир колокальных объектов — колоколов].

Все равно придется нарисовать карту.

Самые популярные карточные игры в Индии — тин патти, тин-до-панч, румми — разновидности покера, с иерархиями комбинаций. В Панджабе и Пакистане популярна бхабхи (жена брата), ближе к Ирану — басра, гхарат, версии вылавливания карт и комбинаций. На Севере и в Бангладеше популярна игра 29 — в ней самыми ценными картами считаются вальты и девятки. На Востоке распространены карты ганджапа, игры типа ганджифа.

Можно идти по географической карте и выписывать тенденции карточных игр, смотреть на необходимость памяти. Есть игры, в которых память является решающим фактором, игроку нужно помнить вышедшие из игры карты, чтобы ориентироваться в скрытой колоде, есть игры, где память не играет особой роли, важнее ощущение настоящего и интуиция будущего.

Структурная антропология через игровые пространства, отношения с карточными играми.

Пасьянсы, как правило, не нуждаются в памяти. Сапер, арканойд, тетрис.

Случится ли перестройка сил на Ближнем Востоке, если переделать игровое пространство, внедрить игры нового толка. Если увидеть, что на Ближнем Востоке война идет не за нефть или золото, не за поставки топлива и распределение благ, а за паттерны, символические

дорожки, алхимические потенции.

Внедрение игровых пространств, доступных виртуальных средств с встроенными пасьянсами, ритмами накоплений формальных очков, конфигурациями лабиринтов — задача особых отделов. Догадки о порождающих паттернах, универсальных грамматиках игровых и трюковых пространств. Когда они будут сформированы, исследователи свяжут методы тасовки колоды с методами строительства домов, типы игровых форм с аспектами культуры. Игровые порождающие паттерны станут частью структурной антропологии.

#

Первый раз увидел специальную колоду в середине 80-х — к нам во двор зашел пухлый паренек. Он сел на скамейку и начал рассказывать сказку. Жил-был король, была у него дочь. В руках у него было карт десять, но он достал из них куда больше. Появлялись все новые персонажи сказки, слуги, стражники. А в конце сказки все исчезло, «а у меня ничего нет» — сказал король, и в руках оказались пустышки.

В ту ночь не мог уснуть, думал, как такое может быть, все эти «жил-был король», множество карт, появляющиеся из маленькой колоды.

Специальные колоды привозились моряками, продавались как редкий товар. Так в наши места проникали дизайнерские колоды, свенгали, велосипеды, пчелки — все через море.

иинелвад моксечиголоеди мобюл ирп ьтижыв онжом, икотоп еыволсымс яваытичс, ьтаворилупинам ошорох ими илсе -, икчанз, икчот, икчолап или, икчопец или, ьругиф а, ьтрак ен ьтыб тугом отэ, мымисивазен ьтыб онжом мороток в, еитяназ еонневтсниде ен ил ьтуч — ьрги еиксечилловмис отч, ьсолазакоп еж адгот

Когда мне исполнялось ... лет, за две недели, в сентябре, Дн. спросил, что подарить на день рождения. Сразу же ответил, что хочу колоду пластиковых карт, которые гнутся, но не мнутся. Он сказал, что достанет — через моряков. На следующей неделе пришел к нему, увидел колоду, лежащую на столе, улыбнулся, глядя на него, взял, раскрыл. Было ясно, что это подарок мне, но Дн. попросил не трогать. Ну хорошо, не буду трогать пока что. Стало приятно, радостно. Никогда таких карт не видел — интересные, красивые.

На день рождения Дн. подарил мне колоду, но другую. Сказал, что ту ему по ошибке принесли, там были не пластиковые, они мялись, а эти можно гнуть, они будут как пружина выгибаться обратно. Этими картами легко пробивать газету, их можно метать как оружие.

Любая колода после //// становится крапленой.

Когда-то использовал простые метки чернилами. Брал шариковую ручку, рисовал маленький кружок на подушечке среднего пальца правой руки. Затем протягивал колоду, разложенную веером, просил достать любую карту, не показывая ее. Оставалось лишь слегка коснуться снизу этой карты средним пальцем после того, как зритель вставит ее обратно в колоду. Карты метятся иголкой, водой, ногтем. Есть инфракрасные линзы, позволяющие считывать метки, невидимые обычным глазом. Инфракрасные метки не обнаружить. Изошренные в своей циничности методы видения закрытого.

Колода может быть чужой, чистой, новой, она пометится по ходу игры, метки будут видны лишь с помощью специальной оптики. Идеально для покера. Пометить углы на тузах, большие середины на королях, малые середины на дамах, поставить точки в центре на вальтах — этого достаточно. Даже одна метка одного туза дает большое преимущество.

#

Уже спустя неделю появилась тяга, будто ум приклеили к возможностям комбинирования. Даже удовольствие от подглядывания — смотришь, как кто комбинирует, и словно наблюдаешь за интимным. Ясно, почему в сети популярны трансляции с анализом раздач. Подглядывание в замочную скважину за блужданием по решетке.

После месяца, проведенного на покерстарс, ночью пришла тошнота — стало казаться, что подходит рвота, и карты сейчас полезут изо рта. Может, это будут не бумажные карты, а лишь их формальные значения и комбинации AA, AK, KQ. Они пойдут изнутри со звуками шух-шух-шух, раскладываемой на столе колоды; текст пишется из нескольких знаков фолд-рейз-колл, там невозможно залезть под сукно, невозможно получить карту-мутацию — полудаму-полувальта, жесткий аквариум с решеткой, по которой можно бежать в нескольких направлениях, стремясь забраться как можно выше.

Интересно наблюдать за возникновением зависимости. Как джанки. Еще немного, и наступит физическая ломка. Чем больше узнаешь о вариантах и стратегиях, тем больше затягивает в игру — посмотреть, как это работает.

Пытался выстраивать иную ритмичность, строить стратегию по движениям муравьев, резкие повороты муравьиных дорожек соответствовали агрессивным рейзам, плутания на месте — фолдам. Люди не предполагали, что играют с муравьем, хотя, это тоже могли быть не люди, а птицы или растения. [Мерцбау гладит петуха, Кит Флинт гладит муравья]

[стать человеком-муравьем...

Когда услышал о людях-муравьях, подумал, что это ролевики-киберпанки, начитавшиеся троцкиста Чайну Мьевилия, имитирующие расу хепри из вокзала потерянных снов. Уже практически в любом крупном европейском городе. Затихает музыка, распахиваются ночные двери, в подземные клубки просачиваются, заползают, шипящие-шелестящие люди иных походов. Поинтересовался у друзей-шумовиков, есть ли они в Питере, сказали, что вроде по слухам появились, но выхватили лютых люлей, теперь сидят по подвалам. При подготовке к работе по инсект-панку, наткнулся на статью Е.Г. «Муравьиный лик». Она заканчивается как раз посылом и возгласом Якоба Беме «сколько их вокруг»:

«Согласно Якобу Беме, потомки Адама в процессе падения "теряют человеческий облик", все более напоминая, физически и психически, различных представителей животного царства: "Люди-жабы, люди-крысы, люди-пауки, сколько их вокруг! И станут люди холоднее жаб и хитрее пауков". И далее у Беме пассаж, более понятный сейчас, нежели в семнадцатом веке: "И обретет человек муравьиный лик и скажет: нет бога и богов, а есть соломинка на спине. И хорошо бы нагрузить этой соломинкой чужую спину».

Кстати, в статье есть еще много интересного, например

«Женщины африканских племен сатойо и короманти, к примеру, беременеют, когда хотят, причем не только от мужчин, но от змей, зверей, лесных и речных духов, от культового деревянного фаллоса, от подружки-лесбиянки, так как, натертый травой "дукаму", клитор превращается в пенис»

Рекомендуется исследователям магического феминизма. Сколько их вокруг! Кафка просыпается и видит, что вокруг одни гигантские насекомые, на танцполах, в конторах, в университетах — нашествие саранчи. Есть такие персонажи: PNUT, Nemesis, — вообще посмотрите канал Status Silver. The Finger Family — пальцовая семья]

Уже пятый день просыпаюсь, выходя из сна, ничем не отличающегося от реальности — там круговые расклады, шуршание, комбинации. Жидкая решетка как склизкая сущность, дающая удовольствие от перемещения по себе.

Несколько раз удалял с компа прогу, через которую заходил в румы, затем снова скачивал, регистрировался под новыми именами, проводил ночи. Появлялся непреодолимый зуд, желание впустить AAAQKJJQ в вену, залить себя цепочками комбинаций.

Мне в онлайн покере ловить нечего, это цельная рациональная данность, любые психические шероховатости там наказываются [кажется, там одна реальность, с жесткой

картиной]. За обычным столом при раздачах на одной колоде, еще бы подумал, как пометить карты, а за компом придется проигрывать снова и снова. Игроманы как планктон — типичная наживка хищников, пасущихся на всех порталах. Хорошо, что могу смотреть за этими ощущениями со стороны, отделяясь от себя.

Ты сидишь на коллегии врачей, или в зале суда, где правят законы, придуманные другими людьми. Кажется, что есть еще невидимый игрок, раздающий колоду. Он есть, но он тоже оказывается врачом или судьей, принимающим все принятые правила.

Скорее всего, той фразой об истории покера, Суппанди хотел подвести к ас-нас. Если взглядеться в старые персидские колоды с драконами, кусающими львов... он хотел подвести к демонологии, дальше идет Видевдат и темы Р.Н., муравьи и крысы. Те же комиксы-пазлы о путешествии муравья по ферме или крысы по мерцающей решетке. Комиксы — это и есть история покера — мельтешение демонов на окраине, которую проказа оставила в благоухании, где расставлены гигантские каркасы — грамматики языков решетки.

Может ли так случиться, что тошнота придет не от запаха, а от вида колоды карт? От рисунка на обоях, плитке на полу, — естественно, тошнота приходит не «от», она прорывается, когда невозможно существование здесь и сейчас, когда просачивается некий темный слой. Он может казаться источником «того» — точкой соединения черного и белого. Слой подвижный, дыхание которого ощутимо, собрано в воздухе в виде сгустков. Слой держит подобно склизким нитям, связывающим себя в себе, действие связывания и придает тошнотворный привкус, растекающийся по сознанию, естественно, это не «от».

ЧАСТЬ 2. ИЗНАНКА ЛЕСТНИЦЫ.

В 89-м году А. устроился расклеивать по столбам и стенам рекламу видеосалона, за эту работу ему разрешалось бесплатно смотреть видео-фильмы. Мы ходили практически на все боевики и ужастики, А. ничего не платил, а мне приходилось выпрашивать деньги у мамы. Казалось, у нас с А. разное восприятие боевиков, но близкое ужастиков.

В детстве у нас с А. интересно совпадали страхи. Вкусы в целом у нас явно различались, вкусы в смысле приятных впечатлений, но боялись мы одних фрагментов в диафильмах, одних портретов на стенах, одних отражений. Как-то раз мы сидели на ковре, обратил внимание, что А. не смотрит в ту же сторону, в которую не смотрю я, а потом понял, почему. Больше никто из друзей не чувствовал эти темы, а когда пытался раскрыть им эту часть своей интимности, наткнулся на удивление. Интересно, что помимо страхов нас с А. не особо что-то связывало и дружили мы как-то натяжно, чисто из-за того, что соседствовали.

Видеосалон, рекламу которого расклеивал А., располагался в бывшем рабочем общежитии. В коридоре никогда не горел свет, нужно было пройти сквозь темноту, мимо обшарпанных стен, завернуть в комнату налево. Там и раскрывалось кино. А кинотеатр уже давно пустовал, в нем не происходило ничего интересного, просто огромный пузырь невнятной формы, с сотнями старых грязных сидений и гудящей прозрачностью. Мы когда-то резали там мягкие стулья лезвиями для бритья, вынимали поролон и относили во двор бабкам, чтобы им было не холодно и не мокро сидеть. Помнится, принесли охапку поролона, одна бабка закричала, что вызовет милицию, что мы портим имущество, а другая ее заткнула, обозначила, что мы это делаем не ради своей жестокости, а ради их уюта.

В один день А. забежал с непривычной радостью, позвал в кинотеатр. А что там делать? Там люди собрались, надо идти. Сразу при входе оказалась толпа, облепившая невесть что. Мы даже не сразу протиснулись, чтобы посмотреть, что происходит.

Там стояли столы, на столах телевизоры, напротив сидели люди и управляли специальными ручками. По экрану ходили человечки, летали самолеты, стреляли из пулеметов солдаты. До наших мест дошли компьютерные игры.

Компьютеры Атари, блуждания по лабиринтам, сражения, перестрелки, джунгли, сундуки. Я не то, что раньше ничего подобного не видел, но и не предполагал, что оно может существовать. А. быстро перестал интересоваться этим новым миром, вернулся в видеосалон. А я следующие месяца три заходил в кинотеатр каждый день, иногда зависал там по часу-полтора, неподвижно наблюдая за тем, как игроки собирают алмазы на экране.

Самой популярной игрой стала «Мечь Монтесумы» или Монти. Человечек в шляпе — Джо — ходит по лабиринтам, перепрыгивает катающиеся черепа, змей, пауков, собирает алмазы.

Лабиринт состоит из 99 комнат, расположенных в виде пирамиды из девяти этажей [похоже на лестницу, вывернутую наизнанку]. В игре всего девять уровней, и на каждом следующем уровне тьма поднимается все выше. В самом низу находится сокровищница, заполненная драгоценностями, по которой можно летать, перепрыгивая с каната на канат. После сокровищницы — выброс на следующий уровень.

Дома у нас был большой выпуклый телевизор, еле работающий, показывающий черно-зеленые картинки, иногда подходил к нему, садился напротив, смотрел в темный экран. Бабушка даже беспокоилась, почему смотрю выключенный телевизор. А я мысленно играл в Монти, представляя лабиринты, черепа, факела, змей, ловко перебивая из комнаты в комнату, доставая ключи.

Как-то раз мама дала мне рубль, я сразу же побежал в кинотеатр, отстоял очередь и купил десять минут игры. Это была полная беспомощность, не получалось ни перепрыгнуть через череп, ни правильно приземлиться, десять минут прошли словно пара секунд. Пара секунд нелепого экстаза.

У отчима к тому времени случилась неплохая работа — он получил заказ на оформление вывески кафе в центре города. Как-то он подозвал меня, протянул деньги и сказал, что будет теперь подкидывать мелочь каждую неделю. Так продолжалось пару месяцев. Как только я получал рубль-два-три, сразу мчался в кинотеатр. За несколько раз научился более-менее управлять человечком, не очень мастерски, но хоть как.

Как-то раз я взял ключ от квартиры, зажигалку, нож и пошел бродить по улицам района. Много часов. Забрел в темные подъезды, чиркал зажигалкой, освещал лестничные клетки. Казалось, брожу по подземным лабиринтам в поисках алмазов, перепрыгиваю черепа и змей, высматриваю пауков.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Есть стандартный и действенный метод развития памяти. Перед самым сном, когда уже лежишь с закрытыми глазами, надо восстановить прожитый день до деталей — до всех точек, в которых побывал, кого встретил, с кем о чем поговорил, куда посмотрел. Спустя несколько недель подобных практик, отношение к самому действию изменится, действие будет опускаться в память как в копилку, восстановление действия превратится в естественный процесс пролистывания дневника.

На первом уровне Монти кажется, что память практически неважна, важна ловкость и минимальная ориентация внутри лабиринта. По мере прохождения уровней, с поднятием тьмы, возникает необходимость помнить весь лабиринт.

Блуждать в сложном лабиринте, полном обрывов, без внутренней карты, невозможно — нет такой интуиции пространства. Хотя.. сейчас мы придем к «порождающим паттернам», находящимся внутри, позволяющим угадывать устройство лабиринта во тьме — аналогам порождающих грамматик.

Что находится «за» лабиринтом, «за» всем нашим пониманием символического, «за» поселением, «за» картой? Можно выйти из поезда во тьму и услышать шелест лабиринтов, которые как змеи формируются здесь и сейчас.

Предметы: алмазы, ключи, мечи, факела.

Препятствия: огненные печи, конвейеры, цепи, мерцающие полы.

Враги: черепа, змеи, пауки.

Ключи-алмазы-факела-мечи — это обычные масти черви-буби-крести-пики. Кубки-монеты-посохи-мечи, вода-земля-огонь-воздух.

Изнанка лестницы — это пролистывание лабиринта, вывернутого по четверичному принципу (швы крестом).

[Ключ-алмаз-факел-меч — четверичный алфавит, из которого составляются слова, «обладая» словом, можно пройти в определенную комнату — таким образом, слова связываются со свободой перемещений]

FFFFFFFFFFFFFFFF

У Алексея нет зубов спереди, но он все равно улыбается из себя всему миру. Он как израненная собачка, шавка со слюной, по рынкам-базарам, может кого куснуть и отбежать с лаем и хохотом, придется делать уколы от бешенства. Помнится, мы с ним ходили по барам и показывали рыб — втягивали щеки и булькали ртом. Мы с ним называем друг друга Алексеями, хотя ни он, ни я не Алексей.

Алексей сложил руки домиком над головой, показывая купол храма.

Мелькнула мысль «как до такого можно было себя довести», но у Алексея обо мне наверняка мелькнула та же мысль, меня тоже немного трясет от летнего дня, я небрит и обглодан. Он посмотрел мне в лицо и захохотал. Вспомнилось, как мы сидели на лестнице, совсем маленькие, я показывал карточные фокусы, а они смеялись — Алексей и два наших друга. Позже они втроем прошли через тюрьмы и тяжелую дрянь, одного из них не стало.

Это были простые фокусы. Я раскрывал веером колоду карт, они вытягивали по карте, и если выпадала дама, они хохотали и визжали на весь подъезд, а дама вытаскивалась почему-то всегда. Делалось это просто. Будто мешал колоду, клал при этом дам в середину, чтобы они хорошо там распределялись, зажимал верх колоды и низ, раскладывал веером так, чтобы одной из трех уж точно попалась дама.

Спросил, что стало с тем нашим другом, из того подъезда. Алексей изменился, услышав о нем, перестал беззубо хохотать, сделался серьезным, ответил, что не хочет рассказывать подробности. Попал в долги из-за дерьма, а что было дальше — лучше не вспоминать.

Если место находится в тупике и к нему ведет лишь одна дорога, вполне реально прекратить поставки определенных веществ и перестроить мышление активной округи. Так у них все поставки бумаги строились через одного питерского человека, этот человек простудился, решил вылечиться, принял гер с водкой, чтобы сбить температуру, и теперь уже пару лет округа живет без кислоты — в тупик никто не хочет больше ехать с бумагой. Когда люди тупиков собираются куда уезжать, все знают, в какую сторону — никакой другой стороны просто нет, в другой стороне обвал, обрыв, море или горы.

[комментарий Д.К. о дорогах и тупиках: «дорогу проще всего представить в виде склеенных лент, а тупики бывают разные, есть в виде буквы П, а есть в виде буквы Г». Д.К. сказал, что избегает тупиков, из-за того, что там могут отобрать или украсть ключи (какие ключи???)]

Сказал Алексею, что мне не нужны никакие препараты, чтобы видеть. Он снова захохотал, отметил, что даже по этой фразе видно, что я торчу на чем-то редком. Ни на чем. Ну как, ни на чем — на Солнце, такой же наркоман, как все, только зависящий от погоды, от солнечных лучей, неважно, что ты принимаешь внутрь: воду или химию. Сказал, что не

будет со мной это обсуждать, так как ему все очевидно, торчок и есть торчок, неважно, что он о себе говорит. Алексей, я вообще против наркотиков, я спортсмен. Сказал и посмотрел на себя — дряблого и слабого, ну когда-то был спортсменом, — на самом деле, никогда не был спортсменом, всегда был неврастеником. Да, видно, что ты спортсмен, спортсмены так и смотрят, так и трясутся от холода.

Вскоре подошел приятель Алексея, с большим красным лицом, все как договаривались, он должен был проводить. Блеклая луна на дневном небе, будто ее нет, а ее и нет, днем нет луны.

Мы шли по дороге, ведущей в Поселение, как бы и врось, не обращая друг к другу, лишь осознавая присутствие и беседуя про себя, а не вслух. Его красное лицо неподвижно плыло по свету, как кусок медного пирога.

Непонятно, Алексей идет с нами или нет, или мы уже вдвоем. Куда посмотреть?

Мы тебе завяжем глаза. Не то, чтобы мы чего-то стеснялись или от кого-то скрывались, но так будет лучше. Тебя возьмут за руку, проведут по улице. Затем ты окажешься в старом доме со скрипучими полами, поднимешься на четвертый этаж, зайдешь в комнату. Там ждет тишина, там хорошо.

Поселение находится внутри одного пятиэтажного дома, хрущевки. Поселение — это связка квартир, о которой не догадываются остальные жильцы дома. Внешне практически невозможно распознать связку, по виду-цвету балконов, шторкам на окнах. Вход через разные квартиры, сегодня через четвертый этаж.

Поселение. Оно будто герметично заперто. Оттуда не выпускаются даже умершие, они продолжают общаться в снах, в видениях. Сидят за общим столом. Нельзя взять деньги в долг, дожидаться, что занявший умрет, и не отдать. Будет приходить снова и снова, пока не отдашь.

Как можно так долго идти по этажу, никуда не сворачивая? Дома не такие просторные, внутри можно идти лишь несколько секунд — наткнешься на стену, а мы идем уже давно. Все скрипит, журчит как природа или вода в трубах. Если бы меня водили по кругу внутри комнаты, я бы почувствовал, что это движение на месте, а не вперед.

А после мне ничего не осталось, как сесть в темной комнате и заплакать. Только что был день, а уже темно, и не из-за закрытых глаз, темно вообще. Лишь свет от фонаря наполняет комнату разнообразием.

Видимо, Алексей завел во внутренний храм, он намекал на его облик, складывая руки на головой в виде домика.

Не было ни Алексея, ни человека с красным лицом, лишь пустая комната и легкий свет. Спокойно и хорошо, все как обещали. Я плакал от покоя. Казалось, что из воздуха сочится музыка, что-то вроде FSOL, Everyone In The World Is Doing Something Without Me — там, где женский вокал.

Спустя мгновение или несколько часов почувствовал, что кто-то гладит меня по голове, запускает пальцы в волосы, сжимая и отпуская. Волос у меня не было, недавно побрился налысо, значит, пальцы запускались не в волосы, а в другой покров, или в саму голову, касаясь порой шеи сзади.

Твой друг сидит за кустом. [позже понял, что это говорилось о коллажированном просачивании]. Кольцо или перстень в рыбе. [а это говорилось о свойствах памяти]

«Ни «после», ни «всегда». Даже не «однажды». Там, где всякое время пропадает — там ты будешь спать и жить. И оно не будет названо «вечностью», оно никак не будет названо» (Вольный перевод слов из Шивастотравали)

Даже не хотелось поворачиваться, чтобы посмотреть, кто гладит по голове. Это нежная женская рука, рука жрицы сумрачного храма. В этом покое невозможно испугаться, я могу в любое мгновение повернуться и посмотреть на нее. Кали как время, живущее внутри сознания. «В начальной точке нет деления на «это», «то», «здесь» и «сейчас»» Paraatrimikaavivarana. Первое вхождение в lalrate.

Смог повернуться, не поворачиваясь, изменить взгляд, положил руку на голову и прижал ее ладонь. Она смотрела на меня и улыбалась. Моя сестра.

Сестра трепала меня по голове, как в детстве, когда будила. Родители суетились перед работой, она им заботливо помогала. Просыпался, мы весело бежали за общий стол, смотрели друг на друга, находя общие черты, мы будто одно лицо, одни волосы, глаза. Сестра заботилась обо мне, когда болел, приносила марлевые повязки на лоб, читала книжки. Кольцо или перстень в рыбе связаны с потерей памяти. Кольцо или перстень, когда снимаются с пальца, тянут за собой память. Рыбаки должны выловить эту рыбу, вспороть ее брюхо, достать перстень, отнести на базар, случайно продать кому-то, связанному с бывшим владельцем. Так память и вернется.

Как мне было хорошо. Я рыдал от покоя и ее прикосновений.

Мы с ней были не здесь, не среди непонятных коридоров и пустых комнат, а где-то в лучистых местах, на детских просторах, в сиянии чистоты и вечности.

Раньше, когда засыпал, представлял себя находящимся в пространстве, где остались лишь храмы. Здесь точка, где лежу я, в той стороне находится храм, в той — другой храм, сейчас ночь, в них никто не служит, скоро утро, придут служители и прихожане. Храмы тоже засыпают, видят сны о красивых ритуалах и счастливых людях.

Твой друг сидит за кустом — это я сам, могу подбегать к себе, со смехом сталкиваться с собой, отскакивать обратно. Сестра будет смотреть, нежно смеяться.

Теперь мы можем поговорить. Раньше почему-то не получалось — жизненные обстоятельства. Готов ей рассказать о всех своих тайнах.

Кажется, мы с сестрой уже бывали в этом месте, видимо, в детстве, играли в какую-то игру. Сажали цветы на стене, укладывали роскошные украшения по полу, догадывались до действий друг друга по дыханию и взгляду, ложились на полу, на животы, раскидывали руки и лежали, прикасаясь ко всему.

Ее голос прозвенел как легкий колокольчик, — как можно так красиво звучать. Показалось, что это звучание пришло изнутри, вышло через кожу. Она сказала, что тоже рада встрече, что теперь все будет хорошо. Спросил ее, помнит ли она наши детские игры, как мы раскладывали предметы по полу, создавая города, дороги, страны. Она ответила, что помнит и предлагает снова в это сыграть. Тут нет предметов, но это ничего, можно просто касаться пола, обозначая места, фиксируя существование.

Ночной город с пустыми улицами, перекрестками, мигающими желтыми светофорами. Даже не понял, куда она спряталась. Она словно идет сзади, прячась за моей спиной, иногда выглядывая, наполняя слышимое своим чудесным смехом. В один момент весь видимый свет: мерцания, огоньки, фонари, — окрасились красным, стали приятно греть.

Это красная ночь, — прошептала сестра. Ее шепот слился с журчанием теплого мира, с бесконечным покоем.

Не представляю, откуда это возникло. Словно плыл по нежной реке и в один момент усомнился в том, что умею плавать. Мне показалось, что сестра не смотрит на меня как на человека, она отвечает то, что греет психическое существо, но я для нее лишь паттерн — набор мест на полу, подвижная узористость, которую известно, как убажить.

Какая сестра? Я никогда не жил с сестрой и родителями, родители развелись в моем

раннем детстве, есть сводная сестра, с которой виделся раз десять за жизнь, она значительно младше, мы ни во что подобное не играли, и уж точно она никогда не трепала меня по голове.

Утро, пустая квартира, нет даже мебели, на кухне все разбросано, измятые, обоссанные карты, пустые обертки от быстрорастворимых супов, дверь наружу не заперта. Шея сзади будто придавлена, и еще ее иногда касаются пальцами, резко поворачиваюсь, никого нет. Все ушли. Пошли ходить по улицам.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Мы стояли на грязной кухне, полной немытой посуды. Худой человек с закатывающимися глазами держал ствол, направленный мне в голову. Сказал, что если я шевельнусь, он выстрелит. Решил не шевелиться, замереть, стать ничем, он не станет стрелять в ничто. Испугало не его намерение, а то, что у него тряслись руки и закрывались глаза, явно он был крепко пьян.

Сколько мы так простояли — не помню, время протекло в иных ощущениях. Он опустил пуху, вынул полную обойму и сказал, что я молодец, что не пошевелился, не дал повод. Ответил ему, что мне нужно идти, много еще дел сегодня, он сел, покивал, сложил руку на столе и спрятался в ней как в домике, оставив ствол лежать рядом с собой.

Вернулся домой, уставился в темное окно, также неподвижно, как на той кухне. Тело дрожало внутренним холодом. Укрылся под одеялом с головой, прямо в одежде и обуви, так и уснул. Он мог застрелить, но не съест, вряд ли бы он стал прятать труп, скорее убежал бы в страхе, оставив лежать тело на красно-грязном полу.

Долго не мог понять, касается ли сестра моей памяти. Иногда казалось, она именно с памятью и работает, только с иной, сформированной определенными впечатлениями и раздражениями. Иногда же приходили идеи, что она извлекает знания полностью из моих шаблонных реакций.

Может ли она вспомнить тот случай на кухне. Возможно, ее получится обмануть, симитировав «воспоминание», она его считает и вставит в паттерн, с которым работает.

Спросил Алексея, может ли он исчезнуть. Он сначала не ответил, напрягся всей внутренностью, а затем заорал, видимо, понял, что не может, и даже раствориться в крике не может. И если от тела избавится, не исчезнет, прикрепится к себе иному. Судя по всему, его травмировало не существование, а закрытость Ничто.

FFFFFFFFFFFFFFFF

И. устроился на работу, но в первый же рабочий день проехал мимо. Просто не захотелось выходить на станции, решил ехать дальше. Вы устраиваетесь на работу, встаете утром, приходите на вокзал, садитесь в транспорт, едете, но когда доезжаете до своей остановки, понимаете, что не хотите выходить из транспорта. Работа отменяется. Во снах И. часто летал над людьми, расставив руки, пугал всех. Пугать собой округу — главное развлечение внутри сна.

Э. рассказал важные вещи про гниющие библиотеки. После возведения стены санатории, дома отдыхов, залы, гостиницы, библиотеки, начали ломаться и гнить. В новом времени им не выделилось места, как и многим людям, они рассыпались или сгнили. Целые заброшенные библиотеки с горами книг, превратились в помойки с бегающими крысами. Хранилища советского интеллекта были преданы растерзанию погоды, дождю, снегу. Э. с И. ходили по текстовым грудам, выкапывали интересное, книги об этносе, биологические справочники. Ритуальное предание текста огню понятно человеку, в этом акте есть нечто истеричное, а предание текста гниению вызывает внутреннюю тишину.

Текст сливается с землей. Собрания сочинений и речей, медицинские справочники, карты, желтеют, чернеют, превращаются в поверхностные лабиринты для муравьев. Земля,

принявшая текст, продолжает думать о человеке хорошо. Около рассыпанных зданий, служивших когда-то точками культурной и индустриальной активности, домами отдыха, залежами знаний, обитают люди с тележками. Они ищут металлические ценности, перекапывают груды эпохи, пытаясь разглядеть элементы нужного и сейчас — найти и продать. [металл и самородность земли, как говорил М.Х. для переплавки]

Продать это тяжело, новым людям не нужны остатки взорванных домов непонятого времени, бетонные, кирпичные россыпи, отсыревшие картотеки неведь чего. Сложно поверить, что эти места могут стать рудниками, приисками, источниками «того» — сырья проснувшихся метафизических конструкторов. Те люди с тележками, в толстых защитных куртках, непригодны для техногенной активности, заброшены как и вся среда. Они пахнут лесом и продуктами гниения, ощущение, что у них всегда сырая одежда, над ними всегда идет дождь. Они никуда не торопятся, не смотрят на других людей, шагают в себя, в свои жилища, с добытыми, чудом не разложившимися, кусками памяти.

Б. живет в маленькой однокомнатной квартире, в пятиэтажке-хрущевке, утром кидает тарошки, чтобы понять, в какой разбитый санаторий или завод идти за металлом, до заката ищет и ждет «голос металла» — бесшумное тяжелое присутствие, под вечер отправляется обратно. С собой небольшая еда, чай в термосе, мясо, облитое мясом, неприятный запах из рюкзака. Он худой, но жилистый — такие могут напасть и расцарапать. На нем всегда светлый дождевик, штаны бетонного цвета.

Сколько за годы случалось конфликтов с черными копателями, кладбищенскими ворами, индустриальными бродягами, Б. вполне достойно выходил из всех неприятностей, садился в углу под козырьком и сам себе хохотал. За металлический мусор теперь платят вообще гроши, поэтому когда начинается сезон, Б. собирает лисички, сдает в пункты, откуда они расходятся по ресторанам, по блюдам, по желудкам богатых людей [интересно, если бы они видели, кто собирает эти грибы, стали бы их есть]. В сезон можно скопить денег, их хватит на мясо до конца зимы, а чай бесплатный, из множества листиков-корешков, брусники и зверобоя, липы, мяты.

Б. знает всю географию дальних огородов, может раствориться в них в мгновение, знает, где какой забор, как пролезть, где укрыться. Собак он не боится, понимает их лучше, чем людей, когда пролезает через забор, к нему подбегает с лаем собака, обнюхивает, узнает своего — природного. Летом можно питаться всем обилием фруктов и ягод, клубникой-земляникой, черной и красной смородиной.

Б. сидел около завала, когда мы с Алексеем подошли. Алексей его не переносит, говорит, что от Б. воняет тухлятиной, — хотя они похожи лицом, кстати, оба худые, скуластые, со слезящимися глазами, иногда хохочущие сами с собой. Б. достал термос, налил в крышечку кружку отвар, протянул нам. Алексей сказал, что это блевотина какая-то, чтобы сам пил, я понюхал и тоже не стал. «Как до такого можно было себя довести», — это прочиталось во взгляде Алексея, он с явным презрением и раздражением посмотрел на Б.

Б. рассказал, как однажды разглядел демона. С того момента началась долгая и сложная война. Демон пытался его уничтожить, направляя в опасные места, в дома, которые могут обрушиться, на разбитые заводы с дырявыми лестницами, на ночные кладбища, где его ждали угашенные бродяги. Б. с помощью знаков вычислял намерения, обходил преграды, травил демона специальными травами — разводил в своей квартире дымовухи.

Алексей сказал, что в тюрьме таких как Б. не любят, называют чертями, — они сидят в стороне, засыхают, прикрепляются к стенам, — он сидел с похожим, общаться было никак, тот жил днями в соплях, глядя в одну точку, пока не засох.

Мы пошли втроем по району, по нашим местам. Недавно подсчитал, ведь мне довелось пожить в десяти разных квартирах родного района. Он маленький совсем, а удалось его осознать с десяти разных точек.

Можете взглянуть, у меня сзади на шее не сидит змея? Алексей захохотал деснами и

отметил, что все спортсмены об этом спрашивают, а Б. еще раз предложил отвар из термоса, на всякий случай, — она может там сидеть, но при свете не обнаруживаться.

Мы прошли мимо заводских общежитий, ностальгически поглядывая на балконы. У каждого из нас свои воспоминания об этих местах. Подошли к железной дороге, разделяющей все. Дальше уже заводской мир. Рядом станция, скамейки, люди с черными вздущимися лицами. Мы перейдем через железнодорожные пути, и все, окажемся в приятных запахах и звуках, в индустриальных ощущениях, воспоминаниях о рабочих перспективах.

Лицо либо вздуется, либо высохнет.

[до момента, когда зашел человек без лица — до этого момента все воспринималось как должное, как спокойное стечение обстоятельств, он зашел с лицом — белой тарелкой, и не захотелось на него смотреть, на этот кошмар]

FFFFFFFFFFFFFFFF

Мы перемещались по местам, но нас особо ничего друг с другом не держало, могли распасться в любое мгновение, пойти по своим делам. Спросил Б. хочет ли он, чтобы я ему помог в его войне. Например, можно стоять в темноте с железным прутом, и если появятся красные точки — чьи-то глаза, сразу в них колоть, ослеплять. Он ответил, что это его личная война, что никого не хочет впутывать, и что я не понимаю, о чем говорю.

Вошли на территорию завода с каплями небесной влаги. Казалось, все пространство поет нам песню, играет на невидимых музыкальных инструментах. Гигантские россыпи всего, пласты прогнивших залежей, коим не видно конца, бескрайние просторы разрушенных сырьевых аппаратов, бесформенных липкостей. Б. в таких местах как крыса, может нырнуть в ничто и раствориться, сбежать в глубину всей этой гнили — мы его никогда не найдем.

По территории, спрятанным местам были расставлены ловушки — привязанное к веревкам неведь что, какие-то сифы, — это Б. приманивал демона. Если демон клюнет, Б. сожжет его в красивом ритуале, разварит в дымовухе из редких трав. Он может появиться в сумерках, запутаться в веревках, оставляя за собой копать.

Алексей негодовал, проходя мимо ловушек, тихим шепотом обругивал и Б., и меня, и себя.

Прикинь, если он перепутает и прыгнет не на эти веревки, а тебе за шиворот.

Змеи и крысы приходят изнутри, извне им не зайти.

Б. внимательно осмотрел мою шею, спросил, когда это почувствовалось первый раз. Этой ночью, когда разговаривал с сестрой. Б. сказал, что можно поставить ловушку, но я отказался, даже не спрашивая, как это будет выглядеть.

Б. предложил посидеть под навесом, понаблюдать. Когда начнет смеркаться, демон придет к этим висящим кускам. Спросил Б., почему он так считает. Разве можно говорить о повадках, когда речь не о виде, а о конкретной сущности, которая единична и может находиться в данный момент где-угодно. Или она не единична, а множественна, и на нее можно устраивать охоту как на животное? Б. ответил, что сама постановка вопроса неверна, и если бы я хоть немного понимал, о чем речь, не стал бы произносить такое вслух, никакие категории единственного-множественного там не применимы, нет ни вида, ни конкретной сущности. Возможно, там есть принципы сборки фрагментов, а фрагменты — отходы восприятия, тени, затемнения, скрипы, шипения. Как из фрагментов собирается нечто «воющее»?

Б. улыбается морщась, будто от яркого света, у него лицо вытертое, кожа с трещинами, руки с нарывами, наверное, все тело такое. Он редко моется, спит среди крыс и насекомых, его уже никто не кусает.

До сумерек еще есть время, можно посидеть в доме культуры, вернее в том, что от него

осталось. Алексей спросил, есть у кого что? Ни у кого, только у Б. Взглянув на его отвар, мы отказались пробовать, хуже мочи на вид.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Пол то приближался к лицу, то удалялся, будто я висел головой вниз, на резиновом растягивающемся и сжимающемся тросе. Вроде только что было все нормально, шел по коридору, затем все стало иным. На меня накинули сетку рабицу, которую не разгрысть, которая сковывает все тело. Все пережимается, остается внутренний тоннель, в который можно направиться, и не умом, а чем-то более подвижным. Но «направиться» — это не то, там нет направления, тоннель — не видимая дорога, а лишь ощущение возможности, пространство допустимого, его не видно как пути.

Ужас из той точки смотрится как контекст. Он присутствует в одном режиме и отсутствует в другом, у него тоже нет направленности.

Сетка рабица, а не целлофановая пленка, из-за рифленой структуры, чтобы оставалась возможность слияния. Передвигаться можно, надо лишь привыкнуть, выхватить общий ритм, можно перекачиваться по решетке, течь по граням.

Когда тебя воспринимают как паттерн, ничего не остается, как начать играть, прикинуться тем, кем тебя воспринимают. Крыса видит в тебе не крысу, а организацию контекстов, орнамент внутри мерцающих связей.

Остывший мир, стены которого чувствуют тебя ритмической субстанцией, подвижным орнаментом. «Прозрачная стена» — одно из его имен. В нем же ощущения спрятанного солнца, ненужности внешнего освещения.

Когда начинается движение, вырисовываются оптимальные дорожки на решетке, трудно себя сдерживать, приходится продвигаться, и не то, что без понимания направления, а даже без понимания разницы «внутри» или «вовне». Ты — это иное, собирающееся по схеме. А где проходят границы твоего существа — вообще неясно, движение — это пульсирующее изменение конфигурации, соотношения сопереживания, покоя рассыпанности.

Этот тоннель, видимо, не больше стержня шариковой ручки, можно в него нырнуть в любой момент.

Сам я являюсь крысой, мчащейся по сжимающемуся коридору. Теперь есть и направление, и всасывающая воля, если не бежать куда надо, весь задник тоннеля свернется и поглотит. Вместо прозрачной стены воронка, организующая организм.

Меня выплюнуло рядом с веревками, рядом с подвешенными мерзкими сифами, Б. уже подскочил, решив, что попался демон, а затем разочарованно развернулся к нам «это крыса запуталась». Повсюду уже расставлены дымовухи, уже воняет редкими запахами. Рвотные гербарии-теплицы.

Как Б. смог расставить эти ловушки, приманки? Сколько надо ходить и дымить, сколько надо все это варить, ждать, располагать.

FFFFFFFFFFFFFFFF

FFFFFFFFFFFFFFFF – это швы на теле крысы, растянутой по решетке, 16F, чтобы хорошо строилась четверичная сборка.

Как только решился, попросил Н. зайти ко мне домой на четвертый этаж, посмотреть, как расположены вещи. Он согласился, пошел. Сам я побоялся приблизиться к двери. Был ясный свет, обеляющий весь подъезд — откуда-то, явно не из окна, Н. подошел к двери, позвонил. Я спрятался на третьем этаже.

Лестница соткана из множества неопределяемых фиксаций. Спросил Н., если он точно

знает, что его поймают в железную сеть, какую конфигурацию сети он бы выбрал: ромбиками, квадратами или шестиугольниками? Он переспросил, какой свитер я бы хотел сейчас надеть, с каким рисунком.

Южные стены. Сейчас мы находимся внутри вторичных-третичных-четверичных символических дорожек, можем менять степень ичности, спускаясь и поднимаясь по лестнице, рассматривая игру света, прозрачность окон, вид ступенек. Сейчас он не может предъявить ни одного знака. Знаки там невозможны, мы вне знакомых систем и совокупностей знаков. Чтобы оставить знак, который мы бы заметили, там должен был побывать некто до нас.

Чернь ночи подошла и укрыла нас.

Символы как вместители иной психической активности могли сложиться без присутствия «до нас». Знаки — нет.

М-П говорили, что магия проявлена в переходах между этажами. Именно в переходах между этажами находятся окна.

Пространство между этажами кажется изнаночным, сжатым с иной стороны. Ступеньки вывернуты наружу — они сверху, а не снизу, и по ним нужно карабкаться с помощью воли, и не произвольным усилием, а магическим. Что хорошо — если будут набрасывать сверху сетку, она пройдет мимо, не охватит.

Н. сказал, что можно забыть о старых субъектностях, в изнанке нет принятых ограничений и разглядывания. Но ведь мы таки находимся в «месте», мы не «езде», мы в очень зажатом месте, заполненном определенными возможностями. Эти возможности включают движение по лестнице, переход с этажа на этаж, созерцание света.

М-П объясняли, что время данности можно определять через различие знаков от символов. Если там много символов, но нет знаков, это «до». Можно взять символ, оставить его зреть и стареть, прийти спустя время, посмотреть, превратился ли он в знак. Я так и сделаю. Это будет карта с белой рубашкой и изображением фиолетовой птицы.

FFFFFFFFFFFFFFFF

RN: Это крыса запуталась.

По погоде стало ясно, что нужно отправиться на завод. Вышел из поезда, направился в сторону шумов, рабочих звуков. Через пропускную не пустят просто так, можно зайти в дом культуры, в хозяйственные пристройки, административные здания, сделать вид, что там работаю и пришел по делам. Там постоянно отгружают машины, развозят детали.

Ощущение индустриального счастья округа. Будто вся природа работает вместе с заводом, деревья качаются в ритм производственного движения, птицы подпевают звукам гигантского шевелящегося в себе организма.

Внутри лежат под бесцветными покрывалами мои друзья — Алексей, Б. Алексей дожевдал деснами и лег под покрывало. Рядом веревки с обглоданными приманками, черные следы по местности. Посмотрел внимательно на одежду Б. и Алексея. Вообще ничего не могу про нее сказать, будто у них нет одежды, они покрыты бесцветными покрывалами, лежат, спят. Как они могли так быстро лечь и уснуть?

Эти места погружают меня в трепет. Гулять внутри разрушенных фабрик и заводов — щупать индустриальные трупы, вдыхать запахи бывших действий. Округа прекращает деятельность человека, превращая его сооружения в мусор и гниль. Если посмотреть на происходящее глазами реки или деревьев: сначала человеческая суета невесть о чем, о производстве целлюлозы, а затем прах и забвение. Люди ушли в другие места, остались лишь охотники за демонами.

Спросил Б., как он защищается. Б. ответил, что сетка укрепляется, когда начинаешь сопротивляться, трепыхаться, развязываться. Если ее не заметить, она не сложится. Чем больше создаешь внутренних защит, маханий руками, тем больше возникает возможностей сетке укрепиться.

Меня удивляло, что Б. кидает тарошки на темы поиска металла. Использовать западные символические конструкторы для работы с индустриальными трупами — это странно. Бесмысленно раскладывать тарошки на темы наркопоставок Бирмы или дворцовых переворотов Непала — там иные алфавиты, иные символические системы. Кладоискатели могут имитировать в своих играх рассыпания, залежи, гниющие пласты, могут перемещаться по знаковым модусам, пытаюсь распознать тайники. Для этого необходима память. Построение цельного уровня индустрии, способного ломаться. Без памяти это будет пустое блуждание в зарослях, случайное попадание в точки.

Разбудил их, сказал, что они все пропустили. Задали вопрос, где я был, ответил, что уезжал, с поезда слез — сразу к ним. Они спросили, как я вижу формирование культуры, правда ли, что страх выстраивает культуру.

Культура формируется как необходимость движения языка. Расстановка ловушек, ожидание, подготовка дымовух — развитие культуры в чистом виде, это движение языка.

Кладоискатели, черные копатели, романтики рудников, даже грибники-ягодники, люди, зависящие от плодов поиска, работают над движением языка не меньше лингвистов, они часто сталкиваются с нерегулярными ландшафтами, неприятными погодными условиями, при этом, имеют конкретные стремления.

Б. не единственный, кто разыскивает сгустки внутри разваливающегося пространства, таких много, они друг друга презирают, и таких демонов много, они истребляют сборщиков сгустков, чтобы те не мешали. Б. в ловушки вставляет тоже сгустки — как он их понимает, сумерки — это мерцание.

Сестра рассказывала о движении по шероховатой местности, по дорогам без пометок и дорожных знаков, по запущенному грунту, размытому дождями, по тропам, на которых легко увязнуть. Это перебивается гладкими рельефами, по которым скользишь как по льду, не задумываясь. Он рассказывала, как из минимальных принципов симметрий проявляется действие — практически Панини, «проявление» случается как волевой акт, а эта воля — то, что внутри субъекта. Пространственно-грамматические образования как импульсы воли. Если Б. говорит о блуждающем паттерне, который может быть частью орнамента или набора знаков. И расставляет ловушки, чтобы его поймать. Создает условия, чтобы он случился внутри орнамента. Спросил сестру, связаны ли сгустки с памятью, долго ли они формируются, помнят ли о прошлом, в какой «момент» начинается создание густых зон.

За заводскими россыпями, как только стемнело, заметился домик с горящими окнами. Кто там может жить — неясно, разве что сторож. Если сторож, то он сторожит Ничто от таких как мы. Б. предложил зайти, познакомиться.

Полезное знакомство, если на будущее, если надо здесь переночевать или остаться за кем-нибудь следить.

Тот, кто живет в этом доме, может день и ночь наблюдать за грудями индустриальной памяти. Б. мог бы ставить ловушки и смотреть на них из окна. Кажется, начал понимать, как он смотрит на поглощение и выискивает зоны. Вероятно, ловушки выстроены по такому же принципу.

За годы раскладов вполне может проявиться интуиция зон. Сразу будет чувствоваться иная плотность. Разрушение текста, психики, пространства, и залежи «того» — остатки, хранящие воспоминания о прошлом.

Когда мы зайдем, что скажем? Что хотим посмотреть из окна, представить себе быт жителя этого дома. Неловко беспокоить людей.

Россыпи похожи на воду, можно подумать, что жить рядом с ними — это как жить на берегу океана. В них роются разнообразные сущности — доедают память. Собак там нет [значит, не осталось трупов бродяг], наверняка есть крысы, пищащие скорлупы, невидимые дышащие субъектности. Островки смолы на земле, смешанные с песком, а в них остатки плоти, следы копоти и история растерзанного животного, словно оно вырывалось наружу, просачиваясь конечностями или мыслями: через это просочится ***, придется застрячь и застыть. Оно направляется сюда, видя щель, движется, минует листы слоеной данности, и оказывается в смоле, с залитым и неподвижным телом.

Жизнь на берегу океана — неподъемная роскошь.

Память мешает скользить по поверхности, — в местах возникают тревожные воспоминания, препятствующие построениям.

Так мы проникли в Поселение. Здесь колыбельные, которые нашептывает бездна, слышатся как ласковое пение воды, мерцающие решетки сливаются в едином сиянии, здесь мы висим на веревках, на нитях патанга, и благословляем тех, кто нас сожрет. Погода нежна, теплые языки без теней. Сколько сгинувших, превратившихся в мельтешащие пыльные паттерны, лижущие свои отражения. Сколько выброшенных на окраины падальщиков, наблюдающих из пустоты за этой пыльной дрожью, готовых в мгновение наброситься и поглотить. Они оставляют за собой копоть, по которой видно историю их удовлетворений. Это крыса запуталась, организация контекстов запуталась. Придет Н. с земляным лицом, разъеденным солью, и снимет меня, отнесет туда, где смогу шептать молитвы, у него красные глаза и черное пальто, он не спит, ищет, где сделать добро, наполнить мир своей любовью. Сомнительно, что у доброго человека такое лицо и тело, но если он не добрый, то кто добрый. Он добрый, его добро — это добро треснувшей земли и плачущего неба. Он оградит от зон мерзких жертвоприношений, от скитающихся по пустоте пожирающих гниющую плоть стервятников. Если мы пройдем мимо гигантских зеркал, станет видно, что лежит на плечах Н., и это что будет «я». Это не зеркала, а подтверждения присутствия, в них ничего не разглядится, куски слизи, и то неясно, какими глазами их смотреть. Где ты был? Внутри смолы нет «где». Н. положит меня в объятия жизни, чтобы я открыл глаза и увидел тех, кого люблю; наступит лето.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Д.: Этот текст о пространстве как системе контекстов?

Этот текст о беспомощности. О крысе, погрызшей кислую тряпку. О крысе, которая вошла в дэб и ее разорвало на мелкие островки, на кожные регионы.

Д.: Смола, куски слизи, сгустки — структурно одно и то же?

Нет. Сгустки — емкое обозначение хранилищ, например, в сгустки можно загнать мифы, черные ящики. Смола — субстанция, связанная с темными слоями «того», куски слизи — следы.

Д.: Как понимать копоть?

Буквально. Как осевший дым.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Л. сказал как-то, что приехал его дядя — моряк, что мы можем пойти к нему, он познакомит, дядя расскажет о мореплавании. Представилось, что дядя прозрачен, мы можем подойти к дому, там будет стоять дядя в морской форме, с лентами на фуражке, развевающимися на ветру, а мы побежим и проскочим сквозь него. Дядя-призрак. Приехал. Уехал. Естественно, никто к нему не приезжал.

13 сентября, днем [где-то в час], мы вышли из деревянного двухэтажного дома, — у железной дороги много таких, они еще довоенные, внутри все время пахнет сыростью. Спустился проводить человек в пальто поносного цвета, тоже весь отсыревший, мы у него сидели до этого. Даже не помню, как его зовут. У таких людей не может быть чистого лица. Мы пошли в сторону реки, там километра полтора, обычная местность. Сейчас не могу вспомнить, почему решили идти туда, скорее всего бесцельно, просто прогуляться. Л. рассказывал про свою жизнь, ничего нового, это была беседа, которой как и не было, — можно идти и ненапряжно слушать-кивать. Новая работа, он на электричке туда ездит, занимается ничем, хорошо, что хоть так, его мало куда берут, только сторожить пустые стоянки или дома без людей. Л. сказал, что может однажды исчезнуть на работе, раствориться в виде из окна, если появится окно. Он так часто говорит, пропадает, затем снова появляется. На дороге ни собак, ни людей, хоть день, но очень пустынно. Сказал ему, что по освещению похоже на сон, все такое теплое и мягкое, подсвеченное изнутри. Л. закивал «да, да, похоже», приятное ощущение окружения, тенистых островков, улицы, покоя. К реке мы подошли примерно через полчаса неторопливого движения. Река была по левую руку, уже виднелась, ясно, что еще минута-две и подойдем к самому берегу, спустимся к камням, лежащим в воде и воздухе одновременно. Мы подошли в покое, без тревоги, без предчувствия, в бессодержательной беседе. Берег от нас — уже метров десять-пятнадцать, внутренние планы — подойти, дотронуться до воды, простоять так пару минут, развернуться, направиться обратно. В этот момент все произошло. Даже сейчас, когда просто об этом рассказываю, накатывается тошнота. Л. как увидел, чуть не проглотил свой язык, задержал взгляд секунд на десять, отвернулся с ужасом в глазах, и тихо, словно на ватных подушках, пошагал в сторону. У меня внутри все похолодело, сквозь все тело прошел ужас, ноги задрожали и стали подкашиваться. Спустя мгновение нас там не было, мы подбежали к реке в другом месте, и, словно сговорившись, одновременно бросили головы в воду, стоя на четвереньках, как свихнувшиеся собаки. Л. вынырнул, сначала зашептал, а потом перешел на крик, завопил на меня почему-то, будто я виноват в этой хрени.

Было важно понять, увидели ли мы одно и то же, но не знал, как спросить. Мы направились быстрым шагом обратно, глядя в себя, словно стыдясь друг друга. Когда уже перешли железку, подошли к деревянным домам, Л. заорал «что ты молчишь!», а что там говорить. Вышел человек в пальто, мы зачем-то снова пришли к нему, Л. принялся кричать на него тоже. Состояние Л. не давало успокоиться, он своей паникой подкручивал мысли, если бы он был спокоен, то можно было бы все объяснить нелепой галлюцинацией, вбрасыванием образа, или вообще словом «показалось», но его выворачивало от увиденного. Л. обвинил человека в пальто, что тот подложил нам мдмки, да куда подложил, мы же даже чай у него не пили, просто сидели на кухне, он нам что их в зубы незаметно вложил? Если бы и так, это ведь произошло одновременно, то есть, это более-менее объективное видение, пусть и сколь угодно смешанное с галлюцинаторным выбросом.

Л. лег у сырой стенки, у черно-желтых обоев, и тихо заскулил, как подбитый пес. Человек в пальто невозмутимо кивнул мне, спрашивая лицом, что произошло. Я решил как-то разрядить тему, подошел к Л. и спокойно спросил «что с тобой?». Он уставился удивленными глазами. Как, что. Еще немного, и он набросится, подумает, что издеваюсь. Давай успокоимся, обдумаем, хочешь, возьмем этого чела в пальто и еще кого-нибудь и вернемся туда. На это он ответил неразделимым криком. Я отошел к другой стене, прижался, закрыл глаза.

Было ощущение, что нахожусь не в комнате, а у реки, стоя на четвереньках, сую голову в воду, с открытыми глазами, вижу все в деталях, как подводные нити вьются и склеиваются в забавные орнаменты. Словно нитьевой калейдоскоп, формирующий фрагментарный текст-мелодию. Затем орнаменты перешли на сухую поверхность, вода будто испарилась, осталась карта с дорогами и направлениями. Можно было двигаться в разные стороны, мыслить захват пространства, расстановку границ. При этом, справа находилась область выжженного, страшного, того, что было у реки. Как дыра в карте, к

которой нельзя приближаться.

Раздался стук в дверь, ворвался человек без лица [лицо как пустая тарелка], принялся вопить «почему вы такие». Л. зашипел на него, а чел в пальто никак не отреагировал, видимо, он часто так вторгается. Я ушел, без слов, показалось, что сейчас наступит кошмар, сил шипеть или слушать все это, нет.

Побрел по песчаным улицам, в сторону пятиэтажек. Там рядом котельная и дым, перемешивающий облака с серыми волосами.

Если стану всем, то стану крысой по наступлению ночи, если не смогу отделить себя от несебя. Становление крысой — «вечное возвращение», которое случилось в ночи, застал спящими всех, кроме призраков и оборотней, вернулся не туда, вернулся в ночь, из которой сочтется ужас.

Становление крысой может случиться не как становление маленьким зверьком, шустро перемещающимся по помойкам, может произойти выворачивание и связывание серыми волосами дыма, растающими в кожу. Крыса — не малое, а большое, покрывающее собой видимые и невидимые места, действия, перемещения, идеи. Кожа теперь — причинное небо, кишки намотаны на все объекты, глаза смотрят друг в друга, если кто выколит глаза, вся природа уснет.

Это состояние, в котором можно что-угодно разглядывать, но нельзя ничего называть, обозначать. Невозможно строить словарь, «давать имена животным». Возможно проводить дороги кошмара, соединять видимые пульсации.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Грязная комната, видимо, в гостинице, — не работает сливной бак, вся простыня в пятнах, крошащиеся стены, — самая дешевая гостиница, наверняка. Не сразу вспомнил, как здесь оказался, зачем сошел с поезда посреди ночи. Должно быть, это юпи, до Аллахбада часов пять, можно прийти в себя и отправиться на вокзал.

Какие тут могут быть дела? Кажется, ехал на книжную ярмарку, — на местный базар должны свезти старую литературу — в ней можно покопаться как в земле. Речь шла о большом городе, типа Лакнау, здесь же вряд ли есть книжный рынок. В окне видно, что это почти село, железнодорожная станция, которую обычно минуют поезда.

Смутно вспомнились детали: с кем-то поговорил в поезде и выскочил на этой станции, проводник не хотел выпускать, говорил, что только утром приедем.

Спросил у сидевшего около двери человека без обуви, с замотанной головой, где здесь можно купить книги. Он ответил, что нигде. Спросил у чела, смотрящего за гостиницей, он ответил то же. Здесь нет книжного рынка, здесь есть газеты и журналы, если хочется читать, скоро принесут. Он указал, чтобы я посидел и подождал, по утрам приходит человек с журналами. Для кого? В гостинице ведь никто не живет. Для всех, просто ходит по улицам и кричит, продает журналы округе.

[из серого пятна вылезло воспоминание: человек, который ехал напротив, говорил, что посадит змею на шею, — и я выскочил на первой станции]

[вчера вечером точно сел на поезд в Дели и отправился на восток, а проявляющиеся воспоминания высказывают, что тот человек сел в Патне, — мы не могли проезжать Патну, сейчас нахожусь явно западнее ее, до нее часов десять, если не больше]

Надо спросить, как называется город, но не хочется выглядеть смешно: приехал, поселился, и не понял, где находится. Посмотрел на обрывки старых газет, разбросанных по полу, они явно неместные. Ты куда вообще едешь? На книжный рынок. Это куда? Будешь завтракать?

[вспомнил, что в Дели сидел с солидным бизнесменом напротив, он рассказывал о жизни,

показывал телефон с фотографиями семьи и еще селфи с какой-то болливудской звездой, он так излагал, пока не уснул, пока не съехал головой в бок. Темный вагон, ничем не примечательный. Вышел в тамбур, послушать ритмичное содрогание, а когда вернулся, вместо солидного человека сидел толстый чел с выпученными глазами, — он взялся непонятно откуда. Поезд вроде бы не останавливался. Так бывает в поездах — выходишь, а когда возвращаешься, сидит кто-то новый и с видом, будто он всегда так сидел. Не может же быть, что глазастый — это и есть тот человек. На всякий случай поинтересовался, что за болливудская знаменитость у него в телефоне, он ответил, что у него нет телефона. Спросил, куда еду. На книжный рынок. Тогда надо выходить на следующей станции. Он говорил, будто жевал язык, трудно понять, и явно у него хинди не родной. Остальные вокруг спали, завернувшись в одеяла, как дышащие мешки. У него глаза красно-водяные, сказал, что зовут Сахид, что он всех здесь в Патне знает, обвел рукой по воздуху, кивнул в сторону окна, указывая, что «Патна» — это то, что за окном. Этого быть не могло, Патна вообще в Бихаре. Возможно, не так расслышал]

Порылся в кармане, достал смятый билет Дургапур-Аллахабад, Пурва Экспресс. То есть, вчера я сел не в Дели, а в Дургапуре — это Бенгалия. В уме все начало восстанавливаться. Мы договаривались там встретиться с К. и поехать в Бирбхум на машине. Где выскочил — непонятно, куда добрался — непонятно, это и правда может быть Бихар, мы ехали на запад.

[пучеглазый начал вглядываться и что-то нашептывать. Сначала это звучало как непонятный язык, по звучанию похоже на бенгали, может ассамский, затем он перешел в нераздельные звуки, тихое шипение, а после расслышалось самп гардан пар хэ — змея на шее, тогда я и схватил вещи, выскочил в тамбур, а как только остановился поезд, вышел, игнорируя возгласы появившегося проводника, что это не та станция]

Сын смотрящего за гостиницей принес завтрак: сэндвичи и чай. Смотрящий спросил, откуда я и чем занимаюсь. Сказал, что снимаю квартиру в Гургаоне, до этого жил на Севере, занимаюсь непонятно чем, присматриваюсь, недавно переехал, ищу проекты. Белые нужны в рекламе, могу сниматься в кроссовках и куртках, могу играть в эпизодах множественных фильмов. Когда жил в Мумбаи, была возможность, там у всех есть возможность. Длинные списки агентов, которые вписывают в рекламные проекты и кино. Платят немного, но появляется возможность почувствовать себя манекеном, пластмассовым объектом.

Смотрящий кивнул, чтобы шел за ним, мы вышли во двор, дальше по украшенной блестками лестнице, направо до поворота. Там конфигурации комнат и построек запутаны, маленькие комнаты переходят в очередные лестницы, которым не видно конца, поднимаешься-спускаешься, проходишь мимо закутанных в ткани неподвижных старух, детей с накрашенными лицами, алтарей. Явно это строилось не сразу, этажи и комнаты достраивались новыми поколениями, у зданий как у деревьев есть временные срезы.

Тебе к нему. Мы пришли в комнату с сидящим на кровати стариком. Смотрящий исчез, оставив нас наедине. Сказал ему, что ищу книги, чтобы попробовать перевести, какую-нибудь оригинальную литературу, типа прозы далитов, джати, джутан, или ритмические дневники, мистические истории. Старик ничего не ответил, скорее всего ничего не понял. Уже собрался идти обратно, как в дверях появился молодой человек в кожанке, с аккуратной прической. Он указал, чтоб шел за ним, и мы снова побрели по лестницам. Тебе нужен гаш? Нет. Китаб. Какая китаб? Гашиш? Нет. Пустак. Какой пустак? Хоть какой. Пойдем. Он привел в комнату, где сидели такие же, еще двое. Вообще, ничего страшного, у них телосложения совсем не боевые, если начнется, справлюсь, стволы у них вряд ли есть, это какие-то провинциальные торговцы легкой наркотой. Сказал им, что направляюсь на книжный рынок. Они снова переспросили, нужен ли гаш. Тот, что привел, сказал им, что нужен некий китаб. Отрицательно покрутили головами, сказали, что тут нет ничего. Книжного рынка нет. Железнодорожной станции тоже нет. Непонятно, как сюда попал, здесь изредка ходят автобусы, довозят до далекой станции, но они могут довести на машине, если заплачу.

Один из присутствовавших показался похожим на того пучеглазого из поезда, только явно моложе, тоже глаза вылезают из головы, как созревшие ягоды. Спросил его, знает ли

Сахида (Шахида, Саида) из Патны. Не знает. Судя по всему, это бессмысленное место. На любой твой вопрос на тебя удивленно смотрят и предлагают гаш. Ты откуда? Из Гургаона. Попал в Ничто.

Попал в Ничто.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Мы сняли квартиру в Гургаоне поздней осенью. Были наброски комиксов про муравья Чинти, которые собирался предложить издательствам.

Представлял следующую работу, как приведут к дому, который меньше тела, и скажут зайти в него, а в него невозможно зайти из-за размеров. Можно попробовать просунуть столку с комиксами в окно, и то там внутри не обширное пространство, а зажатое, никто не сможет разглядеть, вся бумага сомнется, все записи, рисунки.

RN: Надпись на коробке «chuuhaa naashak davaa».

Первый комикс-игра — система паутин с камнями, в которой запутался Чинти. Разрезая одну нить, камень падает и рвет нити, лежащие на его пути, это провоцирует деформацию всей паутины. Нужно разорвать одну нить так, чтобы Чинти освободился. По мере прохождения уровней паутина становится все сложнее.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Д.: Что вы увидели на берегу 13 сентября?

Не представляю, что увидел Л., но если то же самое... В том-то и беда, что нет слов, чтобы это адекватно описать. Гибкость языка по А.Н.К. — возможность синонимии, передачи одного содержания разными способами. Не категория, пустота, иное, а вполне конкретное, мерзкое, вызывающее тошноту. Гигантский сгусток слизи, заполненный волосами, повисший на себе, как бы сидящий на земле. Монстрообразная сущность, смотрящая на нас, — там явно выделялись глаза и рот. Все это чуть больше человека в рост, размытое. Огромный слизень, глядящий внутрь. Оно явно нас заметило, более того, нас ждало. Жирный суп с вермишелью, повисший в воздухе.

Если в «это» что-нибудь кинуть.

Совсем не агрессивное, не было ощущения, что «это» сейчас сожрет, просто неприятная субстанциональность, брезгливость. Бибхатса раса. «Это» не может плыть за тобой, тебя преследовать, но может быть частью допустимого, что не менее кошмарно. Когда «это» будет перемещаться, на земле останется слизь, а не копать.

Если разбежаться и прыгнуть в... тело вывернется и станет таким же повисшим.

Если вывернуть лестницу наизнанку, там все может оказаться таким, и сам. Было бы интересно вывернуть простейшие машинные языки и увидеть там место холодного ужаса. Хотя бы на уровне замены форм и консистенций. Озеро ↔ остров. Ручей ↔ мост.

Б. привел на пустырь, сказал внимательно посмотреть на место. А там не на что смотреть, толком нет растений, пейзаж — один из миллиардов, такое повсюду. Б. сказал, что все пространство разделено на режимы защиты и нападения, что нужно присмотреться. Это не узористая кладка, в которой можно считать что хочешь, а пустырь без видимых орнаментов, сложностей.

Скорее всего, Б. видел туманности, дымовые области, зоны проникновений. Отсюда можно нападать, отсюда нельзя — дальше дым. Этот пустырь и есть изнанка лестницы, — закрываешь глаза и видишь перемещающиеся силуэты.

Поведение Б. на пустыре походило на поведение Н. на четвертом этаже, когда он заходил

смотреть, как расставлены вещи. Показалось, что они в тот момент склеились в одну личность, или это и была одна личность, разорванная на два тела. Возможно еще подселение Н. в тело Б. на пустыре. Казалось, из него ушли страхи, суета, он превратился в человека, который и там, и здесь.

Б. использовал интонации, задержки взгляда, жесты Н. Если закрыть глаза в пустоте, увидишь ничто, а если закрыть глаза здесь, увидишь силуэты. Вряд ли это призраки, бхуты, скорее комки неведь чего. Сложно представить, что это объективность, что еще кто-то их видит. Б. сказал, что нужно присмотреться к границам проникновения силуэтов, затем определить, где они находятся на пустыре, с ними и пойдет работа. По этим границам можно расставлять высказывания, проводить линии защиты, швы.

После локализации щелей проникновения, необходимы точные фиксации. Здесь и встает вопрос языка, ведь не любой жест приведет к построению стены, сетки, решетки, пусть даже известно место, где нужно установить.

Б. сказал, что нужно присмотреться к силуэтам, они не все одинаковы, есть серые, есть черные, серые растворяются вовне, черные проваливаются в себя — поглощаются собой. Есть ли смысл с ними воевать, если они сами либо растворяются, либо проваливаются? Никто с ними и не воюет, это неправильное описание. Стены-сетки нужны для сдерживания, чтобы не произошло излишнего скопления, которое сможет превратить этот серо-черный поток в голодную формацию ужаса.

Где здесь порождающие грамматики, методы формирования, принципы роста-развития языка как организма? Начало: разделение серых и черных, проявление щелей, зон, ландшафта, места будущего текста; возможность существования текста. Что необходимо положить на границу, чтобы пресечь скопление? Этот момент мне был непонятен целиком, Б. пытался объяснить, но ничего не получалось.

То ли он интуитивно выбирает растения, тертые субстанции, мази, то ли извлекает из общих принципов (но вряд ли из книг). Если он «догадывается», то формирует тем самым язык, следуя своему чувству, а если выводит, у него есть иная платформа, на которой выстраивается грамматика. Б. сказал, что может раскрыть «слова», но не станет раскрывать их источник.

[вероятно, раскрытие магического языка приводит к потере силы этого языка, и раскрытие — далеко не произнесение или написание словаря, а описание принципов образования, грамматических правил. Проявление потери силы языка выражается не только в размытии семантики и отслаивании смыслов, но и в облегчении слов самих по себе, из слов выходит их сущность. Если распознается магический язык, его можно демонстрировать, но нельзя объяснять его скрытую структуру. Б. хотел показать состояние, в котором создание языков актуальнее создания концептов]

Пустырь — белая комната, лишённая текста. Без словарей, описаний, весь текст нужно извлекать из внутренней пропасти, впадая в себя. Ты можешь успеть наполнить комнату знаками, расписать стены-пол-потолок до наступления кошмара. Чтобы после зацепиться за созданный рельеф.

Б. сел справа, метрах в семи, и слился с пустырем. Он остался видим, но стал встроен в общую природу. Никогда бы не подумал, что такое простое действие может впечатлить. Б. улыбался грязным иссохшим лицом, показывая себя как достижение. Неясно, что изменилось. Некая окраска окрестности вокруг него, он перестал быть отделенным от местности, соединился с присутствием, с силуэтами в глазах. Как животное, мимикрирующее под сырость воздуха. То, что «за» ним проступило в нем, он не стал физически прозрачным, но показался таковым.

Смотришь на человека, а он будто вклеен и спрессован, и покрашен сверху сглаживающим бледным загаром. Он поглощен иным, но с оставленной здесь внешностью.

Это состояние непрозрачности, в котором есть подозрение на прозрачность как возможность.

По виду, Б. ясно понимал, что произошло и демонстрировал себя такого. Что в этом ценного? Некая зажатость между слоями. Наверняка в этом состоянии внешность видится наложенной, с проступающими деталями иного. Коллажированное просачивание.

ЧАСТЬ 3. CHUUNAA NAASHAK DAVAA.

«Когда ужас улегся, обиденная речь обыкновенно говорит: «что собственно было? Ничего» М.Х. S&Z.

Первое письмо Джарру.

«Последние три месяца вспоминал вопросы разных людей и писал им письма, пытаюсь как можно подробнее ответить. На многие вопросы как не было ответов раньше, так их нет и сейчас. Твой вопрос о восприятии «нехороших» слоев связан с тем случаем в комнате без окон, который было неуместно раскрывать в беседах. Когда мы сидели за столом со всеми и ты попросил об этом рассказать, показалось, что ничего не получится, — все будут слушать внимательно, задавать вопросы, но внимание распределится не в тех местах, придется детально останавливаться на не столь важных моментах, расставлять не те акценты. Еще важно, что при написании письма появляется возможность обдумать детали, дополнить ощущения комментариями, при этом избегая интерпретаций в духе мрачных онтологий или герменевтики наркотрипов.

Возникла неясная, неопределенная задача: освободить человека-крысу из заметок З.Ф., как от фрейдистов, так и лаканистов, перенести его в другое пространство. Крысы, прогрызающие анус, должны стать крысами-ночами, заполненными дремлющими потенциями. История человека-крысы — основание «захвата территорий». Чтобы похитить и вывести его, нужно пройти через мир теней, а он связан с трещинами.

Освобождение человека-крысы из психиатрической больницы, растекшейся по сознанию.

Сначала о птицах-оборотнях [они последовательно войдут в изложение: через голубятню, холодное утро и мир теней].

С. отвез меня один раз на голубятню к дяде Коле [Н. предостерегал, говорил, что не возражает против общения с С., но всегда надо помнить, кто это, и не входить в глубокое общение, например, если С. предлагает поехать невесть куда познакомиться с интересными людьми, лучше найти повод и отказаться; тот день не был примечателен погодой, помню, что побаливала голова со стороны шеи, справа, так случается, когда сплю на животе, повернув голову, просыпаюсь с легкими болями, которые в течении дня усиливаются]. На окраине, отброшено от поселка. Дядя Коля — человек с сжатым морщинистым лицом, у него морщины на лбу как порезы, руки стертые, нет двух пальцев на одной руке. Он улыбается, рычит, кричит одновременно. Отвел вверх, по лестнице, ухватил одного голубка, поднес к лицу, потер по щекам, поворковал у-ру-ру-ру. Он сам как дряхлая птица. Хотел бы здесь жить? Я, очарованный голубками, покивал. Любишь птиц, да? Эти птицы хорошим людям носят тепло.

Там два этажа, наверху живут птицы, внизу за столом сидят люди, рядом двери, ведущие непонятно куда, еще в большую внутренность здания. Тот момент отчетливо помнится. За дверью комната без окон. Там было понимание этой комнаты еще до проникновения в нее, когда еще сидели за столом. Все молчали, — двое у стены и С., дядя Коля кричал, не было ни телевизора, ни музыки, лишь доносящиеся сверху звуки крыльев и воркование.

Мы вошли в пустую комнату без окон с внутренним освещением, метров двенадцати. Он сказал, что нужно выбрать место [и здесь уже нет уверенности, что «он» — это С. или кто-то из сидевших за столом], где все произойдет, любую точку, вся комната подстроится. Где бы

кинематограф и мюзиклы, теперь ее покрыли.

то, что под черепицей: кишасшие насекомые, неподвижные слизи, пена;

светящийся лес с мерцающими ветвями-паутинами;

бесконечная дорога, с перевернутой машиной, перевозящей слизистых угрей;

волосы в масле;

все эти режимы, наложенные друг на друга, растянуты до всех видимых форм. Это наложение настолько узкое, что сквозь него проскакиваешь за мгновение, не фиксируясь сознанием, оно как натянутая невидимая пленка. [напоминает графику Огюстена Лесажа и ван Генка]

Другой слой — средневековый костел без алтаря, будто вывернутый наружу, он куда страшнее, из него словно изъяли возможность молитвы, заменили внутренность на темнотической шелест»

FFFFFFFFFFFFFFFF

С детства было ясно, что общение с умершими — важная часть нашей культуры. Бабушка брала с собой на кладбище ухаживать за могилками, говорила «поговори с дедушкой, он все слышит, расскажи ему все». Я рассказывал. Но казалось, что происходит нечто неправильное. Он может услышать, но явно не русскую речь, нужен иной язык. Казалось, на кладбище они стоят у деревьев, не лежат в своих могилах, а стоят, ждут иного общения. Происходит общение через свечи и цветы, но и это не то. [На девять дней дедушке дядя Саша разложил по его надгробию тюльпаны — рядком, прижато друг к другу, сам не понимаю, откуда возникло внутреннее отторжение от этого расклада, молчал весь вечер, а ближе к ночи начал убеждать бабушку, что так делать не стоило. Не стоило покрывать могильное пространство плотным слоев обрезанных цветов] Надо скорее вслушиваться в пение птиц, сидящих на этих деревьях, в звуки потустороннего, а по-русски никто там говорить не будет.

Когда приезжали к родственникам, они с важностью рассказывали о снах, в которых были умершие. Что те говорили, чем были довольны-недовольны. Про такие сны говорили неспешно, сквозь тишину.

Сельское кладбище было одним из самых загадочных мест. Оно как село, только потустороннее, без лишних предметов быта, с пластмассовыми цветами и ржавыми оградками. Дорожки запутанные, хаотичные, смятые, все это на холме — сжатое, слоистое, укрытое деревьями.

Там нет случайных захоронений, все жили в этом же месте, редко выезжали в города. Соседи остаются соседями. Живые жители села ходят в гости в село потустороннее днем, а жители потустороннего ходят в гости по ночам.

Живой человек на кладбище чувствует себя неловко, он и не плачет, и не грустит, скорее тихо бродит. Человек не понимает, что нужно делать на кладбище, что дозволено и разумно. Поэтому он перемещается по этому неясному месту, сохраняя внутри себя тишину, отгоняя лишние мысли.

С кладбища нельзя ничего выносить, там нельзя смеяться и громко говорить, входить в него нужно через малые ворота или калитки, через большие ввозят покойников.

Была на селе одна бабка, про которую говорили, что принимает у себя по ночам покойников, рассаживает за столом и кормит. Кто-то ночью подошел к ее окну, в шторке оказался прорез, и все увиделось, как они сидят — все в похоронных костюмах с бледными лицами. Бабка как бабка, помню ее, пробежал мимо ее дома, она покряхтела, сказала, чтобы обождал, вынесла конфетку. Местные сказали, чтобы не ел, а закопал, что от нее нельзя

никакую еду принимать.

Вообще неважно, сидели ли в доме по ночам покойники, съесть или закапывать конфетки, важно ощущение округи. Люди понимали связь пожилой женщины с миром иного. При этом, упускалась деталь. Кто смог разглядеть в ее окне сидящих покойников? Ведь этот «кто» и есть визионер, способный видеть «то», и реальные вопросы должны быть к нему. Но «он» растворился в людях-вообще, в поверии села, стал скрытым неизвестным наблюдателем. Что «он» делал ночью у окна, зачем «он» туда пришел?

Летним утром как летним утром. Когда С. повез меня за город, на голубятню, посмотреть на птиц. По дороге заехали на кладбище, на свежую могилу старого друга С. После дождя венки грязные, белый мокрый текст на черных ленточках смешан с песком, изогнут. Надписи на ленточках — последние послания, обозначения, от кого какой венки, кто помнит.

Уже у забора, дальше не хоронят. Есть ли разница: лежать у забора или в гуще. Можешь с ним поговорить? А что спросить? Хоть что.

Можно нарисовать на земле птицу, прийти завтра, посмотреть, что произошло с рисунком. Она останется на земле всю холодную ночь, когда рядом не будет никого, кроме обитателей, ты ночью сможешь вспомнить о птице, о ее очертаниях. Ты запустишь текст в место неясного дыхания, если люди без лиц сдуют надпись, это можно будет считать. Они сдуют не ртом, а внутренним движением. По Видевдат, трупные демоны приходят с севера, селятся в мертвых телах. Собаки и птицы истребляют трупных демонов, собаки взглядом [слепые собаки прикосновением], а птицы своей тенью. Может оказаться, что оставят следы или ответы не остатки души, а эти мрачные жары. Лучше нарисовать побольше птиц, чтобы они не прикоснулись. Объемные, вдавленные в землю птицы, с тенью, падающей в себя, если коснуться, можно провалиться в эту тень. Лучше вообще не говорить без необходимости, ничего не рисовать.

С. смотрел, как я рисую птиц на земле. Что греховнее: блуд или то, что ты сейчас делаешь? С. говорит о грехе! Спросил его, оправдана ли жестокость, он ответил, что люди рвут друг друга и комаров, а остальных это не касается, эта жестокость нужна для сохранения человечности [по ощущениям, он говорил совсем не о ницшеанской утонченной жестокости [из «Утренней зари»], а чем-то иным, более природном, о том, что никак нельзя назвать «утонченным»].

Сколько людей побывало в багажнике этой машины. С. улыбался, глядя на мое смущение, объяснял, что есть ясность, есть отравленная вода, покрывающая мир, есть кровь мира, она выражена в напряжении повсюду и в дрожащих звуках, это не жидкость как у людей, а натянутая сетка, она не течет, а звенит. Перетекают жизненные потребности, культурные формации, а кровь рвется.

Боль проявляется вместе с ясностью, когда выныриваешь наружу, проходя сквозь давящие слои — в них боли нет, она на поверхности, а в них существование и ощущения спрятаны. Там глаза заняты другим светом. Жестокость позволяет сдвигаться пластам, образовывать щели, через которые просачиваются тени, облизывающие людей. Жестокость ---> щели ---> тени. Обглоданные тенью люди передвигаются по-другому, могут прятаться в самом воздухе. С. показывал таких прямо из окна машины, кивал головой в их сторону.

Идти в память и идти в историю — не одно и то же.

FFFFFFFFFFFFFFFF

С раннего детства не переносил разговоры о еде, особенно докапывания на тему: почему это я не ем, а это ем. Казалось, вопрос питания относится к столь интимной сфере, что обсуждать его с другими людьми не просто неловко, а практически невозможно. Были допустимы лишь определенные вилки и ложки, желательны вилки, однородные, без пластмассовых ручек, с тонкими зубцами, желательны, чтобы они были средней массы, без лишних изображений. Лет в пять приехала в гости тетя Шура, сказала, что я избалован

марцепанами, что вот, жареная хрень, пока ее не съешь, ничего другого не будет. Она посмотрела строгим большим лицом. Сутки ничего не ел, затем неподвижно лег в тошноте. Бабушка и тетя Шура смотрели, ждали, когда приду и съем эту рвоту, ясно, что никогда, легче уйти из тела, родиться снова.

В младших классах школы самым страшным переживанием был обед. Всех детей обязательно отводили в столовую, засаживали за желтыми столами, смотрели, чтобы все крепко пообедали. Как только приближались к столовой, в глазах мутнело, появлялись слезы, тошнота заполняла всю внутренность. Делал вид, что очень хочу в туалет, убежал, возвращался уже когда обед заканчивался. Часто перед переменой, когда всем нужно идти в столовую, делал вид, что не дописал классную работу, сидел и упорно тупил в тетрадь. Лишь бы они ушли и меня забыли. Был еще один одноклассник с похожим восприятием, но его рвало только от рыбы, а меня рвало практически от всего жаренного. Спускаемся вниз, там очередь в столовую, уже метров за тридцать до входа слышен запах, это очередь в ад, в пространство перетекающего масла и жареной плоти, чтобы идти дальше нужно задержать дыхание, дойти до поворота, раствориться в толпе и исчезнуть.

Как просуществовал все те годы — неясно, предлог за предлогом, иногда везло — было что-то вареное, без запахов, я не мог это съесть, но хотя бы сидел без тошноты. Опять же, повезло еще с одним одноклассником, он все понял, ходил со мной, садился рядом, быстро съедал свою порцию, менялся со мной тарелками, пока учительница не видела. Дети, что нужно сказать? Спасибо, — мы говорили хором, вставали, шли в класс. Начиная с четвертого класса нас уже не водили, мы ходили сами, ну, я, конечно же, не ходил, но этого никто не замечал.

Сколько потом было историй... Однажды зашел в гости к другу. Его мама что-то жарила на кухне. Пришлось сразу бежать на балкон, дышать там, сказал им, что стало плохо, что это какой-то приступ, они спросили, может голоден, сядь, поешь, от этих слов стало еще хуже, черные пятна и переворачивающийся мир. Показалось, что через эти запахи некие мерзкие сущности входят в сознание.

Из всего этого ужаса, самым страшным стал запах кур гриль. Если в каком общественном месте стояла хрень со стекающим с коричневых трупов кур маслом, меня сваливало прямо там, глаза слезились, пол менялся местами с потолком.

Брезгливость [как подвижное отвращение] касалась специальных [редких] аспектов, запахов и конфигураций. Невозможно находиться в определенной комнате, в сочетании коридоров, вдыхать пары. Такая невозможность похожа на несочетаемость форм, на нестыковку деталей пазла. Корабли внутри бутылок, колоды Гарри Энга. Энг помещал колоду карт в бутылку с узким горлышком. Это возможно, а совмещение некоторых паттернов — нет. Травматичное соединение расползающихся пустот. Неприемлемость.

Неприемлемое строение, заполнение, узористость, расположение, связки. Там, где будешь ты, нельзя вместить это, как нельзя поместить два разных предмета в одно место одновременно. Время решает подобные конфликты, разводя предметы в пространстве.

Круг, начерченный вокруг езида. На новый год в первом классе. В актовом зале праздник для всех учеников, с дедом морозом и подарками, родители отдельно у стены, а в центре дети в костюмах пиратов, гномов и снежинок взялись за руки и повели хоровод. Снегурочка стала давать задания, загадывать загадки, хоровод останавливался, кто-то отвечал. Затем заиграла веселая новогодняя песня, снегурочка стала показывать, как надо хлопнуть в ладоши и присесть. Все похлопали и присели, а я остался стоять, и еще раз, и еще раз. Потому что похлопать и присесть было невозможно. В гробу невозможно приседать, это были мои похороны, на которых водили хоровод, дед мороз вместо священника, снегурочка вместо тети в морге, произносящей трогательную речь. Чтобы попасть на свои похороны, не обязательно умирать. Уход с собственных похорон — изумительный жест. Похлопайте и присядьте, когда тело залили бетоном.

Ф.Г., разбирая универсальные грамматики, отмечает ситуации детей-аутистов, говорящих на

своим языке, при этом, прекрасно понимающих, что им говорят окружающие. Но вместо того, чтобы принимать язык окружающего мира, они предлагают миру свой. Затем происходит ломка: мир не принимает этот внутренний язык, давивает, скручивает, ломает волю, приходится принять язык мира, слить его со своим мышлением. Они проигрывают войну за язык.

Следующее поражение приходит в войне за текст. Множественные миры, записанные в тетрадях, оказываются неинтересны вовне, мир предлагает написание иного текста, объясняет, как нужно это делать. Не плодить однообразные рисунки, а идти по принятым канонам. Люди-знаки, люди-рупоры добродушно кивают, направляют туда, где можно выжить.

Поражение в войне за карту [и за представления о пространстве] уже не столь заметно и менее травматично, если ты разумно говоришь и пишешь, и при этом странно рисуешь или обозначаешь местность, мир вряд ли будет тебя репрессировать, просто намекнет, что лучше запомнить номера домов, направления движения, маршруты автобусов.

В какой последовательности лучше отвоевывать утерянное? Карта-текст-язык. Либо же, текст-язык, а карта окажется бесплатным приложением к отвоеванному миру. [впечатляли карты-приложения к Библии, с картой Палестины, это не просто комментарий, скорее дополнительный режим, кому-то нужный] Кажется, что необходимо сначала вернуть язык, а затем текст, но вряд ли такая последовательность возможна.

Есть архетипический сюжет о возвращении. Но не просто возвращении в место своего естества, где поют птицы и цветут травы, а возвращении с последующим проявлением того, что пространство изначального счастья, куда так стремился герой, захвачено чужим сознанием, и теперь ему придется доказывать, что он имеет право там находиться. Герой возвращается в места трепета и покоя, но никто его не узнает, теперь все по-другому, места населены чужим и чуждым. Ветви, на которых сидели говорящие птицы, перетянуты жесткими жгутами, поля, где росли цветы, заполнены сорняками. Следующая архетипическая фигура — старик, старый житель мест, который узнает героя и рассказывает ему о случившихся переменах.

Реакционизм — эзотерический, магический, романтический, — высмеян в литературе. Возвращение в пространство-галлюцинацию, ради войны за язык, который никто не помнит, за текст, который никто не читал, за карту, которую никто не видел. С точки зрения разума, это самая бессмысленная из мыслимых войн — война за то, чего нет и, возможно, не было. Не было иного языка-текста-карты, а те, что есть, вполне позволяют жить и работать. С кем герой собирается воевать? Уже нет ветряных мельниц, сразившись с которыми, можно уплыть на красном корабле в мистический коммунизм — они развалились и сгнили. Последние враги сдали квартиры и уехали на Гоа, и если их там даже обнаружить, они не поймут, о каком языке-тексте-карте идет речь.

Другой сюжет возвращения, в котором герой смотрится не менее беспомощно. Он возвращается за языком-текстом-картой, и да, там есть формации, готовые с ним воевать, война оправдана, но они по силе значительно превосходят героя, при подготовке весь его взгляд «туда» пропускался через современность, лишённую хтонической окраски, а реальность оказывается куда страшнее. Там старые болезни, старые связи, старые конфигурации, — для их преодоления требуется иное мышление. Герой бьется о проявленную хтонь как пушинка о скалу.

Эти два сюжета вполне совместимы, они могут усиливать друг друга, загоняя героя в глубокий кошмар. Те люди, с кем планировалась война, не понимают, о чем речь, а окна, стены, болота, готовы принять вызов, но герой не способен им противостоять.

Даже когда возвращение сопровождается видимой победой и отвоевыванием, проступает сомнение. Что дальше делать с отвоеванным языком-текстом-картой? Навязывать остальному миру, заставляя всех говорить на этом языке, читать текст, пользоваться картой?

Если представить, что все обстоятельства сложились благополучно, даже сражения не потребовалось, жители города вынесли словарь того языка, сказали, что готовы его изучать, на нем говорить, готовы жить по той карте, что нарисует герой, ведь все равно в воздухе подвисает намек на насмешку, подозрение, что это — не победа в войне за язык-текст-карту, а лишь очередной круг ада.

[[Написание кода, вплетающего тот язык, на котором существует ничего не подозревающее общество, — оно покоится как на водной глади, не предполагая, что его сознание блуждает по отвоеванным конфигурациям. Аутист предложил миру свой язык, и мир внезапно на нем заговорил, сам об этом не догадываясь. Текст и карта оказались крайне удобными, адекватными]]

FFFFFFFFFFFFFFFF

Есть места, которые проскакиваю пару раз в году, каждый раз ночью, смотрю на них сквозь автобусное окно. Они темны и неподвижны — как разлитые спящие телесности. Можно ехать «внутри» и вслушиваться в дыхание как неспешное втягивание, — неясно, где места начинаются, а где заканчиваются, они распознаются не видимыми знаками типа домов или памятников, скорее ощущаются.

Автобус притормозил у обочины, водитель сказал «стоянка пять минут», и те, кто не спал, вышли сбросить усталость. Как только вышел, по запаху, плотности воздуха, сжатию пространства вокруг, стало ясно, что это те места. Возможно, мы только въехали в них, или же находимся в самом «центре», хотя вряд ли у них есть «центр», есть сгущенность.

Что мешает остаться здесь, у меня нет багажа, паспорт и деньги с собой, можно спрятаться в ночных деревьях, дождаться утра, пообщаться с местными жителями. В июле светает рано, через два часа уже станет видно и спокойно.

Во мне нет страха перед людьми или призраками, могу отправиться по темной дороге, освещаемой случайными машинами. Там нет ни людей, ни призраков.

Там дальше, за ощутимым, внутри местности, стоит здание, вернее, его остатки. Бывший психиатрический пансионат, обрушенный и поглотанный, с дырами в стенах, с отсыревшей внутренностью. На земле груды бумаги — старые истории болезни, сложенные как волны, как поверхность желтой воды.

Рухнул в воду, как в небо, как в самое мягкое и начальное. «Очевидно, мы зашли не в ту дверь, нужно вернуться «туда», где снова сможем общаться с ангелами» Можно насладиться рябью, тишиной, хлопнуть ладонью по молчаливой глади, покачать лунную дорожку.

Та же красивая ночь, только изнутри, с возможностью наблюдения за изнанкой.

Интересна изнанка спрессованного коллажа из первого письма Джарру, из маслянистых волос, светящихся деревьев, пены. Возникло желание реверсировать концепции этого текста, запуская склейки и швы изнаночной стороной, переворачивая F в недосуществование. Джарр спросил, буду ли переписывать S&Z на RN. Он предложил идти по возникновению концепций, фиксируя лишь связи, отбрасывая комментарии и фон.

Второе письмо Джарру.

«Спасибо, что прочел и прокомментировал текст. С помощью 16F создаются швы на теле крысы. Некоторые твои комментарии будут внесены в текст и слиты с ним. Собственно, отвечаю на вопрос об ужасе и языке.

Прекрасно помню те ощущения, в возрасте 3-5 лет — экзистенциальный ужас, вызванный осознанием подлинности существования себя: «я действительно существую» — это нельзя заменить на условность. Просачивание бытия здесь и сейчас ужасно тем, что «я» — и есть это просачивание, и его не отменить. С ним можно смириться, отвлечься, занявшись игрой.

Следующий уровень — давящие страхи, приходящие в моменты, когда меня оставляли одного дома. Приходилось утыкаться головой в подушку, накрываться сверху одеялом, так лежать, пока не придет мама. Казалось, что мир вне одеяла действует, портреты на стенах улыбаются или скалятся, в зеркалах видны иные люди, по обоям ходят тени несуществующих предметов, и весь воздух пронизан плотными сгустками бытийностей. И еще! Это все крайне интимно, об этом нельзя рассказывать никому, это тайна просачивания, которое и есть «я».

Ужас нездешнего, он был не всегда, он появился при приглядывании к миру, сложился из осколков понимания невидимого. Помню состояние, когда этого ужаса еще не было [похоже на плавание в приятной воде, заполнившей всю видимость, плавание в существе себя вместе с вещами, лицами, звуками, — насколько понимаю, это не перинатальные переживания, скорее восприятие «этого» мира в подвижной цельности]. Ужас просочился с опытом различения, опознания иного. До этого иное сливалось с неиным и не порождало страха.

[Ужас и язык рождаются так, чтобы перейти друг в друга при выворачивании. Выворачивание наизнанку муравья — замена сгустков на интенсивности, интенсивностей на сгустки. Выворачивание меняет местами ужас и язык? Но язык — не изнанка ужаса, и ужас — не изнанка языка, не само, а «внутри», язык способен существовать в изнанке ужаса, а ужас — в изнанке языка. Марксистская теория трудового происхождения языка — вполне, только это тяжелый труд выворачивания ужаса, для образования пространства, способного содержать язык]

Чтобы быть [пребывать] «там» язык не нужен. Язык нужен для акта изъятия себя из себя, отделения «я» от общего просачивания. Многие ощущения не выражаются на привычном языке людей вокруг, как выразить зависимость дыхания от мимики висящих портретов? Необходимо раскрытие внутреннего языка, который существует «до» просачивания и выражает связи.

[Сексуальность способна существовать в изнанке текста-карты, а не языка. И в тех уровнях ужаса нет действия-движения сексуальности, в страхе данности нет страха поглощения или разрыва, он появляется в изначной стороне текста-карты [язык трудно разорвать или поглотить, данность не поглощается, она уже поглощена собой]. [Порно и флуд находятся на изначных сторонах, выворачиваются друг в друга, вернее в пространства, в которых существуют?] Кажется, состояние «до языка и ужаса» схоже с БПМ-I. Вероятно, работает гигантская склейка. Лсд как клей, склеивающий концепции и вещи, способен склеить обои на стене с железнодорожными путями за окном, вазу с птицей, люстру с деревом. Лсд создает «приятную воду» как новое вместилище — невероятно липкую субстанциональность, сглаживающую разделения, разломы. Язык склеивается в том числе. Можно визуализировать как буквы алфавита, разбросанные по поверхности и залитые клеем. Проблема языка не решается тотальной заливкой всего; создается спектр полноценных ощущений выхода за язык.

Спросил лсд-человека о восприятии текста. Он сказал «текста не существует, никакого», если взять текст, будет восприниматься то, что между строк, фактически символическое дополнение, близкое к изнанке. Вместо текста «образы как колодцы, как ножницами можно резать бумагу и выколоть глаза, возможности вращать предметы в разных направлениях, рвать пустоту на куски переплетением образов». При этом у лсд есть темная сторона — бэд трип, приводящая к непередаваемому ужасу, выворачиванию всего; склеенные концепции, допускающие вращения и деформации, подковыриваются невидимыми щипцами и переворачиваются изначной стороной, порождая «ужас вообще» — стыковку ужасов разных уровней. Спросил его про карту. Он ответил «карта — избежание конфликта восприятий» и отметил, что лучше не встречаться с собаками. Спросил, может ли собака стать провокатором бэд-трипа. Он ответил «да». Входов много, например, можно войти через дарк эмбиент.

Возможность пиртдэб появлялась всего пару раз, и как ни странно, это было в дороге. Четко помнится индийский ночной поезд, перемещение по уровням, сжатым в одно тотальным коллажированием, выныривание из воды, только не в воздух, а в ужас. Действительно, там нет языка и наблюдения за знаками. Есть движение, но не как разных направлениях, скорее внутри втягивающей трубы, красно-черное клетчатое одеяло одинаково с обеих сторон, и выворачивание наизнанку — выбрасывание тебя из кокона в мир с невозможным текстом, в заполнение вывернутым собой себя, бездна вместо лица]

Третий уровень ужаса связан с памятью и временем. Как иное просачивается в пространстве, так иное просачивается во времени.

Четвертый уровень ужаса связан с вывернутой памятью, воспоминанием о том, что будет. [комментарий лсд-человека: «возможность таит в себе святость, прошлое сильнее будущего»]

Развитие языка и движение ужаса, — они связаны, но не прямым сопоставлением. Каркасы грамматик и конфигурации движения ужаса могут не иметь ничего видимого общего, но они дополняют друг друга. Изъять из пространства рисунок универсальной грамматики [чем бы он ни был], останется место перемещений ужаса.

[О. Д. «Происхождение языка как философская проблема» — много забавных цитат, например: «Люди выбрались из ямы. Нггиве взял бамбуковый нож, надрезал им те места, где сейчас у людей рот, и сказал «теперь вы сможете разговаривать». И тогда люди издали свой первый крик» Что за яма? Пространство ужаса?

E.S. Genesim Commentarius — Адам придумал тысячу имен за час]

«Страх есть упавший в «мир», несобственный и от себя самого как таковой потаенный ужас» М.Х. S&Z.

gñ[^] -g:n[^] - gn[^]

Огласовки составляют движение. Bhaashana – речь, bhiishana – ужас, bhuushana – орнамент, украшение.

Нелепым странным ребенком, я хватался за любой непонятный язык. Переписывал в тетрадь надписи на иконах, заучивал фразы из случайно найденных разговорников. Хранил русско-корейский разговорник, справочник по высшей математике, как книги-ключи, содержащие всю магию вещей. Затем сложилось так, что оказался чуть ли не самым слабым учеником в классе по иностранным языкам: латышскому и английскому. Общий ритм уроков-методов представился каким-то адом. Бессмысленное репрессивное макание в языковые следы. К слову, когда полежал в больнице вместе с деревенскими латышскими детьми, за пару недель заговорил без особых проблем, но вернувшись в школу, снова погрузился в унылое молчаливое залипание. Выучить это можно, но там вряд ли есть какая ценность.

[Возникло ощущение, что словари — далеко не книги-ключи, не проводники в языки, а просто формальные перечисления]

Весной 93-го освоил стенографию. Последующие месяцы были посвящены переписыванию интересных книг, ведению дневников, оформлению сотен страниц закорючками, на вид напоминающими арабскую вязь. К осени уже писал этим способом раза в два быстрее, чем обычным. Появилась возможность прятать текст.

Это был удивительный момент. Почувствовал себя снова способным, имеющим скрытые ценности, уловки, методы работы с текстом. Не помню, сколько толстых тетрадок заполнились этими линиями, — практически все было выброшено при переезде. Осенью 96-го вернулся из Москвы, оказалось, живем в другой квартире, а мои дневники и рисунки

выброшены. Не злонамеренно, просто в общей суете.

О. спрашивала, как заставлял себя сидеть в школе, особенно в старших классах, и что-то записывать. Это до весны 93-го было тяжело, а после стало чудесно, — начал записывать все звучащее, мечтал довести скорость до речи диктора в телевизоре. Компактное кодирование текста оказалось действенным методом, выживанием в неинтересном [ты скажешь, что это лишь скрипт, а не язык — не совсем так; заменяя травмы либидной сферы травмами языковой сферы можно переписать весь психоанализ].

К весне 93-го я уже окончательно вышел из той секты пятидесятов, в которой культивировалось говорение на языках. Глоссолалия также ушла, тихо и спокойно, замолкла, слилась с далеким звучанием. Что в этой секте, что у цыган, именно странный язык казался ценным [и те, и другие, определяли «своих» по языку], — они закрывались от мира не только своей маргинальностью, но и особым языком, непонятным остальным (пусть даже себе). Язык как граница, как возможность сокрытия мира от мира, тайны от других (или от себя). И тогда, весной 93-го, показалось, что появился метод рисования границы. [объяснение непонятности существенных глоссолалий следующее: слоев миллиарды, а человеческих языков тысячи, попасть в человеческое звучание сложно, но вполне естественно можно попасть в близкую грамматическую систему, — глоссолалия будет звучать «как» язык определенной группы, будут распознаваться отдельные слова, использоваться стандартные связки, окончания, корни]

Теперь про крыс, FFFFFFFFFFFFFFFFFF и красивую ночь всех людей.

Человек не достиг успехов в изучении языка птиц из-за неправильного подхода. Он пытался говорить с птицами о банальностях, о движении по местности, еде, погоде, а не о Ничто, просачивании и присутствии. Птице неинтересно говорить с человеком о движении, человек слишком ограничен, не умеет справляться со стихиями, существует грустно, низко и медленно.

Что Ж.Д., что Н.Х., заводят животное на «территорию», заставляют защищать «территорию», подчинять себя и всю свою коммуникацию работе с «территорией». Теперь ты заботишься о местности. Птицы похожим образом смотрят на человека — как на вялую малоподвижную сущность, занятую прямоугольными упаковками территорий. Язык человеку не нужен, так как нет необходимости в сложной коммуникации, транспорт, строительство дорог и выплата ипотеки могут делаться с помощью примитивных инстинктов. Сексуальные игры людей тоже не требуют языка, они чаще всего ограничиваются квадратным пространством и ленивыми однообразными движениями, люди не в состоянии переплетаться в воздухе, возносясь над видимым миром, достигать друг друга в пламенной заре, растворяться в огненных лучах. Все самое сложное за людей обсуждают их ангелы.

Птицы общаются с миром теней своими тенями, поэтому трупные демоны и растворяются в них, птице не нужно поворачивать голову, чтобы видеть тени себя и мира, она их видит всегда.

Языки слепых собак. Слепая собака тоже способна уничтожить трупного демона — прикосновением. Есть связи, которые высвечиваются лишь в красивые ночи, когда видимое заполняется светящимися нитями.

Кривнчвьсхлдй. Солнце зашло, а луна не появилась, все осветилось изнутри. В течении этой ночи люди могли понимать язык животных и птиц, не беседовать с ними, а подслушивать. Остались летать не только ночные птицы вроде сов, а вообще все, потому что было светло. С первыми лучами солнца все вернулось в привычность, понятные языки превратились в щебет и лай.

Человеческая музыка оказывается неинтересной птицам. Запахи интереснее, но не те, что исходят от самих людей, а те, что производятся — в хлебопекарнях, сырьевых базах, типографиях. [как комментарий к Д-Г 10.1730 становление-интенсивностью, становление-животным, становление-невоспринимаемым — превратившись в крысу, можно насладиться

острыми чувствами и новой подвижностью, сосредоточением и восприятием места]

В сказке «Птичий язык» соловей сообщает мальчику, что видит будущее: его отец станет подавать ему воду, а мать — полотенце. Мальчик пересказывает это родителям, тем не нравится подобный расклад, они отправляют спящего мальчика на лодке — чтобы только это не сбылось. С ним в лодку садится и соловей, уберегает от опасностей, предсказывая будущее. Затем мальчик оказывается в городе, где вороны мешают жить королю, король обещает невиданные богатства за избавление от ворон, мальчик понимает, что вороны хотят сообщить царю, получает награду, поднимается по статусу, женится на королевне, возвращается в родные места, и его отец с матерью подают воду и полотенце.

Очевидно, речь не о птицах, не о соловье и воронах. Трудно вообразить короля, которого сильно тревожат три вороны за окном. Он без проблем может приказать их пристрелить. Не так просто от них избавиться! Видимо, речь о призраках, шатающихся сущностях, бхутах, жителях иных слоев или загробного мира, нужен визионер, способный прочесть их послание. Им оказывается тот самый мальчик, способный слышать шепот «того».

Жестокость родителей поражает, возможно, это не жестокость, отправить на лодке — отправить лечиться от неведомой болезни, от слышания голосов, нашептывающих странное будущее, долгое путешествие — переход в иное состояние, иную телесность, с дальнейшим возвращением, невесть в какой форме.

Бенгальские сказки заполнены множественными трансформациями, магическими манипуляциями, становлениями животными, бхутами, маскирующимися под людей или птиц. Превращение в животное может интерпретироваться как одержимость определенными сущностями, способность понимать языки птиц — как возможность вхождения в слои.

В сказке Шокхишона (одной из самых загадочных бенгальских сказок, наполненной странным символизмом) в героя влюбляется цветочница-колдунья. Она его превращает в обезьяну и прячет от мира, а как наступает ночь, возвращает его человеческий облик и до утра занимается с ним любовными утехами. Так продолжается невесть сколько времени. [В конце цветочницу кознят за колдовство, наверняка не просто за магические манипуляции, а за конкретное воровство человеческой оболочки] Это не обезьяна, а человек-обезьяна, одержимый сущностями, живущими обычно в обезьянах?

Возможно, понимание языка животных во время красивой ночи — это понимание языка совсем не животных, а вселившихся в них на эту ночь сущностей [у Д-Г животное — сразу стая, и несет она сущностей или нет — не важно, конечно, несет, дальше — животное — это место и время, становление ночью-животного, кровавая свадьба. Две короткие цитаты из Д-Г 10.1730:

«именно во время войн, голода и эпидемий размножаются оборотни и вампиры»

«колдуны всегда удерживают аномальную позицию — на кромке полей и лесов. Они часто посещают края»

Движение в 10.1730 идет к становлению вообще, к становлению-музыкой, к становлению-наркотиком, интенсивность там не выделена как элемент алфавита. Интенсивность имитируется стаей. Собственно, 1008плато — учебник рисования, а не разговорник или грамматический справочник. Д-Г заканчивают абстрактными машинами, цепляющимися друг за друга. Текст царапает ум, the day is my enemy, nasty лиса Кита Флинта, выходящая по ночам, люди-становления-лисами; клипы The Py – бигбитовый отвар из иллюстраций к книге.

Весной скорее мыслился клип Pendulum Remix VP The Py, люди с завязанными глазами, бегущие по дорогам, только не люди, а крысы, и не по дорогам, а по мерцающей решетке, они вынужденно образуют стаю, и не образуют ее совершенно, каждая крыса лишь за себя, за свое внутреннее мерцание]»

FFFFFFFFFFFFFFFF

Со мной в автобусе ехала бабушка с внуком. Внук — аутист тяжелой формы, машущий руками. Вышли около стройки, там терлась бродячая собака, обнюхивала забор, без интереса пропускала мимо себя прохожих, существовала в себе. Как только бабушка с внуком пошли мимо них (я пошел в другую сторону, поглядывая на них издалека), собака резко залаяла на мальчика, он отшатнулся, задергался, замахал руками, собака принялась прыгать на него, с лаем и рычанием. Прохожие помогли отогнать.

Длинный дом с запертыми подъездами, в каждом свой код для входа, известный лишь жителям и их частым посетителям. Эти двери ставили давно и сначала во всем районе поставили один и тот же код. Потом уже ходил мастер и переставлял. Кое-где позабыли, оставили старый, кое-где заменили на сложный. Когдаходишь к двери, можно догадаться, какие кнопки нажимают чаще всего — они затерты. Таких домов тысячи, везде. Закодированное пространство входов. Входы в подвалы и чердаки не закодированы, там старые ключи, а в жилое пространство — да. Из-за угла, из-за видимого взгляда, появился человек, которого я знал. И он меня знал. Но встретиться с ним сейчас — лучше с разбегу плоско о стену и сползти, не представляю, что ему скажу, нам придется смотреть друг на друга, сжав зубы, издавая скрежет, сдерживаясь от крика. Через мгновение он меня тоже увидит, нам придется посмотреть в лица и что-нибудь сказать. Мне лично нечего ему говорить. Бросился к первой попавшейся двери и в ту же секунду понял, что это первый раз в жизни такое: от ненужной встречи меня отделяет код. Если забегу в подъезд, все останется как раньше, смогу даже подняться в подъезде и посмотреть ему вслед. Начал пробовать самые популярные комбинации кнопок. Какие там могут быть комбинации? 248, 358, еще какие. 248 — действительно, это код попавшейся двери, он такой же, как в соседнем доме у моего друга, к которому часто заглядываю. Добежал до второго этажа, спиной подошел к окну, спрятанно подглядел, как человек удаляется в дороге и деревьях.

Как так вышло, что пространство заполнилось кошками? Они повсюду, на каждом клочке, лежат, свернутые клубками, пушистые комки, к окнам первых этажей приставлены доски со ступеньками, чтобы они могли заходить, они смотрят и ждут. Люди им явно безразличны, люди — источник еды и больше ничего. Больше нет ни птиц, ни собак, одни лишь кошки [собаки существуют за гаражами, среди засохших деревьев, птицы — ближе к северу]. «Кот внутри» — некое неподвижное состояние, поразившее округу.

Вышел из подъезда и увидел Э., разговаривающего с кошкой. Э. хохотал от ее реакций на его слова, от непонимания и подозрительности. А затем встретил Ч., у него лицо скорчено, тело скорчено, рядом его жена — тоже изглоданная. Дал ему денег, чтобы он смог доехать до дальнего леса. Мы встали в темноте и начали наблюдать за точками в воздухе, через которые просачивается проказа; она разъедает остальное просачивание с краев. Ч. чувствует, что она рядом и воспринимает это как дыхание смерти, хотя это никакое не дыхание, это обглаживание краев [похоже на то, как горят фотографии, черная граница синего огня подползает все ближе, поражая пейзажи и застывшие лица].

Ч. рассказывал, как около его окна поселились темные движения, тени, отбрасываемые непонятно кем [он боится, что тени зайдут в его комнату], рядом с нами лежали свернутые кошки, жена Ч. стояла с закрытыми, будто замкнувшимися от усталости, глазами. Казалось, она может упасть от тяжести и тоже свернуться мягким клубком, — она еле говорила, сквозь закрытый рот. Ч. не хотел брать деньги, отворачивался, а затем поблагодарил, сказал, что прямо сейчас отправится в лес.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Сфера эротизма рождается после преодоления ужаса, лежит она в изнанке перехода текст-карта, и построена на подвижных конфигурациях. Часто у аутистов запоздалое сексуальное развитие, из-за негибкости конфигураций, не так просто найти «интересный паттерн», который спровоцирует движение эроса. Для поиска «интересного паттерна» нужно довести вопрос ужаса [и языка] хоть до какого-то ответа. Эрос может быть не связан напрямую с идеей поглощения и разрывов, он может проявиться как смазочное масло

внутри постужасающего конструктора [провокацией может стать далеко не вид обнаженного тела, а к примеру, спичечный коробок, наполненный камешками]. Карта ставит вопрос границы «там», изнанка карты ставит вопрос границы собственного тела и удовольствия. Этот вопрос интересен и подвижен, с ним можно работать с помощью телесных ощущений, фантазии, интуиции. Работа над этим вопросом создает эротическое тело — субстанцию, обитающую в изнанке текста-карты. Без проживания ужаса эротическое тело может сложиться столь же истерзанным, как текст без языка.

Жестокость рождается за эротизмом, в изнанке чистой карты. Возникают вопросы построения границ физической реальности, допустимости, трансформации, порядка, иерархий, гор, рек, озер. Движение реки-крови, прорыв плотин, климатические зоны, — это все существует в изнаночном мире.

У сущностей иных слоев движение ужас—эрос--жестокость может идти в другом направлении, может крошиться, растягиваться, застывать. Можно представить сущностей, определяемых движением эрос-ужас. Они вначале познают границы удовольствий, затем смотрятся в зеркало и начинают дрожать от осознания себя. Целые пласты сущностей, остановившихся в ужасе-себя, превратившихся в камни, прозрачные дышащие стены. Кирпичная стена, в которой кирпичи совершают общение и шевеление в себе, перекидывая кошмары друг другу. Как плоская гусеница, с перешептывающимися частями-чешуйками, заслоняющая собой вход и вид.

18 июня.

Пожар. Пластиковые отходы, разбросанные неподалеку, превратились в черный дым, видимый за десятки километров. Лежал у стены, на краю дивана, ждал, когда они появятся, постучат. Это будет С. и еще кто-то, они выскажутся, не высказываясь, что нужно идти, мы пойдем по улицам, по которым ходили тысячи раз. Вокруг будут те же здания, дороги, но люди окажутся в ином: будут штопать тела своих крыс, придерживая их как воздушные шары, или раскладывая у себя на коленях, трогая их изнанки, проверяя кожу на скрытые трещины.

Все пространство в людях с вспоротыми крысами на коленях. Гарь, смог, темный воздух.

«Своя крыса» — это то, что побежит по перекресткам.

Мы идем, у нас нет «своей крысы» — так кажется, хотя все пространство можно мыслить как изнанку крысы, которую мы зашиваем своим существованием.

С. мог бы не плыть как присутствие, а подойти и отнять у кого-нибудь вывернутый мешок с лицом внутри.

Никто кроме нас не перемещается, все «сидят в себе», зашивая мешки. Объясняется тем, что крыса — это вахана. Перемещение не означает существование «здесь» и «там», скорее оно означает возможность деформации «здесь». Так и язык — возможность деформации «здесь» изнанки ужаса.

Ясно, где смыкаются все «дороги», куда можно прийти, мы вскоре окажемся в той самой комнате, наполненной всяческой живностью, дышащими прослойками, и «тот я», прячущийся от нездешнего ужаса под одеялом, будет ждать прикосновения к иному. Только иное будет уже в «этом я», в слое касающегося, можно будет дотронуться до себя рукой птицы внутри свитера. Если высунуть пальцы наружу, сразу заденутся руки птиц, на ощупь нечто мерзкое, но это мерзкое — «этот я», пришедший в комнату с другой стороны. Ты пугаешь себя иным собой, и если вывернуть платформу, на которой это случается, появится место языка.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Е. Г. неоднократно повторял, что магия начинается с доверия себе. Образование как оно есть высасывает доверие себе целиком, оставляя человека заполненным готовыми

методами мышления, с помощью которых он сможет перемещаться внутри сформированного мира. Школы-университеты формируют людей, забывших себя.

Е. Г. распределяет современную магию как женскую (направленную на сексуальность), черную (ядерное оружие, путешествия внутрь ядерных грибов, создание животных-мутантов, цыплят с несколькими головами, растворение стенок между слоями — ЗТР8), и каббалистическую (криптомиры, текстовые лабиринты). Машины просвещения репрессивны, магические машины рассыпаны, собраны в корыстные собрания. Государства бережно относятся к черным магам, их окружают заботой, используют в гонке вооружений.

[долгое наблюдение за тем, как нас пытаются вовлечь в черномагические ритуалы, связать с ядерной культурой — не через пальцы и рыжий лес, а через приоритетность научных направлений, встроенность ритуалов в общенаучный процесс, в культуру просвещения; взрыв на атомном энергоблоке как черномагический акт, разрушающий страну. [Нахождение книги, записей, сообщений, содержащих знание об ужасном, которое было здесь «до» — стандартный сюжет. Предыдущие формы жизни были истреблены в ходе ядерной войны — черномагической травли [их сожгли тысячи солнц]. Те виды сознания, что смогли остаться, отправились в путь развития, который привел их к очередному ядерному оружию] Рыжий лес — ненигредо, покрытие леса неправильным золотом. Хотя что может быть ближе нигредо по звучанию, как Чернобыль]

«письмо и музыка могут быть машинами войны», «машина войны куда ближе к абстрактной машине, чем к аппаратам государства, лишаящим машину войны ее способности к метаморфозам».

Д.Г.У. в последней главе КУ приводит историю женщины, с которой что-то не то, которая явно никогда не чистила зубы. Она пришла в Катманду во время праздника. Премьер-министр попытался лично выдворить ее за пределы страны (у нее не было разрешения на пребывание), но после трех минут их разговора наедине он попросил ее остаться в стране навсегда [рассказала его прошлое и будущее?]. Вскоре она исчезла.

Праязыки разных слоев, сохранившиеся в рассыпанных интуициях, теневом сознании, [юнгианском коллективном бессознательном?] просачиваются, устанавливая ощущение присутствия, глубинного высказывания.

Три режима современной магии, на которые намекал Е.Г.: эротический, включающий в себя порно-индустрию, эстраду, текстовый, работающий в закодированных пространствах, вирусы, как сухой, так и мокрый в смысле Ю.Т., черный — ядерная индустрия.

FFFFFFFFFFFFFFFF

[сноска на странице 137 М.Г. Кольцо тайн: «В мозге некоторых животных, например, мышей, имеются программы составления карт» — мыши-картографы]

Проблема карты — это проблема границ. Карта состоит из границ? Границ допустимого, удобного, приемлемого, доступного, ощутимого. Деформация карты подключает машину войны. Стирание границ здесь вызывает рисование границ там. Разрушение стены там вызывает возведение стены здесь. Не из-за сохранения каких-то принципов или фактур, а из-за общей подвижности — карта рисует себя. Но карта не состоит из границ, карта не состоит вообще. Карта — это принцип, а не распределение. Машина войны не работает с картой, это карта работает с машиной войны. Карта беспощаднее войны. История — размышления о деформации, как и алхимия, разница в том, что они пользуются разным временем. Алхимическое время создается в самой алхимической лаборатории. Оно может быть локальным, допускающим вырезание и вклеивание. История работает со временем, принимаемым ощущениями просвещенцев. Алхимики не могут договориться об «общем времени», как и о чем-либо вообще, даже об однозначном сопоставлении стихий-металлов-планет, у разных лабораторий разные вклейки и разные карты, вопрос согласования карт не стоит в актуальности, согласование рисуется в иной карте, в метакarte связей лабораторий. История отворачивания, границы

отвращения. Язык темного предшественника, его лепет, его недовольство, шептание. Пространство обитания предсубъектностей, натяжений «до», котел формирования будущих грамматик.

27 июня.

Подъезд, около него кровать, лошадь взбирается на второй этаж, чтобы прилечь к людям, все люди устали.

5 июля.

Три дня подряд приходит человек, который говорит о себе, что у него в голове мед. Он рассказал, как однажды увидел в автобусе киргиза с кровавой рукой, держащегося за поручень. С тех пор он не дотрагивается до поручней в транспорте, боится СПИДа, потому что Киргизия находится близко к Афганистану. Ночью на меня напала тень мента — у него не было лица, только туловище в одежде, он подошел справа и коснулся холодом.

13 июля.

Лежал на животе, с повернутой направо головой. Слева кто-то сидел и гладил шею, ногтями, не больно. Начал следить за своими ощущениями — не было страха, захотелось успеть увидеть ее — почему «ее», потому что однозначно «она», — резко мотнул головой влево, все прекратилось, она исчезла. Нужно было не резко, а плавно, оставаясь в слое, придерживая ощущения на шее.

26 июля.

[Во сне кормил птиц, кидал им на землю хлебные крошки, но ветер их сдувал. Во сне бывает ветер. Это было рядом с небольшим кладбищем, где нужно ухаживать за могилкой номер пять. Подошел Ч. спросил, почему я здесь. Он подошел так. Сначала он был вдалеке, у дальнего забора кладбища, а затем возник сразу же около правого плеча, и я его уже не видел, лишь слышал голос] ---- первый раз попытался пообщаться с ними на RN-языке, они рассмеялись, как бы умилились; явно они поняли намерение. Как иностранец, изучивший простые фразы на чужом языке, приехавший в местность, ломано выдавивший из себя текст. Достаточно естественное изучение языка — приходиться к носителям, произносить (изображать) слова, следить за их реакцией.

Они — непонятно кто, это не персонажи сновидений, они не воплощены даже там в видимых формах. Они начали смеяться лишь после попытки написания текста. Будто само пространство рассмеялось — хохот-за.

Несколько раз видел во сне свою могилу, и эти изображения различались, недавнее видение своих похорон, когда сам же нес пустой гроб (вместе с М.Е.) ---- там было направление в сторону могилы, непохожей как на предыдущую, так и на «номер пять».

Общее в кладбищенских снах — ритм, окраска, — это видение слоя. В том слое нет трупных демонов, есть скорее стоящие поодаль и глядящие в цветы. Цветы там совсем не пахнущие, не радующие, они опустошены, существуют как обозначения границ. На похоронах находятся инициативные люди, берущие на себя укладку цветов — остальные благодарно смотрят за их трудом. Они раскладывают цветы по могиле, по своим ощущениям, рисуют карту невесты чего, пишут странный текст, который вряд ли будет кем прочитан.

27 июля.

Встретились с А.С. Он рассказал о различиях поведения в супермаркете в зависимости от наличия ядерного оружия. Вспомнил, как общался с одной израильтянкой. Она рассказывала, что в Нетании есть супермаркет, который взрывали три раза. И так вышло, что она присутствовала внутри два раза из трех. Она давала советы, как правильно входить в магазин, чтобы не взорваться. Старый друг детства Б.Д. попал в теракт в Риге, в августе 2000-го. Магазин разорвало. Б. Д. полгода провел в больнице с ожогами и операциями.

Спустя несколько лет мы вместе шли мимо этого магазина, Б.Д. сказал, что ни при каких обстоятельствах не зайдет внутрь. Достаточно естественное переосмысление пространства через глубокую травму. Карта как травма.

Когда оказываюсь в супермаркете, стремлюсь перемещаться быстро, делать необходимое и исчезать. Но сегодня зашел, зафиксировался в месте и мыслях о ядерном оружии. Сейчас буду двигаться с осознанием ядерного оружия. Естественно, речь шла не об этом, а об изменениях общих торговых отношений.

Рассказал А.С. В цыганском практически все существительные, пришедшие из индийских языков, наследуют род: [хинди – цыг] ракт (м.) --- рат (м.) кровь, раат (ж.) ---- рат (ж.) ночь, пани (м.) --- паны (м.) вода, анкх (ж.) — якх (ж.) глаз, джииван (м.) – джиибэн (м.) жизнь, чхурии (ж.) — чюри (ж.) нож. Язык погружается в иной язык, подобно пространству, погруженному в иное пространство, заимствуя грамматику, но оставляя ощущения. Много слов похожих на аналогичные слова из хинди, только окончание "и" меняется на "ы", с сохранением рода. Опять же цикличность: завтра=вчера — атася, послезавтра=позавчера — полатася. В бенгали, кстати, не совсем так: ; -V (каал) — это завтра, а вчера =J; -V (готокаал — время готов, гот — это и бывший, и прошедший, и мертвый, интересно, субкультура готов имеет с этим связь?), и часто в качестве завтра употребляется агамикаал, послезавтра OUб (порошу), позавчера =J OUб (готпорошу). В цыганском склонение слов, обозначающих живые существа, отличается от склонения слов, обозначающих предметы и понятия.

28 июля.

Рассказал Д. Х., как можно изображать асп-внутреннее: через телевизор, который стоит напротив. Пространство трещит и пенится.

1 августа.

Снилось, что приехал в Аллахабад. Увидел свою черную одежду. На кроссовке развязались шнурки, нагнул, чтобы их зашнуровать. Никогда раньше во сне не обращал внимание на свою обувь.

Вокзал, через который происходило вхождение в город, совсем не похож на реальный вокзал Аллахабада с десятком платформ, мостами для переходов, повсюду лежащими людьми. Это один из повторяющихся снов. Я приезжаю туда с намерением изучать что-то важное и интересное, предвкушаю год полного погружения в область, которой горит сознание. То ли алхимия, то ли тайные языки, ритуалы, слои. Фиксируется момент приезда и намерение, ощущение разнообразного будущего.

2 августа.

Во сне попросили записать на бумаге свой номер телефона. Начинал его записывать, сбивался, путался в цифрах. Исписал весь лист, выбирая новые и новые кусочки, намереваясь правильно записать номер и обвести его, чтобы отделить от неправильных попыток. Уже вроде все складывалось, но одна из цифр оказывалась либо плохо прописанной, либо налезала на уже исписанный кусок бумаги, приходилось начинать снова. Подошли два человека, спросили, что делаю. Ответил, что записываю свой телефон, и не могу понять, почему не получается. Состояние невозможности фиксации куска памяти. Не было ощущения, что код забыт, наоборот, он существовал в памяти как нечто простое и естественное, но при попытках фиксации и сосредоточения, он растекался.

6 августа.

Черный магический дождь над Хиросимой.

Год назад ночь залилась синим светом, на дороге оказались две мертвые коровы. Вокруг них суетились люди, пытались оттащить, чтобы не загорали путь.

Л. сегодня рассказал про пространственное расположение языков В.М. — он располагал языки в воздухе, комментируя, что идет за чем. Вероятно, это были формы глоссолалий с оттенками языковых групп, при этом, четкое расположение, позволяющее скользить по конструкции. Еще Л.рассказал об интоксикации текстовыми структурами, в результате которых случаются психические деформации, лингвисты «сходят с ума», узнав структуру языка. Вероятно, они влезают в изнанку языка и обнаруживают там ужас.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Третье письмо Джарру.

«О тексте-галлюцинации. Последние полгода изменили понимание. Возникли темные ямы-колодцы, в которые пришлось погружаться по неясным причинам. Даже начал подозревать в себе биполярное расстройство, — настолько мощно выбрасывало «туда» [никогда не хотел себя ассоциировать с мдп, уж больно эти волны похожи на экономику, производство, на жизнь рынков и машин; и сколько лет потребовалось, чтобы понять, что ожидание — ложный полюс]. Мир оттуда виделся лишенным привычных смыслов, занятым ненужными заботами, — это были состояния ощущения себя кусками пульсирующей пустоты, но это были погружения не в Никуда, там вполне чувствовалась своеобразная жизнь. Сшивание текстовой крысы — дом, в котором обитал ум и ощущения последние полгода. Казалось, это задание в школе: сшить крысу. Первым делом собирался нарисовать левые и правые структуры [очень не хотелось заниматься сопоставлениями политических формаций психическим болезням, типа криптофаши, alt-r ----> F..., любой, кто захочет, ритмически это согласует] Если рисовать правые и левые структуры. Правые строятся на иерархиях и подавлении. Левые — на распределении и растекании. Кто был никем, тот станет всем, всем — в смысле снова никем, в смысле растворится во всем, там нет иерархий, чтобы все было больше, чем ничто — довольно недовольственные дела. Размеры, измерения, оценки — вполне правая тема, прежде чем начать подавлять, надо оценить формальные характеристики, а то можно нарваться на того, кто сильнее тебя — оцени сначала, чтобы понять, что делать: гнобить или преклоняться. Левые темы куда более мягки. В правых темах может быть игра в левое (распределения благ), а в левых — в правое (создание иерархий). Объекты мягкого мира очень трудно оценить в смысле погружения в иерархию. Начинаются всякие камни-ножницы-бумаги, только хуже, даже без циклических порядков, чисто как отношение, как существование стрелки, как «знание имени». И слева, и справа возможны желтые зоны — места, куда не проникает всеобщее растекание, места, находящиеся вне иерархий, проклятые или спрятанные, или забытые, или оставленные. Там ютится невеста-кто, они ущербны и в правом, и в левом смысле, в правом смысле они ниже всякого говна, а в левом — недееспособные субъекты, носители ненужных заболеваний. Для правых они — мерзость, которую надо истребить, для левых — никчемность, вызывающая жалость.»

Стало ясно, что так сшивается крыса с пустотой внутри, которая может лопнуть в любой момент, даже до помещения на мерцающую решетку. С другой стороны, пустую крысу легче выворачивать наизнанку. Выворачивание — не реверсирование, это замена внутреннего на внешнее [в ps можно нарисовать пену, а затем вывернуть]. Историю о встрече с сестрой в темной комнате можно вывернуть несколько раз, там не только внешнее и внутреннее, меняющиеся местами [персонажи становятся ощущениями, а ощущения персонажами], там несколько стенок, после нескольких выворачиваний история станет тем, что есть: от зубов до пустого утра. Метод написания — слоистость, очень далекое от cut-up, работа с одним куском текста снова и снова, с разными ощущениями внутри, с дальнейшим выворачиванием и наложением. Там использованы дневниковые записи десятилетней давности, сны, трипы, видения звездного неба из колодца, медитативное коллажирование. Полученный кусок тела крысы нельзя склеить с чем-угодно, это ритмический пазл, сопоставление должно вестись в разных слоях, даже в тех, которые стерты.

Паттерны сочатся из Ночи, как дождь.

Крыса, наполненная спазмами.

Существование внутри текстов-галлюцинаций куда более сущностное, нежели существование в роли спазмического муравья внутри Академии. Как говорит Н.Л., «организация — это подавление», — на уровне бактерий, кодов, рыночных процессов. Академия — замечательный пример организма, организации, поглощающей units, подогреваемый потоками капитала и связями с корпорациями. Репрессивная политика научных журналов является не чем-то скрытым, об этом знают и говорят все, при этом, безусловно ее принимая. Поощрение, продвижение, укрепление деталей, клеток, объединение или уничтожение мелких формаций. Выйти из Академии крайне сложно, для этого требуется разрыв ритмичности, Академия – банк ритмов, она лояльна к провалам, к носителям мдп, она требует лишь выполнения общих инструкций и самоидентификации. Основное население Академии — операторы готовых машин, двигающиеся через порции готовой культуры. Выворачивание Академии наизнанку практически невозможно. Академия наводит трепет на внешний мир, и будет впредь наводить трепет практически на всех, даже на тех, кто растворит капитализм. Это один из мощнейших организмов, держащих в дрожи и страхе весь мир.

Единственная цель, объединяющая тексты-галлюцинации и Академию — создание языков. Создание языков сложнее создания концептов, для них нужны изнанки ужаса как платформы, вывернутые кошмары, оборотные стороны пены.

Текст-галлюцинация формируется не машинами, а просачиваемой человеческой субстанцией»

FFFFFFFFFFFFFFFF

А. подсказал, что нужно достать красно-черное клетчатое одеяло и укрыться в нем, как в коконе, целиком, не касаться собой никакой поверхности. Лечь хоть у себя дома, никто не обнаружит. Прячешься будто в черной дыре, в вулканической лаве. Лучше так заснуть, оставив себе маленькую щель для дыхания.

[не знал поначалу, откуда у нас это одеяло, а оказалось, оно принадлежало Г., Г. грелся в нем. Осенним днем Г. вышел под окна, достал ствол, и вынес себе мозги, залив дорожку перед подъездом красными пятнами как беспорядочными цветами. Все смотрели в окно и охали, осознавая, что сами сделали что-то не то, раз теперь видят тело своего соседа — успокоенное и ужасное. Тяжело смотреть на раскрывшегося человека. Жена Г. раздала кое-какие вещи соседям. Нам досталось его одеяло]

Свет как-то проходит через одеяло, внутри не так уж темно. Внутренность подсвечена красной лампой, ни шумов, ничего. После времени существования в этой внутренности появляется ощущение возможности движения, можно плыть, следуя раскачивающемуся ритму. Как это внешне выглядит — неясно, может, как содрогание, или сжатие, а внутри это полноценная жизнь.

Природу можно описывать через запахи, цвета, телесные ощущения, воспоминания, мечты, тревоги, вожеление, боли, через метафоры, связывающие неподвижное с объектами животного мира, через глаза, рты, прикрепленные к необычным характеристикам — это добавляет жути. Органические-неорганические связки жутки из-за обесценивания. Анатомические подробности, прикрепленные к неживому [биопанки-бионекроанатомы типа Ю.Т. повсеместно используют подобные приемы, проявление нежности к неживому].

По каждому квадрату можно ходить: как по краю, так и по сердцевине, можно выстраивать город, населять квадраты домами, делать заграждения, крепости, уютные поселения. Присутствие того, что присутствовать не хочет, имеет иную волю, но просачивается в силу (провокаций?) — выплескиваемый предазайн.

А. сказал как-то: самое ценное, что может дать кислота, это дэб.

Д.: Ты говорил, что боялся взглядов с памятников на сельском кладбище.

Да, и прекрасно помню состояние до этого страха, что спокойно хожу и смотрю на памятники. Возникла провокация, узнавание чего-то, на одном из памятников увиделась

странная фотография. Сейчас она тоже в памяти — веселый человек с улыбкой, в фуражке, смотрящий влево. Появилось ощущение, что с ним что-то не так, он — не обычный покойник или застывший кусок прошлого, а некая подвижная сущность. Эта фотография на памятнике раскрыла страх, стал приглядываться и чувствовать присутствие неведомого. Самый интересный момент — узнавание и то, что та фотография словно перед глазами до сих пор. Метафизическое тело лепится подобным образом, как из глины, через входы-распознавания.

Д.: Почему рассыпалось криминальное тело?

Потому, что не нашло свой язык. У него было лет пять-семь для создания языка, который защитил бы от внешнего мира, позволил бы за мгновения определять своих-чужих. Вместо этого происходила организация по принципу самопоедания. Оно могло обозначить свою маргинальность, создать язык, совершить акт захвата. Если не выстраивать язык, рано или поздно выбросит в изнанку общественного ужаса, ты станешь бояться того, что навязывает актуальность сетевых фрагментов. А ты должен бояться себя.

Есть холодные и теплые языки [видимо, языки могут нагреваться и остывать, вместе с пространством, в котором они существуют]. Ты говоришь о холодных, о языках взаимодействия с холодным миром. Сейчас мы видим сложившийся музыкальный коммунизм, не в смысле того, что музыка, как удовольствие, стала доступна всем и бесплатно, стало доступно сырье для создания музыки. Ты можешь скачать редактор, извлечь из библиотеки потрясающие звуки, склеить их в уникальное звучание. То же будет с конструкторами языков, подобно тому, как ты корректируешь частоты, переставляешь сэмплы по экрану, можно будет мять грамматику, наполнять словари, использовать готовые лингвистические стержни для проявляемых языковых сред.

Ты, Д., находишься в точке триумфа, человек сотни лет строил холодные языки, чтобы говорить на них с машинами. Цель — переселение в холодный мир. Этот мир находится далеко не на Севере, и в нем нет свободы. С другой стороны, в холодном мире грехи как корка — могут засохнуть и отвалиться. Ты участвуешь в построении бессмысленной вселенной, в один момент засыхаешь и тебя как бы и не было, этот засохший паттерн — не «ты». А.А.: «психиатрические больницы — это вместители черной магии, умышленные и преднамеренные...» ядерные лаборатории становятся черномагическими приютами, приютами научных сотрудников, готовых работать над расщеплением пустот. Тело крысы как карта, внутренность как ускоренный кап [заполнение пространства чужим языком и ритмами, затыкание капиталом зазоров и дыр, реализация идей CCRU по рейв-акселерации; так должно выглядеть будущее-настоящее: квартира в Москве сдается гастарбайтерам из Узбекистана или Таджикистана, они работают на строительстве новых объектов, на полученные от аренды деньги снимается жилье на Гоа, время заполняется рейвом и витаминами; разница с клубной жизнью Москвы принципиальна: природа позволяет задерживаться в рейв-ускорении, не возвращаясь в «дом», «место покоя», само пространство становится рейвом, домом несменяемой зари, без возвращений-приближений-воспоминаний ---- Н.Л. собирался создать сверхускорение, чтобы во время рейвов лопались пузыри, приземлялись на «землю», разлетевшись на куски --- последняя фаза капреализма].

Сингулярность может характеризоваться неконтролируемым потоком создаваемых языков, грамматики и принципы формирования которых невозможно осознать [и людям, и машинам, и людям-машинам, и машинам-машинам], описать, привести к системе. Языки как сущности, вступившие в гигантскую оргию, размножающиеся и мутирующие [как и умирающие] каждое мгновение [способные вселяться в людей, животных, машины].

Вирусы, говорящие на языках своих групп, формируемых здесь и сейчас ради коммуникации и размножения. Вирусы как метапроказы, выедающие куски реальности.

Языки цепляются друг за друга через грамматические тела, их можно представлять как пространства, входящие в соприкосновение. Языки мертвых народов уплывают в черные ночи, поглощаются там дремлющими потенциями.

Язык без носителей [О--<---< тело без органов А.А] живет в изнанке неосознаваемого ужаса.

Кстати, Д., несколько раз собирался написать про fr-язык, про одно его свойство, которое нужно отметить. В нем слова не просто сами по себе не несут смысла, но и более того. Чаще всего при выбрасывании одного слова из предложения, «высказывание» рассыпается. Получается текст, сотканный из брунновских структур. Совокупности слов, из которых ни одно нельзя безболезненно выбросить.

FFFFFFFFFFFFFFFFFFFF

Комикс «Утро цветочницы Хиры».

Где появилось это сказание впервые: в мусульманской или хинду культуре — неизвестно. В бенгальский мир оно пришло благодаря Факиру Рам Кавибхужана — он красиво выразил сказку, ходящую по устам.

В мусульманской и хинду версиях близкий сюжет, но разные имена героев. В хинду-версии парень превращается цветочницей не в обезьяну, а в козу. И цветочницу зовут не Чампа, а Хира {Хира и Фира — сестры, Фира — хозяйка игры В.}. Главную героиню зовут не Шокхишона, а Пушпамала (цветочная гирлянда).

Цветочницы и парикмахерши — основные рассказчицы историй, они имеют вхождение в разные места, всем нужно стричь волосы и вплетать гирлянды.

Цветы — как глаза, закрываются на ночь.

Цветочница Хира держит у себя козла, который на самом деле — заколдованный герой. По ночам он принимает свой человеческий облик, и цветочница погружается вместе с ним в радости жизни. В одну из ночей герой шлет послание своей истинной возлюбленной, рассказывая, что с ним стало. Почему он не мог просто уйти из дома цветочницы ночью (возможно, просто не хотел)? Каким образом он передает это послание? С помощью ночных птиц или призраков?

В хинду-версии сказки, послание передается через сон Пушпамалы, она видит во сне Чандику, которая рассказывает, что случилось с ее возлюбленным. Днями он козел, а по ночам — любовник колдуньи [необычное состояние для оборотня, обычно он человек днями и некто иной ночами].

[Разделение темного и светлого времени заполняет сборники Тхакурмара Джули, в истории про ракшасов служанка по ночам принимает иное обличие и бродит в поисках еды, человеческой пищи ей не хватает, в истории трех братьев жены по ночам летают в Ассам. Ночь — время (или место?) темных ритуалов, скрытых движений, колдовства, (мировая ночь Гегеля в ночи глаз человека). Пульсация оборотня, смена кожи, трансформация конечностей. Люди-птицы вылетают и грешат под покровом мрака, вглядываясь друг в друга]

Сколько же продолжались любовные игры колдуньи и заколдованного героя, и почему он раньше не попытался вырваться, уйти в одну из ночей? В подобных сказаниях время не измеряется, события проматываются, словно никакого времени и не существует, сутки и год — одно и то же. При этом, есть день, и есть ночь, а сколько их — непростой вопрос. В то время, как цветочница занималась своими коварствами, Пушпамала сидела в тюрьме (якобы за кражу лошадей), выход откуда лежал через победу над драконом, надоевшем округе. Снова тот же сюжет, что и в «Птичьим языке», что и везде: сущность иных слоев мешает жить, никто не может с ней совладать, находится герой, понимающий язык слоев, он свергает сущность, получает награду.

Утро цветочницы — прерывание ночи, ожидание разоблачения.

Поражает распределение сверхспособностей. Персонаж способен разговаривать с животными (с бхутами?), побеждать драконов, видеть сквозь стены, но не в состоянии разглядеть простейший обман, узнать переодетого героя, добыть бытовую вещь. Так повсюду. Границы возможного-невозможного определяются распределением слоев, раскрошенных источников силы, расположением колдовских облаков.

Цветочница не может предсказать, когда за ней придут. Она не способна спрятаться и сбежать. Ее колдовство и понимание жизни имеет строгие границы.

Джарр: Крыса — это ночь?

Rat западных языков переходит в ночь хинди и бенгали, и в цыганскую ночь-кровь. Крыса, идущая на Восток, превращается в ночь. [еще с rat начинается магический язык А.А. (послание 29 марта 1943 года): ratara ratara ratara – ночь, ночь, кровь]

А.А. как экзорцист.

Мотивации создания языка:

* защита, создание стены, за которую не зайдут ночные гости;

** возможность передачи сообщения внешнему миру, если тебя заколдовали (чтобы за тобой пришли);

*** (контрязык) снятие колдовства.

Как оборотни понимают карту? Они явно ориентируются в пространстве иным образом, распределяют границы, скопления, рельеф. Границы стран — это границы дня, по ночам там можно ходить. Мертвые города, отравленные реки, перевернутые озера. Ночь мира их не усыпит и не обездвижет, не ввергнет в уныние.

Ужас существования, существующий внутри оборотня, заставляет царапать свою внутренность прорезающимися когтями, на границе дня и ночи, когда тело уже не человеческое, но еще и не звериное.

24 сентября утром получил письмо от М.К. Он написал про АО-язык анархистов А.Г. и В.Г. — «мы творим не образы, но организмы». В АО-языке нет повелительного наклонения. Если располагать языки в пространстве, надо разводить АО и магические-стековые языки в контексте навязываемой воли. В АО подчеркивается отсутствие различия между «он» и «она» [в хинди так же «он»=«она» --- во [род выявляется через глагол], а в бенгали «он»=«она» --- се, но «ему» и «ей» — разные, в санскрите и цыганском тоже разные, получается, что с этой позиции, хинди — самый приемлемый вариант для анархобиокосмистов].

Расположение [и растяжение, размазывание] языков по воле-знанию-действию.

Проказа ---> метапроказа.

26 сентября.

Вчера неожиданно встретил на улице А.О., он меня даже не узнал, не виделись лет восемь. Сегодня посидели в кафе. Он показал, как разговаривает с птицами. Есть птицы, которые отвечают, но сложно распознать, что именно.

Расспросил его о той поездке в Ассам в 99-м.

Когда он собирался, все местные, включая служащих отеля, предупреждали, чтобы держался подальше мест, что находятся в 40 км к востоку от Гувахати. Там типа колдуны, и в лучшем случае там проклянут, а в худшем — съедят. Покатайся по Ассаму, это чудесный, красивый штат, с редкими животными, но забудь о том направлении. Естественно, как только А.О. попал в Гувахати, сразу же направился на восток. Доехал до близлежащего

поселения на автобусе, дальше пошел пешком. Постучался в первый попавшийся дом местности. Там стоял стол, за столом сидели четкие и строгие люди, они сказали, что ждали А.О. Здесь школа, а мы учителя [учеников либо нет, либо невидимы]. А.О. представился как исследователь, сказал, что ездит по местам и собирает ценные факты и хочет увидеть что-нибудь необычное в этих местах, наполненных магией. Строгие люди отвезли на велосипеде еще в более закрытое поселение, к дому колдуна.

Все происходило во дворе дома. Сначала колдун предложил найти на земле палочку и сломать ее. А.О. так и сделал, затем колдун взял и срастил палочку с помощью мантры. А после он посадил А.О. на стул во дворе, сказал закрыть глаза и не открывать, пока не скажет. Никакого прикосновения не чувствовалось, никто не дотрагивался. Но когда А.О. открыл глаза, оказалось, что он переместился в прилично другое место во дворе. Удивительно то, что колдун согласился повторить этот трюк. И, естественно, А.О. решил подглядеть, открыл глаза во время «движения». Открыл глаза и застрял на полпути, посреди двора, а когда закрыл глаза, «движение» возобновилось.

Еще А.О. рассказал про «миры без пыли», в которых объекты прозрачны и перетекают друг в друга [некая противоположность пыльным мирам К].

27 сентября.

Чернь ночи с кишашими узорами может содержать биджи языков. Семена, высыпаемые из надрезанных слоений.

Д.: Чернь ночи лежит в The Outside Н.Л.?

Ощущение, что она может растягиваться, касаясь как потенциально познаваемого людьми, так и The Outside. Но об этом сложно рассуждать, потому что The Outside целиком скрыто, если ты можешь потрогать ТО, то это уже не ТО. С другой стороны, прямо сейчас мы рассуждаем о ТО, о свойстве неприкосновенности, далекости, и тем самым слегка прикасаемся. ТО птицы и ТО человека.

29 сентября.

Нашли нормальную квартиру в Гургаоне. В ноябре можно будет переехать. Арендатор попросил предоплату сразу за год, и еще залог. Надеюсь к концу ноября закончить набор комиксов о Чинти. Есть предварительная договоренность с издательством, они говорят, что комиксы будут продаваться в районе Т.Б. Их будут покупать люди, читать, путешествовать вместе с Чинти. Сказали даже, что познакомят с мультипликатором, который сможет нарисовать приключения Чинти в стране пауков.

Заехал в гости Ф. — добрый и искренний человек, участковый психиатр из НН. Обсудили ускорение смыслов и размножение языков в сингулярности. В сингулярности станет возможен мятый воздух, через который не пройти. Хаотичное формирование языков, конвульсирующие оргии языков, — возможны в изнанках предельного ужаса.

История Запада — это история конфликта между А.А. и Ж.Л. конца 30-х (внутри Сен Анн), между распадом языка и захватом территорий. Конфликт за знак. Примерно в три-четыре часа, в момент показалось, что с воздухом случилось сжатие, дышать стало тяжело, потолок-стены потемнели. Попросил М.Б. отвезти домой, у него машина во дворе. Мы вышли, я понял, что не могу дойти даже до машины, должен сесть на землю, прижаться к краю. М.Б. пошел за машиной, а я остался сидеть. Когда он подъехал, все прошло, дыхание и видение стали обычными. Раньше такого не было. Если в колодец со смолой, то обратно не раньше, чем часов через пять-шесть. А чтобы все изменилось и прошло через минут десять — такое первый раз. М.Б. сказал, что я сильно изменился в тот момент, он испугался, лицо стало белым, бледным, как у Пьеро.

Пока шел домой, думал про Б., про его слияние с пустырем. Можно стать бледным и слиться с бетонной стеной или фрагментом двора.

30 сентября.

Э. написал, что сегодня ушел И.

Он говорил, что уйдет на завод, попрощался со всеми. Там старый завод за городом, И. собирался пойти и раствориться. После Э. с ним общался, они сидели на фоне дождя, говорили о музыке. Последний год его гнали со всех работ, куда только ни устраивался, он оказался выброшенным из общества, из взаимоотношений. А сегодня задохнулся в осеннем мраке.

И. не хотел переезжать в социальный дом к железной дороге, говорил «там дыра, там можно пропасть». Мыслил пространство как пористую сущность, в которой много дыр и цельностей.

И. рассказывал, как в один день увидел в открытом пространстве свое существование. То ли это было поле, то ли место около озера. Он почувствовал, как все существующее проходит сквозь его тело. Тело-мелкое-решето. Не только ветер, дым, влага, но и все остальное. Экзистенциальная галлюцинация. И. много лет затем ходил по схожим местам и искал эти ощущения, вылавливая движения природы.

1 октября.

Самый страшный день.

Утром отовсюду начали писать, что ушел В.

Какую бы дату не поставили, знаю, когда это произошло. В тот самый момент, когда случился приступ позавчера. Минус семь часов в Принстоне.

17 марта 2012 года. Позвонил В., сказал, что вернулся из Марокко, предложил встретиться. Он подробно расспросил, что было со мной в последние дни. Мы сели на полу у него дома, стали беседовать о санскрите. В. достал книгу Кр-ы и начал эмоционально объяснять, что эта книжка — оскорбление людей. У него весь стол был завален санскритом: словарями, учебниками, текстами. Мы просидели так на полу, пока не стемнело. Ничего особенного, мы часто так сидели и разговаривали о вещах. Особенное произошло, когда мы вышли на улицу. В один момент В. начал прямо кричать на меня, кричать. Было звездное небо. Он замолчал, остановился и сказал, что не хотел сначала мне это говорить.

..... страшный текст об инициации .....

19 февраля 2011 года. Мы находимся на верхнем этаже уродливого здания на Сивил Лайнс. В. рассказывает, как входить в сон через усилие и сосредоточение, а не через расслабление и рассеяние.

18 февраля 2011 года. Пришли с В. в домик бихарских капаликов на окраине Аллахабада, дал ему фонарик, чтобы он осветил темную комнату. Это были места, которые мы видели во сне.

15 февраля 2011 года. Мы едем в поезде, Шив Ганга Экс. Дели-Варанаси. К нам ломятся высокие наглые люди, В. на них только что накричал и вытолкнул из купе. Двери крепкие. В ночи все успокаивается, мы разговариваем о знаках. Приходит понимание, что нам не надо ехать в Варанаси, мы посреди ночи выходим в Аллахабаде. Внезапное возвращение домой.

14 февраля 2011 года. В. направляется во тьму бенгальского квартала, прохожие с замотанными головами предостерегают, говорят, что там опасно. Шатаемся по ночному Пахар Ганжу.

6 сентября 2013 года. «похоже, у меня все получилось.... сейчас могу попробовать

перебросить тебе пару фраз а как их сможешь использовать это тебе решать». [В. приглашали в Кхарагпур]

.... фразы ....

кто такая Прапада? (пер — кончики пальцев ног, скорее всего это ложное имя)

6 ноября 2013 года. [письмо] Принстон. Я нахожусь в комнате, типа в одном из домиков IAS-а. Хата свободная, как у всех там, светлая такая, богатая. И ощущение общего чики-пики. Но в этом чики-пики проявляется некая еле осознаваемая фигня, сначала на уровне крыши, затем потолка, затем проявляется как паук тарантул — свисающий, шевелящийся. Ты тоже сидишь рядом, и ты понимаешь полностью, что происходит — ты это уже видел. Мы с тобой находимся в состоянии предвкушения, скоро откроется новый слой реальности и какой-то ужас. И тут ты начинаешь объяснять все происходящее. И с каждым твоим словом я все больше боюсь за тебя. А уже понятно, что там (в этом новом слое) — жесьть, и эта жесьть повсеместно, и уже неясно, как оттуда убежать, ибо все происходящее — далеко вне нашего контроля, все эти пауки — лишь начало какого-то глубокого кошмара.

Что я могу рассказать из услышанного? Что хочешь, только с одним условием — не давай этому никаких интерпретаций.

29 августа 2017 года... [это будет скрыто внутри текста]

2 октября.

День рождения. Непонятно, сколько лет. Самый кошмарный др, заполненный внутренним воплем.

Не узнал себя в зеркале, вгляделся. Есть виды стекла с подвижными частями. Глядя именно в них, а не в зеркала, можно войти в вывернутое «я». Развитие происходит через отречения от своих отражений в зеркалах и принятие отражений в стеклах с подвижными частями.

[Как амебы, плавающие в глазах, когда смотришь на небо. Только они более цельные, живые, не идущие за взглядом, а выполняющие самостоятельную активность. Похоже на работу прозрачных шестеренок, налаженную, имеющую смысл. Узоры меняются, это не фиксированная картинка, перемещающаяся туда-сюда, а некий вырезанный экран, на котором транслируются события]

3 октября.

Мысли все время находятся вокруг В. Перечитывал переписку за эти годы. В тело будто воткнуто копьё, мешает находиться. Позавчера сначала не поверил этой новости, а затем погрузился в истерику, стал метаться по квартире, съел обезболивающее и уснул.

Цвет латышского языка — оттенки зеленого, и как субстанция — не жидкое, не твердое, скорее как трава, или древесина салатого цвета. В больнице лежал вместе с мальчиком из деревни, который не говорил по-русски. По-латышски тоже вроде не умел читать, лишь мыслил и говорил. Он рассказывал о своей собаке, что ее приютили когда-то, она бродила по округе, и есть подозрение, что это волк. Мать оставила его жить с бабушкой, сама вышла замуж и поселилась в городе. Хтонь и хвоя, — он раскрыл это в рассказах о лесе. Хинди — скорее бардовый, темный, субстанция — жидкое, болотистое, перемешанное, пучинное, подвижное. Бенгали — желтый и оранжевый, сладкий, липкий, разливающийся по сознанию как карамель. Санскрит — [попросили сказать] белый, невидимые ряды в воздухе, порядки облаков, небесные гимны. Цыганский — серый, волосистый, серые пряди развевающиеся на холодном ветру. Английский — темно-розовый с черным, лавообразный, вулканистый, тотальный, поглощающий.

Д., при пересыпаниях текста можно придерживать какой-то кусок внутри, отпускать его затем, как крупу, прижатую к стене. Пусть все пересыпается без этого куска, а он затем упадет, когда его отпустят. Это существенно увеличит количество конфигураций.

Направление потока посредством придавливания падающего-перетекающего.

Пытаюсь найти в переписке с В. намеки и объяснения. Не хочется в это верить до сих пор. Множество снов. «... И это страшно. Вижу тебя со спины и хочется кричать...» Интересно, что начальная точка некоторых его исследований — беседа с писателем С.С. (на каком-то лыжном курорте, насколько помню).

8 октября.

Все, девять дней.

Позавчера впервые увидел владельца учебника по стенографии, по которому учился в 93-м. Он рассказал, как оказался в Лефортово в 91-м, и ему помогла стенография. До этого уже успел побывать в елгавской зоне. А после этого — открыть банк и ввязаться в политические замесы. Оказался известным деятелем времени передела. Спросил, кто я, неясно, что ответить, сказал, что стенография очень оказалась кстати, позволила выстроить границы, карты.

9 октября.

I. сказал, что у него восемь судимостей. Мы ехали по осеннему вечеру, по воде, I. под хохот друзей рассказывал о закрытых пространствах. Трепетное отношение к животным дает подозрение в ненависти к людям, — так там рассуждают. Во мне никакого трепета к животным нет, только к птицам, и то из-за их легкости и отрешенности. Спросил I., какую компьютерную игру он хотел бы получить. Ту, где сфинксы и атланты, ремесленники. I. сказал, что должен быть убитым, уже несколько лет как, и ощущает себя принадлежащим жизни-нежизни.

10 октября.

М.К. процитировал Ренара:

«Прелестное замечание Сен-Поль-Ру о том, что деревья обмениваются птицами, как словами»

Сидеть, смотреть в окно на деревья и составлять словарь. Кажется, что разговоры идут о погоде, а они о просачивании и бездне. Деревья делятся своим пониманием Ничто.

12 октября.

Если изучать сны и кошмары птиц, нужно начинать с птиц-оборотней, которые говорят на человеческих языках. Сам-само-себя-в-себя — мягкая пластичная наслаиваемая машина формирования «идти в себя самого», «скрываться в себе», «жевать себя», «само осознано себя» Андрея Б. Само на себя как тесто.

15 октября.

Мама сказала, что еще не очень темно, хотя было очень темно. Мы медленно пошли по улице, она рассказала, как прошел дождь и залил квартиру, как стены покрылись плесенью, которой нельзя дышать. Дышащие плесенью заболевают болезнями дыхания. Осенний воздух был явно вывернут, мы шли по изнанке, а не улице.

Договорились, что в полночь зайдет Э., а он заблудился в домах [как он мог забыть, где я живу??], зашел позже. Рассказал, что тот человек, с которым мы ходили в секту, сейчас в п.б. — он стал видеть мир плазменным, в вылетающих из зрения цветах, чувствовать запах дыма.

Э. сказал, что И. уже несколько раз приходил к нему во снах, они обсуждали музыку. Они обсуждали мелодии-ритмы во снах так же, как последние тридцать лет. И. считал создание музыки чуть ли не единственным занятием, имеющим смысл.

Музыка залатывает пустоты.

По словам Э., человек умирает каждую ночь, и воскресает каждое утро уже обновленным.

16 октября.

Чтобы давать имена животным, уже необходим язык внутри, как среда обозначения или потенция.

Письмо М.К.: «у Терренса Маккенны же было соображение, что (его знаменитые) «самотрансформирующиеся эльфы» (которые открываются при употреблении аяуаски) и учат детей языку, показывая им каждое понятие или слово одновременно во всех модальностях (смысловых, сенсорных). Потом взрослые называют этих «эльфов» «воображаемыми друзьями».

19 октября.

Узнал про язык глайдов — психоделических жестов. Странно, что раньше не наткнулся или не обращал внимание. Цепочки пустых емкостей, которые можно заполнять множеством способов. По разным описаниям глайды напоминают RN, но такое ощущение, что они из разных слоев, языковых семей. Язык психоделических кувшинок и агонирующих спиральных муравьев. В подобных языках текст и карта сливаются в одну сущность. Движение язык--->текст--->карта есть язык--->текст--->текст или язык--->карта--->карта.

Купил за углом книгу «Languages of tribal and indigenous peoples of India» с чудесным «числовым алфавитом» в конце Mapung Mayek – 27.

В первой статье этой книги поднимается вопрос, как отличить языки племен от языков неплемен. Сначала приводится некое профаническое мнение, что языки племен представляют «a speech without grammar», а затем отмечается, что это чушь. Свободные языки, лишённые грамматических тел — это далеко не языки племен. Побродив вокруг, автор приходит к выводу, что ничего разумного о различии грамматических тел племенных и неплеменных языков он сказать не может. [Есть еще интересная статья о порядке слов в племенных языках типа Khasi. Нерешительные комментарии к 3-й главе анти-эдипа Д-Г, к Л-С, к теориям номадических структур]

Язык потерявший грамматическое тело. Он может как душа переродиться или отправиться в рай, как призрак остаться бродить по темным местам, как бхут поселиться в роще или в животных.

Грамматическое тело без языка, тело настолько жестко, что ни один язык не хочет в нем селиться.

В книге приводится множество племенных языков, о которых раньше не слышал: лария, махл, кхотта, варли, ао (как у анархистов), на, лаи, гаро, далу, деори, чиру, ката, хо... Если смотреть по штатам, меньше всего племенных в юпи, как ни странно, и языки джангали (лесной?), тхару. Племена находятся вне джаати, иерархий большого мира, систем принятых взаимоотношений. Для них большой мир — не более чем источник благ, удовольствий и опасностей, его стоит знать лишь в целях выживания-наслаждения, а все самое важное и интересное ютится на окраине, вместе с духами племен.

Племенное грамматическое тело копирует фрагменты грамматик местности. Если путь племени долог и разнообразен, в теле появятся слепки грамматик разных семейств.

Вчера, когда зашел в комнату приятеля, отметил на его стене мелкий лабиринт, похожий на фрагмент xenolinguistics, спросил его, что это обозначает, он ответил, что не знает, лабиринт висел здесь «до».

В этом городе иные детали, за пару дней три намёка на xenolinguistics, пришедшие из разных, не знающих друг о друге, мест.

21 октября.

Увидел, как слоится рука, и не просто слоится, а деформируется в мясную фабрику, выворачиваясь и склеиваясь. Будто невидимая сущность надрывала кожу, обвязывала руку этой кожей, но не так, как было раньше. Определенно, это было уродливо.

Уже шесть дней, как приехал в город с золотистым освещением. И поначалу не мог понять, существует ли он во сне или вне сна. Ходил по улицам и не привлекал ничего взгляда, даже мимолетного, оценочного. Как призрак. Вероятно, мог проходить сквозь людей, но не пробовал, опасаясь таки столкнуться.

Поселился в маленькой комнате с клетчатым полом, выложенным из белой плитки, на шестом этаже, с видом на старые здания. Здесь неясно, когда становится темно, а когда светло, всегда золотистая подсветка, у нее меняется мерцающая интонация, насыщенность, интенсивность.

Вопрос о том, периферия это или центр существования, не имеет однозначного ответа, кажется, выбросило «за», и этой комнаты с клетчатым полом вообще нет в существовании, он производится сознанием как самая простая форма.

Вчера вышел из черного коридора и оказался среди стен с приклеенными гигантскими осиными гнездами. Накрученные как мотки (намотки) лент.

Срез гнезда задает обычный лабиринт с круглыми границами. Соединение лабиринтов разных сборок происходит через ленты. Там нет никого, лишь бесконечные переплетения контекстов и воспоминаний, заложенных внутри сознания, и это не «там», а «здесь». Туда нельзя проникнуть и встретить нечто, чего уже нет внутри, в памяти или ощущениях.

Возможно, это введение в западную философию, как в начале 1008плато — теория кальки осы, непонятно зачем построенная. Крыса плетет кружева, а оса плетет контекстные ленты, соединяющие лабиринты. Западная наука — совокупность светящихся паутинок, как в фильме Гаспара Ноэ, ползающих по самим себе. Западная наука строится на подвижных нитях, сперматических световых фрагментах, клетках, делениях и разрушениях. Это наука о нитях. Она пытается измерять язык-текст-карту через нити.

Как вернуться в Гургаон? — неправильный вопрос, никто не даст на него ответ. Внутри лент можно построить новый Гургаон и вернуться в него, не возвращаясь.

22 октября.

Сознание обнаруживает себя, наполняется ужасом, выворачивается «туда», где возможен язык, проявляет себя через речь, просачиваясь сквозь себя.

«Проявление себя через речь» — предмет КШ [знающие придерутся к слову «через»], импульс, позволяющий нарисовать вселенную снова — как спанда, обнаружение — как пратьябхиджня.

Сегодня провалился в мох, в гигантское мягкое одеяло, облепившее сознание без возможности сомнений. Узнать, что здесь не только «я», но и «я», и ужаснуться от иного присутствия себя.

[Может ли такое быть, что сознание запутается в ленточных намотках, подобно живности, если тело перемотать изолентой и положить в багажник, появятся близкие ощущения — по лентам можно двигаться, но лишь в узких местах, как внутри слоистостей]

Страх зашел через спину, так, чтобы его не было видно. Почувствовался холод внутри кожи. Словно кто-то заботливо покрыв сзади мокрым покрывалом.

Слева появилась дверь, ведущая в каменное здание, улица, по ощущениям пасмурная, приглушенная, и как размноженное отражение... человек-собака, с вывернутыми ногами. Похожие часто встречаются на индийских вокзалах, они ползают по платформам, издают звуки, пугают пассажиров, вызывают сочувствие и желание отвернуться. Их много в местах темной сакральности, в старой Калькутте, около Кали Гхата, в скважинах домов. Обычные объекты не отбрасывают дорожки своих отражений, для этого нет нужного света. А здесь был не просто стоящий на перевернутом теле, изуродованный болезнью, человек, а некий отпечаток, выбрасывающий след пяти-шести подобных себе отражений. Будто воздух оказался разлинеенным прозрачными стенами, невидимым стеклом, способным собирать призрачные свечения. Он смотрел на меня, явно узнавая, и улыбался нечеловечески, и скорее улыбался не мне как человеку, а форме сознания около.

По всему понимаю, «прозрачные стены» там присутствовали не просто как неживой фон, а как некие действующие субъектности. Они же были и около реки 13 сентября, просто тогда не разгляделась за ужасом. Именно они населяют слой и делают возможным проникновение персонажей типа размноженного человека-собаки или висящего кошмара. Возможно, просачивания, которые они предоставляют — попытка рассказать «интересное» тому, кто их заметил, желание привлечь внимание, а не напугать. Не жуть, а речь.

24 октября.

Там, где была площадь, пространсто оказалось загороженным. Пожилая женщина стояла у видимого входа и ругалась на рабочих, что перегородили вход. Чтобы пройти, нужно протиснуться по месту. Как только пошел там, понял, что заграждение движется, уменьшает зазор. Стена пошла дальше и рухнула, сбросив меня на спину, накрыв сверху своей частью. Боли не было, но когда попытался крикнуть, позвать на помощь, почувствовал в груди давление — звук не выходил. Кричал в себя, съедал свой крик. Снаружи люди засуетились, заорали.

Получилось место с треугольной крышей, в котором не пошевелиться. Оказался не связан ггутами, а придавлен конфигурацией.

Н. зашел в комнату [не понимаю, как это увидел, будучи внутри иного], подошел к батарее и начал развешивать цветные тряпки, вроде одежду, но не объемную, а как лоскутки. Показалось, что это лоскутки моего разорванного сознания, он их сушит, чтобы затем сшить. [Сознание освещает и освещается лишь кусочно, в остальной темноте невозможно ничего разглядеть, если не случатся блуждающие вспышки. Границы освещенных областей как раз похожи на лоскутки]

Н. никогда не станет объяснять, что никаких прозрачных стен нет, он никогда не рассказывает, что есть, а чего нет. Он увидел придавленность стенами-полом-подолком, пришел и забрал меня из темного существования как из сна, из галлюцинации о мире.

25 октября.

Д.К. написал, что увидел расслоенного себя. Он шел по улице и планировал дальнейший маршрут, в один момент часть него отделилась и отправилась по продуманному маршруту. Эта часть скользила и быстро перемещалась туда, куда должна попасть [Д.К. назвал ее «светлячком»]. После она сказала «да отдайте ему это, он заслужил». Затем произошло дальнейшее расслоение части, она разделилась на ту, что вернулась к Д.К. и ту, что рассеялась.

[редкий случай согласия с Ж.Л.: усталость является следствием гонки за иной ритмичностью, дело не в скорости, а в попытках уловить чужое. Сознание не устает от самого себя, оно устает от имитации, от игры, пришедшей не из себя. Уставшее сознание не рвется, а засыпает. Рвется сознание не из-за усталости {узоры могут рваться из-за усталости от мира, требующего непрерывного и цельного существования}]

28 октября.

В КШ (и не только) есть понятие пурьяштака — это восьмеричный город, состоящий из пяти субстанций (чувств, стихий) танматра, и еще тройки: буддхи, манас, ахамкара. Восьмеричный город — человеческая субстанция, связывающая душу. Человек как город. Проявление-растворение города — одна из ключевых тем КШ. Или не ключевых — какая разница?! Душа живет в городе, способном раствориться.

31 октября.

М.К. написал о разметке текста.

Не представляю, как формировалось это место, и возможна ли разметка, позволяющая идти по мере создания.

Разметка текста-галлюцинации — это вопрос об ином времени. 16F — не разметка, а швы. Возможно, RN решает именно это, но следовать RN как карте-разметке галлюцинации крайне тяжело.

М.К. посоветовал осторожнее относиться к переводам S&Z, даже если цитаты из S&Z используются как флажки и метки [в них могут оказаться проекции неврозозов — флажки-неврозы].

Возможно, тот человек в Мотилал говорил о границе языка в смысле W, перечисляя «золото», «серебро» как выразимые языком абстракции. Уже неважно. [от Гургаона до Камла Нагара где-то 40 км, два с небольшим часа вечером по делийским дорогам, юг и север имеют разные интонации, юг прозрачнее, чище, спокойнее, север свободнее, холод, свобода и ужас любят север]

4-5-6 ноября.

Внутри тела, если отойти на пару миллиметров от границы внутрь, есть еще одно тело, очерченное как тенищийся слоистый контур. Оно воспринимает золотисто-рыже-ржавую область, и само ею является. Оно видит коллажирования и сдвиги явленных областей, наложенных друг на друга словно трясущимся механизмом. Возможность одновременного видения того, что проявилось, и того, что готово просачиться. Золотистое тело чувствует причины.

Можно сидеть в кашмирском кафе и говорить не о чем. О погоде или научной политике. Час-два. А затем спросить «ты общаешься с призраками?», вызвать недоумение и неловкость. И после этого три часа выслушивать удивительное, еле фиксируемое. Не понимаю даже, почему задал ему этот вопрос. Он рассказал о щелях и трещинах, залитых параноидной слизью, вызывающей страх. Подобно тому, как сладкое варенье, залитое в щели в зубах, вызывает зудящую боль. Эта слизь покрывает не одно сознание, а целые регионы, ночные тишины. Как облака — опускаются на людей с запетыми глазами и окутывают память, пробуждая кошмары.

Человек с рыжим петухом под мышкой ходил по улицам и вглядывался в глаза прохожих. Будто готовился к ритуалу.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Вибрирующие пустоты.

Джарр прислал книгу body of victim, body of warrior о кашмирском джихаде.

Мы вышли с С. в раннее утро, к морским поселениям, спящим домикам. Приятный холод покрывал лицо. Спросил С., хотел бы он заглянуть в сны птиц. Он ответил, что не хотел бы,

потому что не знает, что с ними делать. Даже если там будет нечто, лишаящее речи, какое-то знание о природе, его невозможно применить для человеческих нужд, а потревожить оно вполне может. Тогда спросил его, что бы он сделал, если бы я сейчас превратился в птицу. Пристрелил бы. Вообще от общения с птицей-оборотнем не по себе. На самом деле, все не так, он сказал, что сны птиц интересны, и что с птицей-оборотнем полезно общаться.

С. – сильный и красивый, но он полузакопан в землю, и не ногами в земле, а боком, смотрит наполовину.

Надо договориться о знаках, если его совсем закопают, чтобы дал знаки, тогда приду и освобожу тем или иным способом.

«Своя крыса» -- как пустая надутая одежда.

Вопрос доступности. То, что там есть, доступно в ощущениях просачивания, но едва ли фиксируемо. Жестокость как изнанка чистой карты, как С. смотрел на это холодное утро, на свежесть самого существования. Птица-оборотень — не я, а он, а тот вопрос был банальной провокацией. Он различает людей-теней, смотрит на внешнее с видимым спокойствием. И каждый раз во время нашей встречи появляются птицы — в разговорах, идеях, смыслах. Рисование птиц на могилах, «рука птицы внутри свитера». И вообще порой казалось, что С. не ходит, а летает, присутствует, глядя вокруг себя, укрывается перьями.

Ч. как-то спросил, будет ли момент, когда проказа съест все пространство. Как тлеющий пенящийся текст. Что будет оставаться на месте съеденного пространства? Дыры, щели, трещины, рваные пустоты, дыры в дырах, щели в щелях, пустые внутренности отсутствия.

Птицы-оборотни будут метаться по земле и небу, паникуя от съедаемого и уходящего в отсутствие воздуха, — здесь варят то, чем нужно дышать.

То, что остается на месте съеденного — чернь ночи, rat, крысиный покой, содержащий спящие потенциалы.

Может ли разъедание оказаться тем самым варварским бесцеремонным поведением, которое ожидали как освобождение. Может. Не может.

В том приятном холоде было нечто навязчивое, словно липкость воздуха. Будто внешнее сознательно делает так, чтобы нам было хорошо. С. смотрел головой в бок, стоя не так, и уже ясно, отчего. И в тот момент липкость начала проступать, природа стала пахнуть. Появился неприятный запах, как в детстве, когда давился, глядя на рвоту. Капающий невесть откуда жаренный отвар, мутный сок, как мы позволили себя съесть? Мы явно находимся во внутренности, желудке гигантской крысы. С. может выстрелить куда-угодно, хоть в меня, или в себя, и вывернуть крысу наизнанку, вспороть ощущения. Птица-оборотень, смотрящая в бок, зарытая в землю, внутри желудка — это мой друг С.

У крыс своя проказа — rat leprosy.

Птица-оборотень С., ритуалы, rat, надпись на коробке «shuuhaa naashak davaa».

FFFFFFFFFFFFFFFFFFFF

Четвертое письмо Джарру.

«Мы наблюдали это в случае с шизофреником, изучающим языки» (Ж.Д. «Логика смысла»)

самая интересная глава из «Логики смысла» — тринадцатая серия, шизофреник и девочка. О языке поверхности, языке глубинных тел А.А., об испражнении-языке. Измученные, истерзанные языки. Центральная тема — война за язык, которая проигрывается практически всегда.

Языковые трещины [Ж.Д. мудро разводит трещины и разрывы] задают ощущение подлинной трагедии. И это то, что отсутствует у Лавкрафта с его иероглифами и агглютинацией. В

теновом городе нет языковых трещин, там иная цельность. А иная цельность порождает не трагедию, а тишину.

Настоящий язык без носителей — не умерший язык, а еще не родившийся, в смысле проявления в различиях и свойствах.

Языковая трещина «двойственна» всплеску ужаса, парализующему всякое различие. Дэб задает потрескивание изнаночной стороны.

Приходят воспоминания об осеннем покое, мы находимся рядом с торговым центром, сырая погода, воздух пропитан водой. Мне года четыре. Это явные ощущения, происходящие будто сейчас. Торговый центр — собраний разных магазинов, кулинария, кафе, парикмахерская, фотостудия, библиотека [эта библиотека прославилась как место действия одного из первых советских-постсоветских порнофильмов]. На улице сидит бабка, растекшаяся в стороны, с ребенком лет двух на руках, и кормит его ягодами. Ребенок орет, выплевывает, а она все равно засовывает. Прохожие смотрят как не на свое дело. Одна женщина подходит и говорит «что же вы делаете, он же давится». А бабка отвечает «это витамины, полезны для здоровья». Бабка озирается по сторонам, продолжая вдавливать в рот ягоды, показывая всем видом, что делает правильное действие. У нее все руки в красном соке, как в крови. Ягоды-яйца-раздавленная взрывчатка. Подходят какие-то люди и спрашивают, почему я без шапки, ведь холодно. И в момент начинает казаться, что пространство трещит, как от электрических проводов. А люди — не люди. Все люди остались в церкви, а здесь вывернутые тени из снов, просачивающиеся через еле ощутимые линии-надломы.

Трещины ужаса соответствуют всплескам языка. Треск Солнца, воздуха, пространства — на деле — это треск языка.

Тени проступают сквозь трещины. С. учил, как их распознавать. Они перемещаются по забвению, никуда не торопятся.

Там, у торгового центра, в осеннем покое, тени меня похитили. Тело осталось стоять и смотреть на прохожих, а сознание втянулось в трещины и оказалось в мире темных отражений. На несколько суток, затем вернулось обратно, наполненное опытом необычного кошмара.

Судя по уверенности С., его тоже когда-то похитили и укрыли в отражениях, только не человеческих. Тени птиц, истребляющие трупных демонов, пригласили его в свое жилище, показали карты и впечатления. [те, кто там побывал, узнают друг друга по молчанию и ощущению иного покоя]

Основные воспоминания о мире теней — тишина, бесшумные перемещения. Как изолированная бесконечная нора, со стенами, обвитыми звуконепроницаемым материалом. Скорее звук пройдет через камень, чем через такую стену. Все видно, но ничего не слышно.

В изнанке этой тишины лежит язык темных отпечатков, сжимающий близкие и далекие объекты в густые целостности с размытыми границами.

FFFFFFFFFFFFFFFF

Гургаон. Лежал в комнате, лицом вниз. Каменный гладкий пол, покрытый большими квадратами. Утром по прозрачности воздуха стало ясно, что к вечеру придется лежать, прижавшись лицом.

Есть дни, когда во всем воздухе плавает песок.

Звонящая пустота соединялась с далекими звуками индийской жизни. У соседей работал телевизор, видимо, местный музыкальный канал. Пролистываемая болливудская музыка, короткие клипы по полторы-две минуты, перемешанные с рекламой шампуней, чипсов и крекеров патака. Истошное гавканье на улице, собака сгнула в бездне, заблудилась в себе,

Д.: Что осталось в комнате?

Это центральный вопрос и он связан с восприятием пространства вообще. Ж. Д. говорил, что значение структурализма в целом состоит в том, что он смещает привычные границы. Мне раньше казалось, что структурализм не касается границ вообще, он работает с клубком связей. В этом тексте не так много метафор, как кажется на первый взгляд. Много буквального, дословного, но гротескно изложенного. Попытки изложения впечатлений о пространстве как «месте зрения и движения» приводят к вопросам типа «что осталось в комнате?» Если бы пространство воспринималось не как набор границ, а как клубок связей, вопрос поставился бы вроде «что не порвалось?» или «что осталось от «я»?», «что осталось натянутым?», «что не треснуло?». Человек зашел в комнату и начал трогать предметы. Ему важно было дотронуться, познать телесно: стены, разбросанную одежду, рассыпанные на столе записи. Можно понять его действия как познание границ, а можно понять как построение связей. Касаясь предметов, он связывает их с внутренними предметами, создавая то, что понимается под «объектами». В этом тексте есть ритмические куски, вызывающие у меня слабость и легкую тошноту, — не в негативном смысле, просто как физиологическая реакция на ритм. Вложенные усложняющиеся пространства, цепляющие смыслы, требующие усилий. Текст, наблюдающий за текстом, наблюдающим за текстом. (Кон)текстовые ты и Джарр, утерянное «я», сшивающее разорванные куски (кон)текстовой крысы.

12 октября впервые прочувствовал иной кошмар, связанный с выворачиванием текста. В этом кошмаре находились моменты принципиально нового осознания, не сводящегося к предыдущему, к тому, что было «до». Был текст. Он явно записан на нескольких страницах. Страницы существовали не здесь, но в «вывернутом здесь», и ясно, что на них написано. Ясно сутью существования, типа ничего иного на них не может быть написано — это единственная возможность присутствия текста. Но этот текст нельзя прочесть, потому что изнанка не читается. Прочитывание — обнаружение скрытой субъектности, обитающей в ..... (и здесь явное место, недалеко от церкви и кладбища). Душный кошмар зажатости внутри правил «здесь» — «вывернутое здесь». Можно спокойно «быть» и рефлексировать, но чем глубже проникновение в «это», тем меньше воздуха, тем туже затянутость жгутов внутри сознания. Тошнота появлялась вместе с попытками прочесть изнаночный текст. По мере возвращения в разум, духота рассеивалась, мышление как дыхание наполнялось воздухом, и возможности присутствия, «вывернутое здесь» и скрытая субъектность, становились недостижимыми фрагментами воспоминаний. Дальше уже хайдеггеровское «когда ужас улегся, обыденная речь обыкновенно говорит: «что собственно было? Ничего» Определенно, там был взгляд на пространство, прикасающийся к иному слою осознания, возможно, этот кошмар проступил как комментарий на текст-галлюцинацию.

Впечатление о пространстве — подавленная интимность. Прикосновение к телу — своему или чужому, — понятно культурно и физиологически, а прикосновение к абхотик-атибхотик дэха — это задавленное и захлапленное осознание, тоскующее внутри слоистых лабиринтов памяти-ощущений.

[Системы вложенных контекстов образуют тоннели-перекрытия, по которым бежит крыса. Она способна перемещаться до тех пор, пока не соприкоснется с *chuuhaa naashak davaa*, — после возвращение из Ничто станет едва ли возможным. Языки, вытекающие из агонизирующего животного, формируют среду нововременной доступности. {Доступно так же, как доступен этот текст.}]

Для восстановления и фиксации впечатлений о пространстве необходимо натяжение. В 1008 плато это натяжение выстроено на разных чувствах к «душевной болезни». Ж.Д. панически боялся реальных сумасшедших. Ф. Г. с ними жил и работал. Для Ж.Д. шизофреническое тело, живущее в трех измерениях: тело-решето, раздробленное тело и разложившееся тело, — это не тело живого шизофреника из *La Borde*, скорее это тело

сущности, обитающей на границе с The Outside. Для Ф.Г. эта тема связана с непосредственным проникновением во внутреннюю тьму La Borde [тьмы хватает в любой больнице]. Представление о пространстве: плато, анти-эдипе, шизофреническом теле, ризоморфности и стае, натягивается на созданное напряжение.

[Если создать приемлемое натяжение, можно написать «Психическое тело птиц», для этого требуется опытный орнитолог и структуралист, желательно испытывающий страх перед птицами]

Пространство [и впечатление о нем] как холст, натянуто на что-то. Хоть на Ничто, на имитацию психической болезни или здоровья, на языковую травму, спазмы или порванный текст.

В тот день, 13 сентября, мы с Л. разглядели еще одну деталь. До того, как приблизиться к реке, тоже слева от нашего пути, увидели на кустах леску. Будто кто-то распутал леску и сбросил ее с себя. Там были как натянутые фрагменты, так и висящие комками. Мы толком не обратили внимание, вспомнил об этом лишь после, когда восстанавливал детали того дня. Сейчас, увидев такое, отметил бы, что лески слишком много, явно несколько больших катушек, зачем нужно так путать куст. До места впечатления там прилично, полкилометра — не меньше.

Перебирая детали, кажется, что увиденное у реки, и куст, запутанный леской — одно и то же. Странно, что леска и куст могут стать провокацией, от которой придется убежать, вылезая вне себя, пытаюсь изгнать впечатление из памяти. Это одно и то же, но явленное в разных знаковых системах. Нелепый фрагмент, еле цепляющий внимание, и перекрывающий сознание ужас. [если мы говорим о разных знаковых системах, мы смотрим на явление как на текст; «текст» у реки может быть изначальным «текстом» запутанной лески]

Какое состояние требовалось, чтобы мы не заметили или не обратили внимание на странность у реки? Ускоренность, к примеру. Если бы мы промчались мимо, вряд ли «это» растянулось бы за взглядом. Постницшеанское ускорение Н.Л. — замена ужаса «здесь» на дэб, в котором процесс поглощения страшнее своих фрагментов. Прогулка к реке [особенно ее ритм] страшнее того, что мы увидели [и нет особой разницы между леской на кусте и той жутью у воды]. Н.Л. разглядел самосущности, живущие ускорением, расширением [сами по себе и в себе], их невозможно истребить, но возможно подкрутить, помочь, подогнать, надеясь при этом, что в своих предельных фазах они растворятся в Нигде [переписывание мышления через строение-поведение больших структур, а не узористость — удобно для обсуждения политических процессов]. Дэб съедает свои фрагменты. [Основной миф теперь касается не противостояния верха и низа, а растворения материи и сознания в глобальном океане (капитализме, щебете, шелесте)]

«Соблазнительное успокоение ускоряет падение» — М.Х. S&Z.

Основной вопрос, который ставят перед собой созерцатели ускорения — что делать с приближающимся горизонтом. Это почти «что осталось в комнате?» Горизонт может оказаться в разных смыслах противоположным рассыпанию языка, разложению шизофренического тела, он может оказаться точкой мгновенного создания новых языков, которыми будут пользоваться в том числе вирусы. Для распознавания принципов мутации кода потребуется время, а времени не будет, языковые конструкции будут создаваться и сменяться быстрее, чем можно помыслить. Не тотальное рассыпание тела, а тотальная сборка множественных тел. Котаризация. Поглотить горизонт может крыса [трансформация подвижного комка в монстра, съевшего горизонт]. Внутри каждой крысы свой горизонт.